A 1,012,029

Digitized by Google

PROPERTY OF
University of Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Digitized by Google

o Slovo o polku Igorevom.

БИБЛІОТЕКА „ЗОРЪ“.

Igor

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ.

ТЕКСТЪ ЗЪ ПЕРЕКЛАДОМЪ

и зъ поясненемъ старорускихъ правилъ акцентовыхъ и ритмичныхъ

cr8675 wo7631

выдавъ
ОМ. ПАРТЫЦКІЙ.

ВО ЛЬВОВѢ, 1884.

Зъ друкарнѣ Товариства имени Шевченка
подъ зарядомъ К. Беднарского

Digitized by Google

27222.16.5

HARVARD COLLEGE
MAY 6 1897
LIBRARY.
Ward fund.

891.78
SC36
P27
1884a

Digitized by Google

61-261751

Вступнй уваги*).

Єще року минувшого, поясняючи темнй мѣстця въ „Словѣ о полку Игоревѡмъ“, обѣцявъ я подати розправу про старорускій акцентъ и про ритмику давного нашого поемату. Задача була для мене дуже трудна. На тѡмъ поли нѣ въ нашѡй, нѣ въ россійскѡй, нѣ въ старославяньскѡй литературѣ не доведено до нѣякихъ результатѡвъ, въ загалѣ не зроблено навѣть якихъ-такихъ початкѡвъ, бо въ старовину акцентованыхъ книжокъ не було, отже и нема теперь пѡдставъ до розъясненя такъ важного въ языцѣ нашѡмъ появу.

Лишаюсь одно „Слово о пълку Игоревѣ“. Єсть поематъ, — муситъ бути въ нѣмъ и ритмъ якійсь, — а єсли єсть ритмъ, то муситъ ѡнъ бути переведеный пѡсля певныхъ засадъ акцентовыхъ. Отъ и взялись ученй за тое „Слово“. Обзнакомленй въ многими языками свѣта — въ санскритскимъ, перскимъ, греческимъ, латиньскимъ, готскимъ и т. д. — они довгій часъ порѡвнували, комбинували, спорили, ѡднакъ въ кѡнци узнали всѣ свои труды даремными и порѣшили однодушно, що въ старорускѡмъ памятнику єсть вправдѣ якійсь ритмъ

*) Уваги тій помѣщенй вже були въ 9. числѣ сегорѡчной „Зорѣ“. Тутъ передруковую що важнѣйше на-ново, вразъ зъ гдеякими доповненями и поправками, о скѡлько они конечно потрѣбнй для зрозумѣня цѣлои розправы.

Digitized by Google

и що ухо той ритмъ чує, але годѣ его науково сконстатувати, бо „правилъ старорускои ритѣники и старорускаго акценту не знаємо“.

Та найшовъ ся въ Россіи якійсь Нѣмчикъ, що замотану справу акцентону безъ великого труду розвязавъ. Менѣ лучилось недавно бачити въ львовскій библіотецѣ Оссолиньскихъ одно дуже цѣкаве выданє „Слова“ въ видѣ рукописи. Згаданый Рейнгардъ переписавъ власною рукою цѣлый поематъ, наслѣдуючи старорускій способъ писаня, и тую рукопись посредствомъ литографіи, чи якимсь може иншимъ способомъ, выдавъ на свѣтъ божій. При ближшомъ розглядѣ я дознавъ ся, що Рейнгардъ своимъ выданємъ задумавъ перевести ритмику „Слова“. И якъ жежь онъ то робитъ? Онъ бере за подставу нынѣшній акцентъ великорускій, при томъ читає кожде ъ и кожде ь яко повну самогласну, а где ему забракне силябы, онъ собѣ при якій небудь согласній дописує букву ъ. Отъ н. пр. перше речене „Слова“ онъ собѣ такъ скомпонувавъ: Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати сътарыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ?

Зъ тои пробки переконаютъ ся Читателѣ, якого то рода „науковыя разработки“ пишутъ ся Рейнгардами. Изъ слова „братіе“ робитъ ся „бъ+ратіе“, изъ „старыми“ повстало „съ+тарыми“, слово „трудный“ перемѣняє ся на „тъ+рудный“ — и такъ иде черезъ весь поематъ, ажь до послѣдного слова „аминь“. Рейнгардови байдуже про те, що наведенѣ нимъ слова въ такомъ видѣ не знаній нѣ въ старорускомъ, нѣ въ старославяньскомъ, нѣ въ нынѣшнихъ языкахъ славяньскихъ; байдуже и те, що порівнавча наука языковъ посередъ бесѣдъ индоевропейскихъ не находитъ для такихъ формъ оправданя, — онъ маючи въ запасѣ богато іорковъ та ѣрковъ

Digitized by Google

кладе ихъ, где тôлько буйна фантазія того забажае.

И въ чôмъ же причина, що наука про акцентъ зôйшла на такй манôвцѣ, на дорогу низкои, недостойнои забавки, на просте посмѣховище людей, що маютъ бодай якй-такй здоровй змыслы?

Причинъ ту двѣ. Одна, що ученй надто оглядались на иншй языки, а не шукали правилъ акцентовыхъ въ самôмъ памятнику старорускôмъ. Друга, що ученй надто рефлектовали на нынѣшну, живучу бесѣду: Малорусины хотѣли читати все по свому, Великороссы зновъ по свому, забуваючи, що межи часами Игоревыми а нынѣшными лежитъ спорый шматъ часу — бôльше якъ 700 лѣтъ. А въ тыхъ 700 рокахъ яку то революцію не перебула наша бесѣда! Въ „Словѣ о полку Игоревôмъ“ подыбуемо еще самогласнй ρ и л, подыбуемо самогласнй ъ и ь, подыбуемо формы коротшй старославяньскй и формы повноголосни рускй, подыбуемо слѣды довгихъ и короткихъ самогласныхъ, подыбуемо вымерлй теперь формы, якъ aoristus, imperfectum, dualis, подыбуемо двояку бдмѣну приложникôвъ и т. д. Якъ жежь все то читати и наголошувати, коли въ нынѣшнôмъ язычѣ тыхъ звукôвъ и формъ нема, а языкъ церковный пôдъ взглядомъ акценту предстaвляе вже постать надто врущену, новѣйшу, часто на довольныхъ придумкахъ и правилахъ оперту?

Докладнй слѣдженя въ области нынѣшнихъ нарѣчій рускихъ, а особливо въ нашихъ горахъ, моглибы кинути богато свѣтла на справу акцентову. Тôлькожь такихъ слѣджень доси якбы не було. Я читавъ розправы о малорускôмъ акцентѣ Дра В. Ганкевича и проф. И. Верхратского — та небогато въ нихъ довѣдавъ ся. Дръ Ганкевичь самъ часто зле акцентуе, а послѣдній, пишучи

Digitized by Google

для не-Русинôвъ, констатуе тôлько, що н. пр. слово „водá“ маѳ акцентъ на послѣднôмъ складѣ, а слóво „дóля“ на першôмъ складѣ. Для чужинцѣвъ, очевидно, и те добре знати, але для насъ важна рѣчь довѣдати ся, для чого одно слово такъ, друге инакше наголошуесь, для чого акцентъ въ рôжныхъ падежахъ змѣнный, для чого и пнѣ слôвъ разъ такій, разъ иншій акцентъ маютъ. Стереотипне покликоване на „духа языка“ есть дуже выгôдною фразою, але знôвъ треба выяснити, що то есть той загадочный „духъ языка“, якими засадами акцентовыми бесѣда наша руководила ся и руководитъ ся при твореню и при ôдмѣнѣ слôвъ. У насъ, въ рôжныхъ околицяхъ, бувае и ôдмѣнный акцентъ, отже и иншій „духъ языка“. Случаѣвъ ôдмѣнного наголошуваня на Украинѣ а въ Галичинѣ есть дуже а дуже богато, тай въ самôй Галичинѣ рôжницѣ мѣжь горами а долами часто засадничй, — о Лемкахъ въ западнôй Галичинѣ навѣть не говорю. Отже въ той хаосъ акцентовый требаôы конечно якійсь ладъ впровадити, треба посредствомъ науки, въ незбитыми доказами, въ желѣзною консеквенцією выказувати, що есть правильне а що нѣ, и где тôлько еще можна, треба управильнювати нашь выговоръ. Акцентъ рускій то не абы-яка марна рѣчь,— се велика вѣками хоронена и вѣками намъ передана спадщина, истинна святыня народна, котру если коли, то въ нынѣшнихъ часахъ мы въ Галичинѣ беречи и плекати повинни.

Якъ нема въ природѣ самовольныхъ скокôвъ, а всякй переобразованя ôдбуваютъ ся постепенно и пôсля певныхъ одвѣчныхъ правилъ, то такъ дѣесь оно и въ бесѣдою людскою. Она живе, розвивае ся, переобразовуе ся, та все пôсля певныхъ, сталыхъ засадъ, если тôлько не станутъ въ дорозѣ якй шкодливй вплывы посторонни.

Digitized by Google

Єсть отже межи теперѣшностею а минувшостею також подъ взглядомъ акценту непрорывна, исторична звязь, котрои не годитъ ся спускати въ ока.

Про важность докладного познаня старорускаго акценту промовляє еще одна важна обстанова. Якъ звѣстно, текстъ „Слова о полку Игоревомъ“ въ многихъ мѣстцихъ есть надто попсованый, такъ въ рѣчевой части, якъ и въ языковой. Я самъ въ торочной „Зори“ пояснювавъ надъ 50 темныхъ мѣстць „Слова“, головно тѣ уступы, що вдносятъ ся до поганьскои вѣры Варягъ-Скандинавцѣвъ и до поганьскои вѣры давныхъ Русинувъ; а языковыхъ и словарскихъ хибъ и неточностей можна въ „Словѣ“ начислити також що найменше другихъ 50 выпадквъ. Очевидно, що для поясненя, справленя, або усуненя тыхъ хибъ и неточностей передовсѣмъ и найбольше придати ся повинно ритмичне провѣрене тексту.

Возьмѣмъ только одинъ случай. При кончи „Слова“ згадуєсь про рѣку Стугну и якъ она выляла въ берегувъ, а дальше додана така увага: „Оуношоу князю Ростиславоу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ“. Довго интерпреты томились надъ поясненемъ того загадкового реченя, ажь недавно ученый Великоросс, князь Вяземскій, выказавши очевидну похибность въ горѣшной стилизаціи, запропоновавъ зробити таку поправку въ текстѣ: „Оуношоу князя Ростислава затвори днѣ при темнѣ березѣ“—значитъ: (*рѣка Стугна*) *затопила молодого Ростислава при темномъ евоемъ березѣ*. Той коментарь у всѣмъ згожуе ся въ поданями лѣтописными и вводитъ якъ найкрасшу гармонію и логичну та рѣчеву звязь въ дотычный текстъ „Слова“, а предсѣ не вдоволились нимъ другій интерпреты, котрій за нѣщо въ свѣтѣ не хотѣли розстати ся въ выраженемъ „Днѣпрь“. Єсли отже ясній

Digitized by Google

якъ сонце доказы, если глубокоумна интерпретація и геніальна поправка кн. Вяземского не могли переконати другихъ интерпретѣвъ, — то чи можливый буде коли небудь розумный выходъ въ того коментаторского лябиринту? Конечно, яко „ultima ratio“, посередъ всѣхъ тыхъ суперечностей и недовѣрчивостей, рѣшати мусить и рѣшати буде — ритмика, акцентъ. Тай истинно покажесь тогды, що коментарь кн. Вяземского есть въ тѣмъ мѣстци едино добрый, бо ѣдповѣдае всякимъ вымогамъ доброи ритмики.

Про методу, якои я державъ ся при дослѣджуваню старорускаго акценту, подана була обширнѣйша згадка въ 10-ѣмъ числѣ „Зорѣ“. Колижь, по довшихъ томлячихъ блуканинахъ, взявъ ся я за переписоване поемату пѣсля ритмичныхъ вымогъ, замѣтивъ я зъ немалымъ задиванемъ, що мои дослѣды въ многихъ засадничихъ точкахъ сходятъ ся зъ гдеякими правописными властивостями поемату. Не одно, що мы въ „Словѣ“ звыкли були называти языковыми и правописными блудами, походячими нѣбы-то ѣдъ переписовачѣвъ, оказалось теперь автентичною, нарокомъ въ цѣляхъ ритмики придуманою правописею самого автора „Слова“.

Такимъ чиномъ найшлась въ правописи поемату перша и дуже важна пѣдстава до дальшихъ слѣджень. Держачись тои правописи, мѣгъ я вже лекше дѣйти бодай гдеякихъ правилъ акцентовыхъ и розпѣзнати яко-тако ритмичну будову старорускихъ стихѣвъ. Отъ и въ кѣнци ясно стало менѣ, що мы маемо тутъ дѣло въ поезіею зовсѣмъ окремого рода, котра опираесь не такъ на римахъ, якъ бѣльше на алитераціи и ассонанціи звукѣвъ, подѣбно якъ то було въ сучаснѣй сканди-

Digitized by Google

навскôй поезіи въ 12-ого столѣтія. Се була друга великои ваги добычь, котра знôвъ послужила менѣ дуже цѣнною указкою при порядкованю цѣлого поемату на поодинокѝ стихи*).

Довершивши дѣла, розглянувсь я уважнѣйше въ акцентахъ ново-повсталои поезіи и замѣтивъ, що побôчь акценту нынѣшного въ многихъ словахъ выходятъ акценты зовсѣмъ иншѝ, падаючѝ выключно лишь на силябы коренныѝ, якъ: твóрити, мúноути, зѣлёный, вёсёлый, пóганый, вёликый, хóтите, йдоуте, вёдете, а навѣть зóвоуте и т. д. Менѣ выдались такѝ акценты дуже правильными, а про ихъ колишне загальне уживане свѣдчила менѣ бесѣда нашихъ галицкихъ гôрнякôвъ, у котрыхъ до нынѣ замѣтна склоннôсть до акцентованя силябъ коренныхъ. Я той акцентъ назвавъ прарускимъ, а въ дальшôй консеквенціи старославяньскимъ; за его помочею ôдкрывъ я зовсѣмъ правильный ритмичный укладъ въ щоденныхъ нашихъ молитвахъ, а подекуды и въ церковнôй литургіи.

Розглядаючись въ творахъ старорускои литературы замѣтивъ я еще дуже выразну ритмичну будову стихôвъ въ такъ званôмъ „Словѣ Даніила Заточника“. Твôръ той въ руки переписовачѣвъ не выйшовъ такъ правильный, якъ поематъ про Игоря, тай акценты многихъ выразôвъ выходятъ въ нѣмъ инакшѝ, але всежь есть то ритмичный утвôръ, въ котрôмъ въ гдеякихъ случаяхъ можна було шукати порады.

Такъ отже пять чинникôвъ зложилось на тое, щобы менѣ уможливити студію надъ старорускимъ акцентомъ. Суть ними: 1) правописнѝ властивости

*) Стихи, збудованѝ на пôдставѣ ассонанціи звукôвъ, рѣшаютъ зъ всякою певностею питане, якъ авторъ „Слова“ вымовлявъ самогласнѝ ѣ, ъ, ь, и.

Digitized by Google

поемату, зазначеній въ выданю Муссинъ-Пушкина; 2) ритмична будова стихôвъ, оперта на алитераціи и ассонанціи звукôвъ; 3) Слово Даніила Заточника; 4) акцентъ въ живучôй бесѣдѣ рускôй (особливо въ нашихъ горахъ); 5) ритмика церковныхъ молитовъ.

До щасливого переведеня сеи працѣ немало причинились еще слѣдженя на поли старорускаго звукословія такихъ ученыхъ, якъ Максимовичъ, Востоковъ и проф. А. Потебня. Безъ ихъ трудôвъ я бы не знавъ, що н. пр. въ старорускôмъ язычѣ побôчь полкъ, волкъ, солнце, Хорсъ, черный говорилось также: полокъ, волокъ, солонце, Хоросъ, черeный и т. д. Сесй повноголосній формы приходятъ дуже часто въ старорускôмъ поематѣ и лишь при такôмъ читаню можна було близько цѣлу сотку стихôвъ уняти въ правильну ритмичну форму. Цѣнною була для мене такожь розправа проф. Потебнѣ о уживаню и звуковôй вартости старорускихъ самогласныхъ ъ и ь; надѣюсь, що ученый той мужь найде въ теперѣшнôмъ выданю „Слова“ найкрасше оправдане для своихъ выводôвъ.

Въ многихъ мѣстцяхъ послугувавсь я еще зъ великимъ хôсномъ працями нашихъ галицкихъ ученыхъ: Як. Головацкого („Розправа о южнорускôмъ язычѣ“) и Дра Ом. Огоновского („Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache“).

Ом. П.

Увага. Самогласну ъ заступую въ текстѣ черезъ о, а ь черезъ е Обѣ тй буквы легко розпôзнати, бо печатаній не кирильскимъ письмомъ, лишь гражданкою.

Digitized by Google

Слово о пълкоу Игоревѣ.

I.

Не лѣпо ли ны бѣшете, — брате,
Начати старыми словесы
Трудныхъ повѣстий о полкоу Игоревѣ,
Игоря Святославличя?

Начати же ся той пѣсни
По былинамо сего времени,
А не по замышлению Бояню.
Боянo бо вѣщий, —
Аще комоу хотяше пѣсне творити,
То растѣкашется ся:
Славию по мыслену древу,
Сѣрымо вълкомо по земли,
Шизымо орломо под облакы.

Помняшете бо, — рече, перевыхъ времен усобицѣ:
Тогда поущашете десять соколово на стадо лебедей,
Который дотечаше,
Та преди пѣснь пояше:
Старому Ярославоу, храброму Мстиславоу,
Иже зарѣза Редедю пред полкы касожскыми, —
Красномоу Романови Святославличю.

Digitized by Google

Бѣшю же, братие, —
Не десятъ соколово на стадо лебедей пущаше,
Но свои вѣщиі персты на живаа струны вскладаше,
Они́ж сами́ князе́м — славоу рокотаху.

Почне́ме же, — бра́тие, — пове́сте сию́
От ста́раго Влади́мира до ны́нѣшняго И́горя,
Иже́ истягноу у́мо кре́постью своею
И поостри се́рдца своего́ моужество́м;
Напо́лниво ся ра́тнаго доуха́,
Наведе́ храбры́а по́лкы свои́
На зе́млю половецкоую за зе́млю рускоую.

II.

О Бѣшане, — соловию́ сего́ вре́мени!
Аще́ ты сиа по́лкы оущекота́л,
Скача́ славию по мы́сленоу древу́,
Лѣта́а о́рломе под о́блакы,
Свива́а сла́вѣ о́ба по́лы сего́ вре́мени,
Рыща в тропоу Тро́яню — чрес поля́ на го́ры!
Пѣти бы́ло пѣсне И́гореви, того́ внуку:
„Не бу́ри со́колы занесе́ чрес поля́ широ́кая:
„Га́лици стады́ бѣжат ко До́ноу ве́ликомоу...“
Чиль воспѣти бы́ло, вѣщіи Бѣшане,
Ве́лесово вну́че!...

Комони ржу́те за Соулою,
Звените слава́ во Кыевѣ,
Трубы тру́бите во Но́вѣградѣ,
Стоите стязи́ во Пу́тивлѣ.

Digitized by Google

И'горь ждет мила́ брата́ Всево́лода.
И рече́ ему́ Боуй-Тўр Всево́лодо:
„Одино́ брат, одино́ свѣт свѣтлы́й ты И'горю,
Ова́ всѣ́ Свѧтосла́вличи!
Сѣдла́й, — бра́те, свои́ бо́рзыи комо́ни,
Я мои́ ти го́тови,
Осѣдлани оу Кўреска на пе́реди!
Я мои́ ти Кўряны —
Свѣдоми коме́ти:
Под тр̀бами повити,
Под шело́мы возлелѣяни,
Ко́нець ко́пиа воскормлени,
Пўти и́мо вѣдоми,
Ѣроугы́ им зна́еми,
Лоуци́ оу ни́х напряжени,
Тоули́ отво́рени,
Сабли́ из-о́стренн;
Сами скачю́те аки́ сѣры́и во́лоци в полѣ́,
И'щючи себѣ́ чести́, — а кнѧзю́ славы́."

III.

Тогда́ Игорь возрѣ́ на со́лонце (свѣтло́е) и видѣ́
От него́ тьмо́ю вся своя́ воя́ прикры́ты.
И рече́ Игорь ко дроужинѣ́ своей́:
„Бра́тие и дроужино́!
Лоучше́ бы по́тятоу ми бы́ти,
Не́же полоне́ноу бы́ти!
Я всядеме, — бра́тие,
На свои́ бо́рзыя комени́,
Да по́зриме сине́го До́ноу!"

Digitized by Google

Спала́ кнꙋзе́ви ѹ́мо в по́хоти
И жа́лости емꙋ́ знаме́не застꙋпи́,
Искꙋси́тн До́ноу ве́ликаго.
„Хо́чю бо, — ре́че, ко́пие прило́митн,
Ко́нець по́ля полове́цкаго, — с ва́ми Ру́сичи;
Хощꙋ́ главꙋ́ свою́ прило́жити,
Я́ люб҃о испи́ти ше́ломоме До́ноу!“

Тогда́ встꙋпи́ Игорь во злат стреме́нь,
И пое҃ха по чисто́моу по́лю.
Со́лонце емꙋ́ темно́ю пу́те застꙋпа́ше;
Но́ще сто́ноущи емꙋ́ грозо́ю птичь оубꙋ́ди;
Свисто́ звѣ́рино коста́,
Ѡби-Дѝво кли́че(т) ве́рехоу древа́:
Ве́лите послꙋ́шати землѝ незна́е҃мѣ,
Во́лзѣ и Помо́рию ѝ Посꙋ́лию,
И Сꙋ́рожоу и Ко́рсоуню, — и тебѣ́,
Тъмоуторо́каневскый болва́не!
Я́ Полове́ци негото́вами доро́гами
Побѣ́гоша ко До́ноу ве́ликомоу;
Крича́ть телѣ́ги полꙋ́нощи,
Ѥ́рцн ле́беди роспꙋ́щени.
Игорь ко До́ноу во́и ве́дете;
Оу́же О́бида его́ пасе́т — птиць подо́бною,
Во́лоци грозꙋ́ возро́жате по ꙗроуга́м,
О́рли клектоме на ко́сти звѣ́рн зо́коуте,
Лисѝци бре́щоуте на черле́ны́ щиты́.
О рꙋ́ская земле́, — ꙋ́же не шело́мянем всѝ!

IV.

Долого́ ноч мѣ́ркнете;
За́ри свѣ́то запала́,

Digitized by Google

Мегла́ поля́ покры́ла,
Ще́кото слави́й оуспе́,
Го́вор га́лич сѣ оуе́зди.
Ро́снчи вели́каа поля́
Прегороди́ша чересле́ными щиты́,
И́щючи себѣ чести́, — а кнѧзю славы́.

С зара́нїа во пя́тко потопта́ша
По́ганыа по́лкы половѣ́цкыа,
И рассу́ясь стрѣлами по по́лю
Кра́сныа помча́ша дѣ́вкы половѣ́цкыа,
И с ни́ми зла́то и паволокы́
И дра́гыа оксамиты́.
О́ртомами и япо́нчицами й кожоухы́
Нача́ша мо́сты мо́стити по бо́лотомо
И грязи́вымо мѣсто́мо,
И всякы́ми оузоро́чьи половѣ́цкыми.
Чересле́но стя́го, бѣ́ла хорюгове,
Чересле́на чо́лока, сребре́но стрѣ́жие
Храбро́моу Свѧтосла́вличю!...

Дремлете в полѣ́ Ольго́во хоробро гнѣ́здо́,
Да́лече залетѣ́ло!
Не было́ 'но О́видѣ поро́ждено:
Ни со́колоу, ни кре́четоу, — ни тебѣ́,
Че́реный воро́н, — по́ганый Полове́чине!
Гза́ко бѣ́жите сѣры́ме во́локоме,
Ко́нчако ему́ —
Слѣ́до пра́вите ко До́ноу ве́ликомоу.

Digitized by Google

V.

Дроугаго-дни вѣльми рано кровавыи зори
Свѣто повѣдаюте;
Чѣреныи тучи с моря идоуте,
Прикрыти хотите четыри солонца,
И в них трепещоуте синии молонии.
Быти грому великомоу!
Ити дождю стрѣлами с Дону великаго!
Тоу ся копѣмо прилѣмати,
Тоу ся сѣкламо потручати —
О шелому половѣцкыи на рѣцѣ на Каялѣ,
Оу Дону великаго...

О рускаа землѣ, — уже не шеломянем еси!
Се ветри, — Стрибожи внуци,
Вѣюте с моря стрѣлами
На храбрыи полокы Игореви.
Землиа тутнете, —
Рѣкы мутно текоуте, —
Пороси поля вкрываюте,
Стязи глаголюте.
Половци идоуте от Дона и от моря
И от всѣх сторон: — роускы полкы остоупиша.
Дѣти вѣсови кликом поля прегородиша,
И храбрии Русичи прегородиша
Чрелѣными щиты.

Ир-Тоурѣ Всеволоде!
Стоиши на бороны,
Прыщеши на вои стрѣлами,
Гремлеши о шеломы —
Мечи харалужными.

Digitized by Google

Кáмо Тоур поскóчише,
Своúм златы́м шелóмоме посвѣчивáше,
Тáмо лéжа(т) пóганыя глáвы половéцкыя,
Поскéпаны савлиáми кáлеными
Шéломы оварéскыя,
От тебé — Ир-Тоурé Всеволóде!

Кáя рáна дорогá, — брáтие,
Забы́во чти и живота́
И грáда Чéрнигова — отня́ злата́ стола́,
И свóя ми́лыя хоти́ — крáсныя Глѣбóвны
Свы́чаи й обы́чаи?

VI.

Бы́ли вѣци Трóяни,
Ми́ноула лѣта́ Ирóславля,
Бы́ли пóвци О́льговы,
О́льга Свѣтослáвличя.
Той бо О́лего мечéм — крáмолоу ковáше,
И стрѣлы по земли́ сѣя́ше.
Стоупáсте во злáт стремéнь во грáдѣ Тьмоуторóканѣ.
Тóже звóно слы́ша дáвный вéликый Ирóславо,
Сы́ноу Всеволóжь, —
Я Владúмиро по всѣ оутрá —
Оу́ши закладáше во Черни́говѣ.
Бóриса же Вячеслáвличя славá на сѫ́до приведé
И на тканúноу зéленоу папóломоу постлá,
За обúдоу О́льговоу, — хрáбра и младá князи́.

Digitized by Google

Тогда́ при О́льзѣ Горислáвличи
Сѣ́яшете сѣ́ и растя́шете оусо́бицами,
Погыбáше жи́зне Дáждьбожа вну́ка,
В княжи́х крáмолах —
Вѣ́кы человѣ́комъ скрáтишась.
Тогда́ по рѣ́скои земли́
Рѣ́тко́ ратáеве кыкáхоуть,
Но часто́ врани́ граи́хоуть,
Трѣ́пы дѣ́лячи сѣбѣ́,
А гáлици свою́ рѣ́чь говори́хоуть,
Хо́тять полéтѣти на ѣ́дие.
То было́ в ты рáти и в ты по́лкы,
А сѝцеи рати́ не слы́шано.

VII.

С зарáнья до вéчера, — с вéчера до свѣ́та
Лéты(т) стрѣ́лы кáленыя,
Гримлю́ть сабли́ о́ шлéломы,
Трéщы(т) ко́пья харалу́жныя
В полѣ́ незнáемѣ, — —
Срéди зéмли половéцкыи.

Чéрна земля́ под копыты́
Костьмí была́ посѣ́яна
А кро́вью по́лита:
Тугóю взы́доша по рѣ́скои земли́.

Что́ ми шумите, — что́ ми звените
Давéчи рáно прéдо зóрями?

Digitized by Google

И'горь по́локы заворочáвте,
Жаль емý милá братá Всеволóда.

Би́шась день, — —
Би́шась дрýгый, — —
Третьяго́-дни, ко полýднию,
Пáдоша стязи́ Игóревы.

Тý ся брáта разлýчиста ся
На брéзѣ быстрыя Каáлы.
Тоу крóваваго вúна не достá;
Тоу пир докóнчаша храбрúи Рýсичи:
Сваты́ попóиша, — а самú полéгоша
За зéмлю рýскоую...

Нúчите трава́ жалóщами,
И древó с тоугóю ко земли́ преклóнилось.

VIII.

Оу́же бо, — брáтие, невéселая гóдина востáла,
Оу́же во поусты́ни сúлоу рýскоую прикры́ла.
Востáла О'бида во сúлах Дáжбожа внукá:
Вступúво Дѣвою на зéмлю Трóяню,
Восплéскала лебéдиными крúлы на синѣ морѣ;
Оу Дóноу плéщоучи оубýди жúрныя врéмена.

Оусóбица князéм на пóгыныя погыбé;
Рéкоста бо брат ко брáтоу: — „сé мóе, а то мóежe“,
И нáчаша князи́ про мáлое „сé вéликое“ молóвити,
И сами́ на сéбе крáмолоу ковáти;

Digitized by Google

И по́гани со всѣ́хъ сторо́нъ прихо́жаху
С побѣ́дами на зе́млю ру́скую.

О да́лечѣ зайдѣ́ соко́лъ, — пти́ци бы́й ко мо́рю,
И Игоре́ва храбра́го по́локоу не крѣ́сити!
За ни́мъ кли́кноу Ко́нчакъ,
И Гза́ко по́скочи по ру́скои земли́,
Смага́оу мы́чючи во пла́мянѣ розѣ́.
Жѣ́ны ру́скыя восплака́шася са́ркоучи:
Оу́же на́мъ свои́хъ ми́лыхъ лад ни мы́слию смы́слити,
Ни ду́мою сдоума́ти, ни очи́ма соглѣда́ти,
И зла́та и сребра́ ни ма́ло то́го потрепа́ти.
И вострона́ бо, бра́тие, — Кые́во тоугою́,
И Чѣ́рингово на́пастьми;
То́ска разли́ася по ру́скои земли́,
Печа́ль жирна́ оутѣ́че сре́ди зе́мли ру́скыя.
И князи́ сами́ на сѣ́бе кра́молоу кова́хоу,
И по́гани сами́, побѣ́дами
Нарица́юче на ру́скоу зе́млю,
Емля́хоу дань по бѣ́лѣ́ от двора́.

Та бо два́ храбра́а Свѧтосла́вличя,
Игорь и Всеволо́дъ, — и́же Ло́жоу оубѣ́диста,
Которо́ую то бѣ́шете оуспи́л отѣ́ць ихъ Свѧтосла́во,
Грозны́й, — ве́ликый, Кые́вскый.
Грозо́ю бѣ́шете:
Притрепета́л свои́ми си́леными по́локы
И харалу́жными мечи́,
Настоупи́ на зе́млю половѣ́цкоую,
Притопта́ хо́ломы и яроугы́,
Возмоути́ рѣ́кы и о́зеры,
Иссу́ши потокы́ и колота́,
И по́ганаго Кобыка́, — из лоукомо́рья,

Digitized by Google

От желѣзныхъ великихъ полоковъ половѣцкыхъ
И'ко вихро выторже.
И паде сѣ Кобякъ во градѣ Кыевѣ,
Во грѣдници Святославли.
Тоу Нѣмци и Венедици,
Тоу Греци и Морава
Поютъ славоу Святославлю,
Кають князя — И'горя,
Иже погрузи жиръ во днѣ Каялы,
Рѣкы половѣцкыя, —
Рускаго злата насыпаша.
Тоу И'горь князь иссѣдѣ изъ сѣдла злата,
И в сѣдло кощѣево.

IX.

Оуныша бо градомъ забралы, а весѣлие поничѣ.
И Святославо мѣутенъ сонъ видѣ:
„В Кыевѣ на горахъ синоч с вечера одѣвахоте мя,—рече,
Чѣреною паполомою на кровати "севѣ;
Чѣрпахоуте ми синѣе вино с трудомъ смѣшено;
Сыпахоуте ми тощими тулы поганыхъ тлковинъ
Великый женчюго на лоно, — и нѣгоуюте мя.
Оу'же дескы без кнѣса в моемъ теремѣ златовѣрестѣмъ.
Всю ноще с вечера Бусови врани
Возграхоу оу Плѣснеска на болони,
Бѣша дебре И'сканю, — и несошась ко синемоу морю".

И еркоша бояре ко князю:
Оу'же, княже, — тоуга ти умъ полонила.
Се бо два — сокола —

Digitized by Google

Слѣтѣста с отнѣ стола златá,
Поискáти грáда Тьмоуторóкана,
И любó испúти шѣломоме Дóноу.
Оу'же сóколома крылеца
Припѣшали саблíмн пóганых,
И сáмою опýташа в поутúны желѣзны.
Тѣмнó бо вѣ во трéтíй день:
Два сóлонца помéркоста,
Оба "грнанá стóлпа погасóста,
И с нíма молодáа мѣсяца,
О'лего и Свнтослáво,
Темóю сѧ поволокóста.

На рѣцѣ на Каáлѣ свѣто тьма покрúла:
По рýскои земли
Простроша сѧ Полóвци, áкы пáрдоуже гнѣздó,
И въ морѣ погрýзиста, — и велúкое боуйствó
Подáста хúновн.

Оу'же снéсе сѧ хоулá на хвáлоу,
Оу'же трéсноу Лжа на вóлю,
Оу'же рережé сѧ Дúво нá-землю.
Се бо Гóтскы крáсныа Дѣвы
Воспѣша на брезѣ синéмоу мóрю:
Звóнѧ рýскыме златóм
Поюте врéмѧ Бýсоко,
Лéлѣюте мéсте Шароканю.
И мы ýже дроужинá жадní весéлиа.

Тогдá Свнтослáво вéликый изрóни злáто слóво
Слéзами смѣшéно и речé:
„О моá сынóвца, И'горю й Всевóлоде!
Рáно'ста начáла половéцкоу зéмлю

Digitized by Google

Мѣчи цѣклити, — а себѣ славы искáти.
Но нечестно одолѣсте,
Нечестно бо кровѣ погáною пролиáсте!
Баю храбра сéредца
Бо жéстоцѣме харалýзѣ скóвана
И в бéсти закáлена.
Сé ли створисте моéй сребрéнѣй сѣдинѣ?
Оу́же ѩ не вúжю власти сúленаго и богáтаго
И мнóго кóи брáта мóего Ирóслава
С черниговескыми былáми,
Со Могýты и с Татрáны,
И со Шéльбиры и с Топчакы
И с Ревоугы и с О́льберы.
Тúи бо без щúтово со засапóжникы
Кликóме (?) пóлкы побѣждáюте.
Звонячи во прáдѣднюю слáвоу...

Но рéкосте: — „Мýжаймѣ ся сáми,
Прéдню слáвоу сáми похытúм,
А зáднею ся сáми подклúм.
А чи дúво ся, — брáтие,
Стáроу помолóдити?
Колú сокóл в мытéх бывáете,
Высóко птúци возбивáете:
Не дасть гнѣздá своегó в О́бидоу.
Но се зло: князú ми не посóбие;
На нúче ся годúны обратúша.
Се Оу́мри крúчи(т) под саблúами половéцкыми,
А Володúмиро под рáнами.
Тоугá и тóска сыноу Глѣбовоу.

Digitized by Google

X.

Е́ликый княжѣ́ Всеволо́де!
Не мы́слю ти прилѣ́тѣти изда́леча,
Повлюсти́ отни́ злата́ стола́?
Ты бо мо́жеши Волгу́ весли́ раскропи́ти,
А Дон шелому́ вы́лити!
А́же бы ты был, —
То была́ бы ча́га по нога́тѣ,
А кощѣ́й по рѣзанѣ...
Ты бо мо́жеши по сухо́у
Жи́выми шереши́ры стрѣля́ти,
Оу́далыми сы́ны Глѣбовы.

Ты бо́й Рюри́че и Дави́де!
Не вію ли злачёны ше́ломы по кро́ви плава́ша?
Не вію ли храбра́я дроужина́
Рыка́юте аки́ тоуры́,
Ра́нены сабля́ми ка́леными
На полѣ́ незна́емѣ?
Вступи́та, господи́на, — во зла́та стре́мени
За оби́доу сего́ вре́мени,
За зе́млю ру́скоую,
За раны́ Игоревы,
Бу́его Свѧтосла́вличя!

Га́лицкый Осмо́мысле Ярославе!
Высо́ко сѣ́диши на свое́ме
Златокова́нѣ́ме столѣ́,
Подпе́ро го́ры у́горскыи
Свои́ми желѣ́зны́ми по́локи,
Застоупи́во королеви́ поуть,
Затвори́во Доуна́ю воротá,

Digitized by Google

Мѣча времены чрез облаки,
Суды рядя до Дуная.
Грозы твоя по землямо текуть:
Отворивши Кыеву врата,
Стрѣляеши с отня злата стола —
Салтаны за землями.
Стрѣляй, — господине, Кончака,
Поганого кощѣя,
За землю рѣскую,
За раны Игоревы,
Буего Святославличя!

А ты, буй Романе и Мстиславе!
Храбра мысле носите вас ум на дѣло.
Высоко плаваеши в буести,
Яко сокол на вѣтрѣх ширяя ся,
Хотя птицю во буйствѣ одолѣти.
Суте бо оу ваю желѣзныи папорзи
Под шеломы латинскыми;
Тѣми тресноула земля
И многы страны хинова:
Литва, Ятвязи, Деремела и Половци
Сулици своя повергоша,
А главы своя поклониша
Под тыи мечи харалужныи.
Но уже Игорю князю утерпѣ солнцю свѣт,
А древо не бологоме листе срони.
По Роси и по Сули гради подѣлиша,
А Игорева храбраго плъкоу не крѣсити.
Дона ти, княже, кличеть
А зовуть князи на Обидоу.
Ольговичи, — храбрии князи, — доспѣли на брань.

Digitized by Google

Иногда́рь и Всеволо́д, — и вси три́ Мстисла́вичи,
Не́худа гне́зда шесто́крильци!
Не обе́дными жре́бьи
Собе́ власти́ расхы́тисте.
Ко́е ва́ши зла́ты ше́ломы
И сы́лици лядски́и и щиты́?
Загороди́те по́лю воро́та
Свои́ми о́стрыми стре́лами,
За зе́млю ру́скую,
За раны́ Игоре́вы,
Бо́его Святосла́вличя!

XI.

Оу́же бо Гоуда́ не те́чете
Сребре́ными стру́ями гра́доу Перея́славлю,
И Двина́ бо́лотоме те́чете
Они́м грозны́м Поло́чаном под кли́комо пога́ных.
Едино́ же Изя́слово, — сы́н Васи́льково,
По́звони свои́ми о́стрыми мечи́
О ше́ломы литовскыя,
Притре́па сла́воу де́доу сво́емоу Всесла́воу,
Я са́м под черле́ными щиты́, на кро́ваве́ трава́е,
Притре́пано литовскыми мечи́.
И схо́пи ся на кро́вати и рек:
„Дроужино́ твою, — кня́же, — птичь кры́лы приоде́,
Я зве́ри кро́ве полиза́ша.
Не бысть тоу бра́та Бря́числава,
Ни дру́гаго Всево́лода;
Едино́ же изро́ни жи́мчюжноу доу́шю
Из хра́бра те́ла — чрес зла́то ожере́лие.
Оуны́ли го́лосы, — пониче́ весе́лие.
Тру́бы тру́бята городе́нескыи.

Digitized by Google

О Прославе и вси внуци Всеславли!
Оу́же понизи́ть стязи́ свои́,
Вонзи́ть свои́ мечи́ вере́жени!
Оу́же вы́скочисте бо из дѣ́дней славы́.
Вы свои́ми кра́молами на́часте наво́дити
Поганыя на зе́млю рѣ́скоую, на жизнь Всесла́влю.
Кото́рою бѣ́ше бо наси́лие от зе́мли половѣ́цкыи.

На се́дмоме вѣцѣ́ Трояни
Верже́ Всесла́во жре́бий от дѣ́вицѣ́ Бѣ́лѣ.
Се то́й бо клюками подпе́р ся
О коню скочи гра́доу Кыевоу.
И дотче́ ся стрѣ́жнем злата́ стола́ Кыевскаго.
Скочи о́тай лю́тыме зкрѣ́м
Во по́лночи из Бѣлагра́да,
Обѣ́ся ся синѣ́ мегло́ѣ,
Оутро́же в а́звено стрикусы,
Врата́ отво́ри Но́воуградоу,
Сла́воу разшибе́ Про́славоу,
Скочи во́лкоме до Немиги с Дѣ́доуток.

На Немзѣ́ снопы́ стелю́т голо́вами,
Мо́лотите чепы харалу́жными,
На тоцѣ́ живо́т кладу́т,
Вѣ́ютедоуши́ от тѣ́ла.
Немизѣ́ кро́вави брези́
Не бо́логоме бы́хоуте посѣ́яни,
Посѣ́яни костьмы́ роускы́х сыно́в.

Всесла́во князь людѣ́м соуди́ше,
Князе́м ряды́ ряди́ше,
А са́м в ноч во́лкоме ри́скаше:
Из Кыева дорискаше до коур Темоуторо́кана,
Ве́ликомоу Хо́росови во́лкоме поуть прерискаше.

Digitized by Google

Тóмоу во Полóтестѣ позвóниша
Зав҃трéнюю рáно оу святы́я Сóфїи,
И óн во Кы́евѣ звон слы́ша.
Яцé и вѣщíя дoушá в дроузѣ тѣлѣ,
Но частó вѣды́ страдáше.
Тóмоу вѣщий Бóяно
И пéревое прíпѣвкоу смлыслéный рéче:
„Ни хытрý, ни гóраздоу, ни птúцею гораздоу
Сýда бóжия не мúноути“.

О, стонáти рýскои землú,
Помянýвше пéревоую гóдинoу
И пéревых князéй!
Тóго стáраго Владúмира
Не вѣ лезѣ пригвóздити
Ко гóрамо Кыéвскымо;
Сегóдне нáсташа (?) стязú Рюрúковы,
И дрýзии Давы́довы,
Но рóзни пáшоуте им хóботы,
Кóпия обóюдна оу нúю.

XII.

Прóславнино глáсе сѝ слы́шите,
Зегзúцею незнáемою рáно кы́чете:
„Полéчю, рéче, — зегзúцею по Дýнавеи;
Омóчю вéбрѣно роукáво во Каáлѣ рѣцѣ,
Оутрý князю кровáвыя его́ раны
На жéстоцѣ его́ тѣлѣ.

Прослáвна рáно плáчете,
Е Поутúвлѣ на забралѣ, áркоучи:
О Хѣтрé-Хѣтрúло!

Digitized by Google

О Чемъ, — господине, насилено вѣвши?
Чемъ — мычши хиновескы стрѣлкы
На своею нетрудиною крильцю
На моея лады вои?
Мало ли ти бяшете горѣ,
5 Вѣяти под облакы,
Лелѣючи корабли на синѣ морѣ?
Чемъ, — господине, —
Моее веселие по ковылю развѣя?

Прославна рано плачете, Поутивлю городу,
О На заборолѣ аркоучи: — О Днѣпре Словутицю!
Ты пробил еси каменны горы
Сквозѣ землю половецкую.
Ты лелѣял еси на себѣ Святославли носады
До полокоу Кобякова.
5 Возлелѣй, — господине, — мою ладу ко мнѣ,
Абых не слала к немоу слез на море рано.

Прославна рано плачете
В Поутивлѣ на забралѣ аркоучи:
Свѣтлое и тресвѣтлое Солнце!
О всѣмо тепло и красно еси.
Чемъ, — господине,
Простре горячюю свою лучю
На лады вои? В полѣ безводнѣ
Лучею им лъци сопряже,
5 Тоугою им тоулы затче?

XIII.

Прысноу море во полуночи:
Идуть сморци мегламн.

Digitized by Google

Игореви (князю) Бога пѣте кажете
Из земли половѣцкыя на землю рускоую,
Ко отню златѣ столѣ.
Погасоша вечероу зарѣ.
Игорь спит, — —
Игорь вдит, — —
Игорь мыслию полѣ мѣрит
От великаго Дону — до малаго Донца.
Комонь к полуночи...
Оклѣр свиснѣ за рѣкою,
Велите князю разумѣти.
Игоря князя не быть.
Кликноу, стоукноу земля,
Пошоумѣ трава:
Вѣжи половѣцкыи са подвизаша са.
Я Игорь поскочи горностаеме ко тростию,
И бѣлыме гоголеме на водоу,
Вокерже са на борз комонь,
И скочи с него босым (?) волокоме,
И потече ко лоугѣ Донца,
И полѣтѣ соколом под мѣглами,
Избиваа гуси и лебеди —
Завтроке и обѣдѣ и оужинѣ.
Коли Игорь соколоме полѣтѣ,
Тогда Влоур волоком потече.
Трусы собою стоудѣноую росу:
Преторгоста бо своа борзаа комона.

Донец рече: — „Княже Игорю!
Не мало ти величия,
Я Кончакоу нелюбия,
Я рускои земли веселия“.
Игорь рече: „О Доне!

Digitized by Google

Не мало ти величия,
Лелѣявшоу князя на вълнах,
Стлаяшоу зеленоу ємоу траво
На своих сребреных брезѣх,
Одѣваяшоу его теплыми меглами
Подъ сѣнию зеленоу древо.
Стрежаше е гоголеи на водѣ,
Чайцами на струяхъ.
Черенадьми на вѣтрѣх.
Не тако ти, — рече, рѣка Стугна:
Хоудо струю имѣя —
Пожереши чюжий роучьи
И стругы ростре на коусть.
Оуношоу князя Ростислава
Затвори днѣ при темнѣ березѣ.
Плачете са мати Ростиславлиа (?)
По юноши князи Ростиславѣ.
Оуныша цвѣты жалобою,
И древо с тугою ко земли преклонилось".

Не сороки втроскоташа:
На слѣдоу Игореви —
Гзако ѣздите со Кончаком.
Тогда врани не граяхоуте,
Галици помолкоша,
Сороки не троскоташа,
По лозию полозоша только;
Дятлове тектоме ко рѣцѣ пути кажоуте,
Соловии веселыми пѣсьми свѣто повѣдаюте.

Моловите Гзако Кончакови:
„Иже сокол ко гнѣздо летит,
Соколича рострѣлаевѣ
Своими злачеными стрѣлами".

Digitized by Google

Рѣче Кончако ко Гзѣ:
„Аще сокол ко гнѣздꙋ летитъ,
А вѣ сокольца опѫтаевѣ
Красною дѣвицею".
И рѣче Гзѣко Кончакови:
„Ащеже его опѫтаевѣ красною дѣвицею,
Ни нама будеть соколца,
Ни нама красныя дѣвицѣ:
То почнѫте наю птици бити
К половецкоме полѣ".

XIV.

Рѣко Бояно, исходы на Святослава,
Пѣствorца Ольгова, — коганы хоти:
„Тяжко головѣ ти кромѣ плечю;
Зло ти тѣлоу кромѣ головы..."
Рѫскон земли без Игоря!

Свѣтите ся солонце на небесѣ:
Игорь князь во рѫскои земли.
Дѣвици поют на Дунаи:
Вьются ся чрез море голоси до Кыева,
Игорь ѣдете по Боричевоу
Ко святѣй Богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели,
Пѣвше пѣсне старыимо князем,
А потомоу молодым.
Пѣти: слава Игорю Святославличю,
Боуй-Тоурѫ Всеволодоу,
Владимирови Игоревитю!
Здрави и князи и дроужина!

Digitized by Google

ПЕРЕКЛАДЪ.

Перекладъ, якій понижше подаю, не може бддати въ повнотѣ всеи красы оригиналу; я не поетъ, такъ и не въ силѣ наслѣдувати первотвбръ зъ его численными властивостями. Для мене було головнымъ старанемъ, переложити бодай въ ритмичнбй прозѣ и по можности ясно и вѣрно. Перекладати дословно, якъ то чинятъ иншй выдавцѣ „Слова“, уважавъ я працею хибною, а навѣть шкодливою, бо зъ краснои поезіи вытворюе ся тогды якійсь безъобразный языковый хаосъ, неприятный для слуху, якась часто беззвязна урывочна бесѣда, котра для сучасныхъ людей могла бути зрозумѣлою, але до нашихъ понятій и вымогъ въ тбй формѣ не надае ся. Та попри всѣй сумлѣности въ вытотовленю вѣрного перекладу, я позволивъ собѣ для лучшои синтактичнои и рѣчевои звязи ту то тамъ вложити якесь невинне слбвце, а при митологичныхъ выразахъ и въ ббльше темныхъ мѣсцяхъ я таки нарокомъ додаю якійсь поясняючій додатокъ, щобы допомочи до зрозумѣня тексту.

Перекладъ мбй иде ямбами и трохеями черезъ весь поематъ; читати треба тымъ акцентомъ, якого мы въ Галичинѣ въ щоденнбй розговорнбй бесѣдѣ уживаемо. Гдекуды акцентъ зазначую зъ огляду на читателѣвъ закордоньскихъ, а такожь въ словахъ, где наголошуване у насъ не усталило ся (сбколы и сокблы, шёломомъ и шелбмомъ). Впрочѣмъ я пересвѣдченый, що мбй перекладъ змуситъ до ритмичного читаня, бо гармонійна будова поодинокихъ реченій конечно вплыне и на слухъ читателя.

I.

Чи не булобъ то добре, братя, начатй на стародавный ладъ сю скорбну пѣснь про войну Игореву, Игоря Святославича? Нехай начне ся пѣснь моя по правдѣ-былинѣ часу,

Digitized by Google

а не по придумкамъ Бояна. Вѣщій бо Боянъ, если кому творити пѣснь хотѣвъ, онъ соловѣемъ розганявсь по мыслей дереву, а сѣрымъ вовкомъ нѣсъ ся по земли, а шизымъ орломъ поподъ облаки. Запамятавъ онъ, якъ самъ каже, первопочины домашнихъ воянъ князѣвъ: тогды пускавъ онъ десять соколовъ на стадо лебедей, а якъ котрый лишь соколъ къ стаду долѣтавъ, вже лебедь пѣсню починала: и старому Ярославу, и хороброму Мстиславу, що зарѣзавъ бувъ Редедю передъ полками касоскими, и красному Романови Святославичу. Та нѣ, не десять, братя, соколовъ Боянъ пускавъ на стадо лебедей; онъ десять вѣщихъ пальцѣвъ на живіи струны покладавъ, онижь князямъ самѣ вже славу голосили.

Почнеможь, братя, повѣсть нашу одъ старого Володимира до нынѣшнего Игоря, що умъ скрѣпивъ своєю силою а серце мужествомъ-завзятемъ поостривъ, що повный духа боєвого наводивъ хоробре воинство своє на землю половецкую за землю рускую.

II.

О Бояне, соловѣю нашого вѣку! Кобы такъ ты защебетавъ про полки тіи, скачучи мовь соловѣй по мыслей дереву, лѣтаючи немовь орелъ подъ облаки, звиваючи для славы обѣ половины днешнего вѣку, Троянимъ шляхомъ скачучи черезъ поля на горы. Князямъ ты иншимъ пѣснь спѣвавъ: „Не буря понесла соколовъ крозь широкіи степы; то галки стадами летятъ ко Донови великому.“ Теперь бы Игореви, внуку Олега, ты пѣснь такую заспѣвавъ, Бояне вѣщій, внуче Велесовъ!

Конѣ ржутъ за Сулою рѣкою, слава въ Кіевѣ дзвенитъ, лунае, трубы трубятъ въ Новгородѣ, хоругвы стоятъ въ

Digitized by Google

Путивлѣ. Дожидае Игорь брата свого Всеволода. И рече ему Буй-Туръ князь Всеволодъ: „Одинъ ты братъ, одинъ ты свѣтъ, пресвѣтлый Игорю, оба мы Святославичѣ! Сѣдлай, мой брате, конѣ скоропадніи свои, моижь готовіи уже, осѣдланій у Курска напередъ. Мои Куряне свѣдомій комонники: подъ трубами повитій, подъ шелома́ми лелѣяній, кончемъ одъ копія годованій; дороги воѣ имъ вѣдомій, яруги знанй, лу́кы въ нихъ натягненій, сагайдакй отворенй, шаблѣ наострены: самій мовь сѣрін вовки поскакуютъ степо́мъ, роздобуваючи для себе честь, а славу для князя.“

III.

Тогды поглянувъ Игорь князь на Сонце и узрѣвъ одъ него тьмою войско все свое покрыте. И промовивъ князь до дружины своеи: „Братя-дружино́! вже лучше най мене потпутъ, нѣжь мавбы дати ся въ полонъ! Вже, братя, всядемо на конѣ скоропадніи свои, поглянемъ якъ вливаесь въ сине море Донъ!“ То умъ князеви розгорѣвъ жадобою войны, а знамено зловѣще, жалостне для него, заступило путь ему ко Донови великому. „Я хочу — мовитъ князь — вразъ зъ вами, Русины, въ найдальшихъ кончинахъ степу Половцѣвъ приломити копіе свое; я хочу голову свою покласти, або шеломомъ напитись Доньскои воды!“

Тогды вступае Игорь князь у стремень золотый и ѣде смѣливо безкраими степами. Сонце тьмовь ему дорогу заступае; ночь грозою застогнала, будитъ птаство изо сну; воздухомъ роздавъ ся свистъ звѣрятъ, а зъ верху свѣтового древа кличе лютый богъ поганцѣвъ, збройный Дивъ — велитъ спѣшити въ бой земли незнаной: Волзѣ и Поморю и Посулю, Сурожеви й Корсуневи, и тобѣ, тьмутороканьскій болване!

*

Digitized by Google

И ось на покликъ Дива неуѣзжими дорогами спѣшатъ-летятъ Половцѣ къ Донови великому; скрипля́тъ телѣги ихъ въ опо́вночи, мовь ле́беди роспущени́й. И Игорь войско къ Донови веде... Ой вже Обида гля́дае за нимъ въ подобѣ птиць, вже гро́зу срожатъ по яра́хъ вовки́, вже орлы клекотомъ зовутъ на кости звѣрину, вже брешутъ ли́сицѣ на рускія червонія щиты́. О земле ро́дная, ты вже не єсь безпечнымъ захистомъ теперь!

IV.

Довго-довго меркне но́чь; зорѣ небомъ засвѣтили, землю мрака налягла, щебе́тъ стихае соловѣвъ, гаморъ галичь пробудивъ ся. Русины широкія поля червоными щита́ми перегородили, добуваючи для себе честь, а славу для князя.

А у пятницю раненько-рано Русины погане войско потоптали половецке и розсыпавшись стрѣлами по степу́, имали половецкихъ красавиць-дѣвчатъ, а зъ ними золота собѣ придбали, паволокъ и оксамито́въ дорогихъ. Беса́гами и опанчами й кожухами мо́сты мо́стятъ Русины по болотахъ и по млаковинахъ, тай всякими дорогоцѣнностями половецкими. Червоный стягъ Половцѣвъ, бѣла хоруго́въ, червона чолка и срѣберне ра́тище — побѣдна добычь храброго Святославича! Безпечно на спочинъ въ степѣ лягае Ольгове хороброе гнѣздо, — далеко́ залетѣло! Знай, не для Обиды въ жертву породило ся оно: нѣ со́колу нѣ кре́чету, и нѣ тобѣ, ты чорный во́роне, поганый Половчине! Гза бѣжитъ-летитъ на помочь мовь той сѣрый вовкъ степами, а Кончакъ ему дорогу-слѣдъ проказуе ко Донови великому.

Digitized by Google

V.

На другій день, ще вельми рано, зáрево кровавe возвѣщаe свѣтъ; великій чорній тучѣ зъ моря наднеслúсь, хотятъ прикрыти сонць чотыри, а у нихъ дрожатъ-трепечутъ лúскавки злобожій. Буде грóмъ великій! Дощь пóдé-поллéсь стрѣлами óдъ великои рѣки, óдъ Дону! Не одно тутъ копіe поломитъ ся и не одна тутъ шабля выщербитъ ся, бьючи объ поганіи лобы́ Половцѣвъ на рѣцѣ Каялѣ — при великóмъ Донѣ!

О земле руская, ты вже не есь могучимъ захистомъ теперь! Вѣтры, Стрѣлбога внуки, зъ моря вѣютъ мчатъ стрѣлами на хоробрій пóлки Игоревй. Ось вже дудонь чути недалекій, рѣки каламутній потекліи, степы́ покрылúсь порохами, хоругвй изъ вѣтромъ щось шепочутъ. То Половцѣ наднеслúсь óдъ Дону и óдъ моря и зъ усѣхъ сторонъ: довкола обступаютъ войска рускій. Бѣсового батька дѣти крикъ вчинили на весь степъ, а Русины хоробрій степъ червоными щитами перегородили.

Яръ-Туръ Всеволоде! першій ты стоишь въ рядáхъ и першій прыскаeшь на погань половецкую стрѣлами, першій гремотишь булатными мечами объ лобы́ поганцѣвъ. Ты куды поскочишь, золотымъ своимъ шелóмомъ блискотячи, вже поганцѣвъ головы стеля́тъ ся по земли; оварокй-великаньскй ихъ шелóмы óдъ шабель сталевыхъ въ дрóбній окúпочки поскúпанй óдъ тебе, Яръ-Туръ Всеволоде!

Чижь найдемо, братя, днесь цѣну для княжескои дорогои раны? Для добрá óнъ рускои землѣ забувъ на почести, на жизнь свою и на Черниго́въ гóродъ, на батькóвскій золотый престóлъ, на любу ладочку свою, на краснои Глѣбовнои звычаѣ й обычаѣ!

Digitized by Google

VI.

Були́, минули ся варяжіи, кровавіи вѣки; минули ся щасливі́ Ярославові́ лѣта; настали полки Олегові́, Олега Святолавича. Той Олегъ свары-нелады коваⷭ мечемъ и стрѣлы сѣявъ по земли. Онъ въ стремень золотый вступае въ го́родѣ Тьмутороканѣ. Чувъ же звенко́тъ того стременя давны́й великій Всеволодъ (сынъ Ярослава), а Влади́миръ князь щодень ранками уши закладае: не добро́имъ ему той дзво́нъ вѣщуе у Черни́говѣ! Полягъ у во́йнахъ тыхъ и Бо́рисъ князь, приятель Олега; о́нъ славы забажавъ и слава на травѣ зелено́й застелила му покровъ мертвецкій й повела́ его на вѣчный судъ. Тогды при Ользѣ Гориславичи и сѣялось и поростало сварами-незгодами на Руси; гинула земля Дажбожа, середъ княжихъ заверухъ коро́талось жите людей. Тогды по рускои земли лишь рѣдко веселилисъ ратаѣ, вороны часто грали-кракали, мѣжь себе трупы роздѣляючи, и галки втѣшно гаморили забираючись летѣти на богатый жиръ. Такъ дѣялось въ часѣ военъ варяжихъ и въ часѣ тыхъ Олеговыхъ по́ходо́въ, а ро́вноі, якъ нынѣшна во́йна, изъ поконвѣкъ нѣкто на свѣтѣ не чувавъ.

VII.

О́дъ сонця восходу до вечера, о́дъ вечера до свѣта стрѣлы падаютъ калены, гремотятъ шаблѣ въ шело́мы, копія булатны́ трескотятъ въ степу незнано́мъ, середъ половецкого краю. Чорная земля по́дъ ко́ньоками копытами ко́стьми посѣяна була́, а кро́вью по́ляна, туга́ вродила ся по рускои земли. Що се за щумъ, що се за дзво́нъ я чую рано передъ зо́рями? То Игорь полки заворочуе, бо жаль му брата милого своего Всеволода. Бьютъ ся день и бьютъ ся другій,

Digitized by Google

а на третій подъ полудне хоругвы ся здали Игоревй. Тутъ оба хоробрй братя розлучили ся на березѣ Каялы, тутъ вина не выстало кровавого, тутъ пиръ гуляне докончили Русины хоробрй: упоили гостенькôвъ-сватôвъ, самйжь сердечнй полягли за землю рускую. Поникла-звянула ôдъ жалощей трава, а дерево съ великои тугй схилилось до землѣ.

VIII.

Ой вже, братя, невеселая година стала, вже въ пустыни войско руске погребла. Обида злая станула посередъ войскъ съ Дажбожои землѣ; святою Дѣвою она спустилась на трибожу землю, плеще лебедиными крыльмй на синѣмъ мори, плюскотомъ у Дону будитъ жирнй-грабежнй часы. Минулись войны на поганцѣвъ изъ за княжескихъ незгодъ; сказавъ бо братъ до брата: „с е м о е, и т о м о е!“ — и съ дрôбнои марницѣ уродла велика рѣчь. Незгоды вѣчнй й свары вѣчнй князь одинъ на другого куе, поганцѣ-жь радй тому, съ всѣхъ сторонъ съ побѣдами на землю руску набѣгаютъ.

О далеко соколъ нашь загнавъ ся, вражй птицѣ побиваючи ко морю, а хоробрыхъ Игоревыхъ войскъ уже не воскресити! Позадъ Игоря почувъ ся кликъ поганця Кончака, а Гза погнавсь на землю рускую, кидаючи пожогу съ свого поломѣнь-рога. Жôны рускіи заплакали гôренько: „Ой вже, кажутъ, намъ миленькихъ нашихъ ладъ нѣ мыслю змыслити, нѣ думкою здумати, нѣ очима оглядати, и нѣ золотомъ нѣ срѣбломъ намъ вже бôльше не играти!“ Ось вже стогне, братя, Кіевъ тяжкою тугôю, а Черниговъ гине ôдъ навалою врагôвъ; сумъ розлявъ ся по земли Дажбога, смутокъ тяжкій розплываe ся по Руси. Отъ до чого свары допровадили князѣвъ: поганцѣ днесь съ побѣдами на землю

Digitized by Google

руску налѣтаютъ, выбираютъ дань по бѣлцѣ зъ кождого двора! Оба тѣ Святославичѣ хоробрѣ, Игорь князь и Всеволодъ, наново розбудили Лжу, що бувъ приспавъ отець ихъ Святославъ — грозный, великій, Кіевскій. Онъ бувъ грозою на поганъ; онъ пострахъ наносивъ своими сильными полками и харалужными мечами, наступавъ на землю половецку, здоптувавъ и холмы и яруги, скаламучувавъ и рѣки и озера, высушувавъ потоки и болота, а Кобяка поганого изъ Лукоморя вырвавъ онъ, мовь вихоръ-ураганъ, зъ посередъ тыхъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ: — и погибъ Кобякъ у мѣстѣ Кіевѣ, у Святославовомъ дворци. Тогды и Нѣмцѣ и Венедцѣ, Греки и Моравцѣ спѣвомъ величали славу Святослава, а теперь въ догану маютъ Игоря князя, що руске золото на жиръ Обидѣ затопивъ на днѣ Каялы, половецкои рѣки. Тутъ Игорь князь зъ сѣдла своего высѣвъ золотого, а усѣвъ въ сѣдло невольника.

IX.

Знемогли отъ смутку стѣны городовъ, поникли радощѣ людей. А Святославъ такій мавъ божій сонъ: „У Кіевѣ нагорномъ сеи ночи зъ вечера, казавъ онъ, одѣвали мя Дѣвицѣ готскій геранымъ покрываломъ на постели своей; давали пити мнѣ вина животворящого, безсмертного; порожными сагайдаками зволочи поганои менѣ на лоно сыпали жемчугъ великій, пестами та любощами забавляючи мене... Снилось, що не стало сволока въ моемъ теремѣ золотопобитомъ; що всю ночь Боусове вороне кракало у Плѣснеска на оболоню, що отакъ погане птаство понеслось въ Искаськй дебри, а зъ тамъ-отамъ полетѣло зъ жиромъ та добычею назадъ до моря синего.“

Digitized by Google

Тогды бояре кажутъ до князя: „Уже твôй духъ покрывсь тугóю, княже. То сокóлы два злетѣли изъ батькóвского престола золотого, пошукати гóрода Тьмуторокання або шéломомъ напитись Доньскои воды. Обомъ соколомъ крыльця еже присѣчено поганьскими шабля́ми и обохъ опутано въ желѣзнiи пута́. И стало темно въ третiй день: померкли сонця два, багря́нiи оба стовпы́ погасли, а изъ ними мѣояцѣ два молодiи, Святославъ и Олегъ, тьмою ся поволокли́. На рѣцѣ Каялѣ тьма покрыла свѣтъ: по рускои земли простерли ся Половцѣ, наче па́рдуже гнѣздо, и въ мори погрузили золота на жиръ Обидѣ, и великое буйство вчинили ханови. Вже ганьба станула въ похвалѣ, Лжа приспана кинулась на волю, лютый Дивъ на землю павъ. Ось и Готôвъ божiи Дѣвицѣ заспѣвали понадъ берегами моря: дзвенкотячи руским золотомъ спѣваютъ про часы великого своего Буса, тѣшатъ ся про пôмщену неславу Шароканову... Веди насъ, княже на Обиду, въ бôй зъ поганьствомъ вражимъ: мы, твои бояре, багнемо розвеселити ся.“

Тогды великiй Святославъ изъ себе ронитъ слово золоте, полите слѣзами, и каже: „О мои сыновцѣ, Игорю и Всеволоде! стали вы за рано землю половецку цвѣлити мечами, а собѣ шукати хвалы. Отъ якои хвалы доборолись и зъ якою славою вы кровь погану проливали! Ваши́ мужнiи серця́ въ горячôмъ харалузѣ окова́ни́, а въ буйному завзятю загартова́ни́. Чому́жь такую нечесть навели́ вы на старечiй срѣбный волосъ мôй? Вже я не бачу власти сильного и богатого, не бачу много войска брата мого Ярослава изъ его черни́гôвскою дружуно́ю, изъ Могутами и зъ Татра́нами, изъ Шéльбирами и зъ Топчака́ми, изъ Ревýгами и зъ Ольберами. Тѣ бо и безъ щитôвъ, зъ голыми ножами, крикомъ ворога поборювали, дзвонячи у прадѣдôвоку славу... Выжь, мои бояре и дружина́, оказали днесь: „Сами́ мужа́ймо ся на бôй! сами́ Половцямъ славу ôдберѣмъ, сами́ новою славою

дѣлѣмъ ся!" Гарна ваша рѣчь и не велике диво, якбы й я старый изъ вами вразъ помолодѣвъ. Коли роняе соколъ пѣре звѣтшале свое, высоко онъ за птицями женесь: не дасть своего скривдити гнѣзда. Одно лишь лихо, братя, що князѣвъ намъ помочи не буде; на нѣщо веселiи годины обернули ся. Ось чути, Умира доньки кричатъ изъ подъ шабель Половцѣвъ, чути Володимиръ князь цѣлый покрывъ ся ранами... Туга и тоска Глѣбовому сыну!"

X.

Великiй княже Всеволоде! чи тобѣ не въ думцѣ прилетѣти здалека, отцѣвского престола золотого стеречи? Ты можешь Волгу розкропити веслами, а Донъ шеломомъ вылляти? Колибъ ты тутка бувъ, невольница булабы по ногатѣ, а кощѣй по рѣзанѣ. Ты вмѣешь и по суши самострѣлами живыми на врага стрѣляти: вдалыми сынами Глѣбовыми!

А ты, смѣливый Руриче й Давиде! чи не вашi то золочени шеломы плавали въ Половцѣвъ крови? чи не ваша то хоробра дружина реве мовь тiи туры, ранений булатными шаблями въ поли незнакомомъ? Чомъ же не вступаете у золотiи стремена свои? Не вжежь вамъ не помотити ганьбы днешного часу, не мстити ся за землю рускую, за раны Игоря, смѣливого Святославича?

Осьмомысле Ярославе зъ Галича! Высоко ты засѣвъ на златокованомъ своемъ столѣ! ты горы подоперъ угорскiи своими полками желѣзными, дорогу въ Русь ты королеви заступивъ и приступъ до Дунаю ворогамъ заперъ, кидаючи тягаръ-камѣне метавками черезъ облаки, судами правлячи далеко по Дунай. Твои то грозы пострахомъ по всѣхъ земляхъ несутъ ся: ворота ты одчиняешь кiевскi, стрѣляешь

Digitized by Google

изъ батькôвского престола золотого ханôвъ та султанôвъ за далекими землями. Нынѣ, господине, стрѣлы наверни на Кончака, поганого кощавця, моти за землю рускую, за раны Игоря, смѣливого Святославича!

А ты, Романе смѣлый и Мстиславе! Мысль хоробрая несе вашь умъ на дѣло. Въ буйности-завзятю вы высоко пôдняліcь, якъ сокôлъ що ширяє въ вóздусѣ, хотячи птицю силою добути. Є у васъ желѣзнй чудотворнй папороти пôдъ латиньскими шелóмами: ôдъ нихъ земля ся потрясла и много хановыхъ краѣвъ: Литвá, Ятвяги, Деремела и Половцѣ передъ папоротю тою покидали списы до землѣ и поклонили головы пôдъ вашй харалужнiи мечѣ. Теперь до дѣла вамъ пора! Ось Игореви сонце вже не свѣтитъ въ повный давный блескъ, и дерево въ недобрый знакъ зронило листе до землѣ. По Роси и по Сулѣ днесь поганцѣ дѣлятъ гóроды мѣжь себе, а хоробрыхъ Игоревыхъ войскъ уже не воскресити! Донъ до-тебе, княже, кличе и зове князѣвъ на бôй зъ Обидою. Ольговичѣ, хоробрiи князѣ, готовй на борбý.

Ингваре и Всеволоде и всѣ три Мстиславичѣ! знатнóго роду шестокрильцѣ! Не Обиды жребiями вы захопили для себе власть. Ôдъ чóгожь вашй золотiи шéломы и списы ляцкй та щиты? Загородѣте ворота степамъ своими острыми стрѣлами, мстѣтъ за землю рускую, за раны Игоря, смѣливого Святославича!

XI.

Вже Сула не тече срѣберными струями къ гóроду Переяславлю; вже и Двина потекла болотомъ въ край полоцкій середъ наклику поганои Литвы. Одинъ лишь Изъяславъ, Василька сынъ, своими острыми мечами вмѣвъ дзвонити объ литовскiи лобы; Всеслава, свого дѣда, славу перестигши,

Digitized by Google

ѳнъ полягъ пѳдъ щѣтами червоными на окровавленѳй травѣ, порѹбаный литовскими мечами. Ще въ послѣдне схопивъ ся на постели кровавѳй князь хоробрый и сказавъ: „Твою, о княже, дружинѹ прикрыло птаство крылами, а звѣри полизали кровь.“ Не було тамъ нѣ брата Брячислава, нѣ не було Всеволода; самъ одинъ зронивъ жемчужну душу изъ хороброго своего тѣла черезъ ожереле золоте. Изнемогли зѳ смутку голосы, поникли радощѣ людей: лишь городеньскій похоронній сурмы-трубы жалѳстно квилятъ за домовиною князя.

Ярославе и Всеславовій всѣ внуки! вже схилѣтъ свои стягы, вложѣтъ въ похвы свои поганьблены мечѣ! уже ѳдпали вы ѳдъ своихъ предкѳвъ славы. Вы незгодами своими навели поганъ на землю рускую, на власную батькѳвщину свою. За вашими то справками-незгодами прийшла на насъ недоля ѳдъ земль Половцѣвъ!...

На семѳмъ мѣсяци Троянѣго панованя Всеславъ кидае жребій ѳдъ Дѣвицѣ Бѣлы. Ѳнъ то клюками пѳдпершись скаче марою-конемъ идъ Кіеву и доторкаесь ратищемъ до золотого тамъ престола. Ѳтай скаче лютымъ туромъ въ пѳвночи изъ Бѣлгорода и повисши въ синихъ облакахъ ошибае въ тализманъ свѳй, въ богомъ даный свѳй чепець, обидни жребія боевй. Зъ ними ѳнъ несесь летитъ у Новгородъ, городскій ѳдчиняе ворота, старого Ярослава розшибае славу, вовкомъ скаче до Немиги зъ Дудутокъ.

На Немизѣ головы стелятъ снопами, бьютъ-молотятъ харалужными цѣпами, на тоцѣ жите кладутъ, ѳдъ тѣла душу вѣютъ. Береги Немиги очервонѣли ся ѳдъ крови — не добромъ були засѣяни: засѣяни кѳстьми поляглыхъ Русинѳвъ.

Всеславъ судивъ людямъ, ряды рядивъ князямъ, а самъ ночами вовкомъ нѣсъ ся; съ Кіева въ ночи Тьмутороканъ доскочивъ передъ пѣвними-курми: великому Дажбогу-Хорсови дорогу вовкомъ перебѣгъ. Ємѹ въ Полоцку подзвонили рано до заутренѣ въ святои Софіи, а ѳнъ у Кіевѣ почувъ

Digitized by Google

Софійскій дзвонъ. Та хочь родивъ ся онъ у язвенѣчецій, хочь вѣщу душу мавъ у другомъ тѣлѣ, всежь онъ на вѣку своемъ неразъ бѣды зазнавъ. Недаромъ вѣщій нашь Боянъ у-перве умну припѣвку ему зложивъ: „Нѣ хитрый, нѣ богатый, нѣ якъ птиця скорый суда божого не обминé!“

О, стонати рускои земли, згадавши першіи часы и першихъ рицарѣвъ-князѣвъ! Старóго того Володимира не можь булó удéржати при горахъ кіевскихъ, а нынѣ роздѣлилась руская земля: ту войска Рурикови, тамъ Давидови — лишь рожнй повѣваютъ бунчуки на хоругвáхъ, и копія у войскъ изъ двохъ сторонъ заострени!

XII.

Почувъ ся рано голосъ Ярославны, нѣбы ковапе самотнои зазулѣ: „Полечу́ зазулевь по Дунаю; змочу свой рукавъ бобровый у рѣцѣ Каялѣ, оботру князеви раны на его горячомъ тѣлѣ.“

Ярославна рано плаче у Путивлѣ на городскихъ мурахъ кажучи: „О вѣтре мой, вѣтрило! чомъ ты, господине, вѣешь такъ насильно? Чомъ мечешь ти стрѣлы хановi легонькими своими крильцями на войско мого любого князя? Чи мало ще тобѣ, подъ облаками вѣяти горѣ, на синѣмъ мори кораблѣ гойдати? Чомъ же, господине, радощѣ мои въ степу розвѣявъ по ковыль-травѣ?“

Ярославна рано плаче у Путивлѣ мѣстѣ на городскихъ мурахъ кажучи: „О Днѣпре мой, Словутичу! камѣнни горы ты пробивъ еси крозь землю половецкую. Ты колисавъ на собѣ човна Святославови, несучи ихъ до войска Кобяка. Пригойдай, господине, и моего ладу-мужа къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано!“

Digitized by Google

Ярославна рано плаче у Путивлѣ на городскихъ мурахъ кажучи: „О сонце ясне, тричи ясне! всѣмъ и тепле ты єси и красне. Чомъ же, госпoдине, лучѣ ты горячіи свои простерло на князя моего дружину? На що въ степу безводномъ луки имъ лучами позгинало и тугою имъ сагайдаки заткало?“

XIII.

Бачитъ море слезы Ярославнои и прыснуло въ опівночи: несутъ ся зъ моря мраки туманами. Игорю князеви Богъ теперь указуе дорогу зъ половецкои землѣ на землю рускую, къ батьковскому престолу золотому. Зорѣ зъ вечера погасли Игорь спитъ, не спитъ, онъ мыслями розмѣрюе широкіи степы одъ Дону до малого Донця. Вже готовъ стоитъ для него конь въ опівночи. Почувъ ся свистъ зъ поза рѣки: то Влуръ велитъ князеви розумѣти. Але Игоря князя нема... И знов почувъ ся кликъ, земля стряслась-застукотѣла, зашумѣло у травѣ, всѣ вежѣ-шатра рухнули ся половецкі. Зрозумѣвъ вже князь: выважуе опорушену стѣну и скаче горностаемъ въ очеретъ и бѣлымъ гоголемъ на воду, допадае борзого коня и скаче зъ него босымъ вовкомъ и жене ко лугови малого Донця, и летитъ соколомъ поподъ мраки-мглы, гусей та лебедей стрѣляючи собѣ на снѣдане и на обѣдъ и на вечерю. Коли Игорь соколомъ летѣвъ, то Влуръ гнавъ вовкомъ напереди, стрясаючи студеную росу собою: притомились швидкимъ летомъ конѣ скоропадніи бѣгцѣвъ.

Каже Донець: „Княже Игорю! не мало ти величности, а Кончакови грызоты, а рускои земли веселости.“ „„Не мало и тобѣ — рѣкъ князь — величности, що ты князя на своихъ филяхъ колисавъ, що ты стеливъ ему траву зелену на своихъ срѣберныхъ берегахъ, що одягавъ его

Digitized by Google

туманомъ теплымъ въ тѣни дерева, що го́големъ стерѣгъ его на во́дахъ, чайко́ю на струяхъ, а чернядкою на во́здухахъ. Ой не така то рѣчка Стугна, мовитъ князь: малѝ у неи струѣ, але жре чужіи воды и неразъ вже повѣнь нанесла́ лугами по корчахъ. Онажь и молодого Ростислава затопила въ своѣмъ днѣ при темно́мъ березѣ. Сердечна мати Ростисла́вова! охъ ско́лько не наплакалась она по сынѣ своѣмъ молодо́мъ! Тогды о́дъ жалощей и болю цвѣты вянули-сохлѝ, а дерева зъ великои тугѝ къ земли ся похилляли!“

Не сороки то скрегочутъ: се у слѣдъ за Игоремъ несе ся Гза изъ Кончако́мъ. Ну, добрый знакъ: вороны вже не крачутъ, галки замовкаютъ, вже сороки не скрегочутъ, тихо повзаютъ по лозинѣ; дятлове то́лько стукомъ Игореви вказуютъ дорогу ко рѣцѣ, а соловѣѣ пѣснями веселыми вѣщаютъ свѣтло дня.

Каже Кончакови Гза: „Коли несе ся соко́лъ въ ро́дное гнѣздо, мы позо́сталого сокольця розстрѣляемо золо́чеными стрѣлами своими.“ О́дповѣвъ Кончакъ ему: „Коли несе ся соко́лъ до гнѣзда, а мы сокольця спутаемо красною дѣвицею.“ И каже Гза до Кончака: „Коли его мы спутаемо красною дѣвицею, не буде нѣ сокольця намъ, нѣ красноі дѣвицѣ, то почнутъ насъ птицѣ бити въ половецкому степу́...

XIV.

Сказавъ Бо́янъ, поборюючи Свѧтослава, пѣснотворця Олега: „Погано головѣ ти безъ плечей; погано тѣлу кромѣ головы“; — оттакъ и рускои земли безъ Игоря.

На небѣ сонце засіяло: Игорь князь прибувъ на Русь! Дѣвицѣ пѣснь спѣваютъ на Дуна́ю: вьютъ ся черезъ море голосы до Кіева. Вже Игорь ѣде по Бори́чеву до церкви Богородицѣ святои. Всѣ краины радѣ, го́роды весели́, заспѣвали

Digitized by Google

пѣснь старымъ князямъ, потому молодымъ. И мы спѣваймо: слава Игореви Святославичу, Буй-Туру Всеволоду, Володимирови Игоревичу. Здоровй и князѣ и дружинѣ!

Пѣснь про Игоря, якъ бачимо зъ горѣшного перекладу, есть справдѣ поематомъ величнымъ, заснованымъ на широкй розмѣры. Провѣдною думкою поета було, описати не лишь саму нещасну судьбу Игоря, але дати подробнѣйшій образъ сучасныхъ подѣй и представити въ головныхъ характеристичныхъ чертахъ всю давнѣйшу исторію Руси. Передъ нашими очима пересуваютъ ся ту рѣжнй образы зъ колишнои исторіи Руси. Перше всего выступаютъ „вѣки Трояній", т. е. часы першихъ поганьскихъ князѣвъ, ознаменованй кровавыми вѣйнами вѣдъ Рурика ажь до Володимира Великого. Есть то скандинавскій періодъ нашои княжескои исторіи, закѣнченый цѣлковитымъ упадкомъ славянскихъ поменшихъ княжествъ и заведенемъ поганого рабства на всѣй Руси. На рѣвни зъ тыми Трояними вѣками ставитъ авторъ Слова часы князя Олега, головного виновника пѣзнѣйшихъ домашнихъ войнъ на Руси. Про тіи домашнй войны (межиусобицѣ) поетъ въ кѣлькохъ мѣстцяхъ згадуе зъ жалемъ правдивого патріота, и имъ приписуе всѣ нещастя и зневаги, якй Русь часто терпѣла. Докладнежь знане сучаснои исторіи заявляе поетъ въ тыхъ мѣстцяхъ поемату, где помѣщена вѣдозва до князѣвъ всеи Руси, щобы спѣшили нещасному Игореви на помѣчь. При кождѣй такѣй вѣдозвѣ находимо кѣлька ессенціональныхъ и характеристичныхъ датъ зъ исторіи то сего то того князя, межь иншими такожь зъ исторіи галицкого князя Осьмомысла Ярослава.

Паралельно зъ описомъ историчныхъ фактѣвъ иде представлене двохъ поганьскихъ вѣръ, котрй давнѣйше истновали на Руси, а безперечно въ цѣлѣй повни жили въ традиціи бояръ и народу еще и за часѣвъ Игоря. По сторонѣ Половцѣвъ стоятъ божества скандинавскй, симболично представленй въ постати Обиды (кривды). Сюды належатъ: Обида-Дивъ (богъ вѣйны), Обида-Дѣва (богиня-войниця), Обида-Дѣвиця (богиня людскои судьбы, Норна); а окрѣмъ того Стрибогъ або Стрѣлобогъ, Троянъ (скандинавска Трѣйця божа) и Обида-птицѣ. Головнымъ мѣстцемъ пробуваня скандинавскихъ або готскихъ богѣвъ була Тро-

Digitized by Google

яия земля, т. е. область Тьмутороканьска, где мешкали останки колишнихъ Готѳвъ Все що стоитъ въ звязи зъ тыми божествами, наводитъ ся въ поематѣ зъ епитетомъ синій: синя мгла, сине море, синій Донъ (при впадѣ до азовского моря), сине вино, сини молнїи.

По сторонѣ Русинѳвъ стоитъ **Дажбогъ** або **Хорсъ** (сонце). Але власть сего бога сягала лишь на Русь саму, — не мала силы въ краю Половцѣвъ; надъ войсками рускими, що загнались далеко въ степъ, скандинавскї боги остаточно ѳднести мусѣли побѣду. Множество въ поематѣ роскиненыхъ повѣрокъ изъ славяньскои митологїи: про чудесну силу папороти, про людей що родятъ ся въ чепци, про сонце, вѣтеръ, воду, про наддунайскї Русалки, про затьмѣне сонця, про добрї и злї птицѣ и т д.

Вѳйну Игоря зъ Половцями представивъ поетъ зовсѣмъ вѣрно, згѳдно зъ оповѣданями лѣтописцѣвъ. Що важнѣйше зъ тыхъ оповѣдань, наводжу тутъ въ короткости, о скѳлько оно потрѣбне до лучшого зрозумѣня поемату.

Игорь выбравъ ся на вѳйну зъ Половцями року 1185 вразъ зъ братомъ Всеволодомъ (княземъ курскимъ), зъ братанцемъ Святославомъ и зъ двома своими сынами; ѳдъ Ярослава, князя чернигѳвского, одержавъ до помочи ѳддѣлъ войска пѳдъ проводомъ боярина Ольстина Олексича. Союзнї войска ишли двома дорогами: Игорь выйшовъ ѳдъ Путивля, Всеволодъ ѳдъ Курска; надъ Донцемъ мали они получитись зъ собою. Дня 1-ого Мая, надближаючись до Донця, спостерегли войска затьмѣне сонця. Хочь знакъ то недобрый, але Игорь не упадавъ на дусѣ, ему конечно забаглось воювати зъ Половцями. Перейшовши Донець войска станули при рѣцѣ Осколѣ, и тутъ черезъ два дни чекали на Всеволода.

Перша стрѣча зъ Половцями выйшла въ корысть рускимъ князямъ: Половцѣ утекли, а Русины заняли ихъ станища, а заразомъ богато невольникѳвъ и добычи. Щастливый успѣхъ тои борбы додавъ духа войскамъ, они рѣшили ити дальше въ край Половцѣвъ ажь до Лукоморя (азовского моря), где лежала область Тьмутороканьска Але заразъ на другїй и третїй день стали изъ всѣхъ сторонъ выступати новї половецкї силы. Русины, окруженї ворогами и ѳдрѣзанї ѳдъ воды, були розбитї и дѳстались въ неволю; ледви 15 чоловѣкъ уратовалось ѳдъ катастрофы. Лѣ-

Digitized by Google

тописецѣ славлятъ хоробрбсть войскъ рускихъ, тымъ ббльше, що два дни они боролись утомленй великою спрагою, бо не було воды нѣ для войска нѣ для коней. Въ борбѣ ранено Игоря въ лѣву руку.

Игорь перебувавъ въ неволи до весны року слѣдуючого. На просьбы свого конюшого змовивъ ся бнъ зъ Половчиномъ Лавором (Влуромъ), а сей ему приставивъ коня и однои ночи, коли сторожа весело забавлялась, Игорь выважившъ стѣну въ своѣй вязници и допавши коня погнавъ степами. По одинайцяти дняхъ прибувъ бнъ щастливо на Русь. Сынъ Игоря, Володимиръ, женивъ ся зъ донькою половецкого хана Кончака и по двохъ рокахъ вернувъ такожь на Русь, разомъ зъ княземъ Всеволодомъ.

Въ лѣтописи росказано, що Игорь утѣкаючи зъ неволѣ, вложивъ на себе хрестъ и взявъ зъ собою образъ святыхъ. Вѣстка тая дуже важна для зрозумѣня 13-ого уступу въ Словѣ Въ цѣлбмъ поематѣ згадуютъ ся лишь божества поганьскй, Готбвъ и Русинбвъ, а доперва при кбнци поемату выступае Богъ христіяньскій, именно въ уступѣ XIII, где говоритъ ся про утечу Игоря зъ неволѣ. Для переведеня тои утечѣ сама помбчь людска не выстарчала, Дажбогъ въ земли Половцѣвъ не мавъ нѣякои власти, для князя единою надѣею бувъ еще Богъ христіяньскій, котрому и бддавъ ся бнъ въ опѣку. Отъ и наступае теперь за волею Бога велика акція природы: зъ моря несутъ ся безчисленнй мраки и покриваютъ густымъ туманомъ степъ половецкій, земля починае стукати, трясти ся, всѣ стѣны половецкихъ шатеръ порушаютъ ся. Игореви прийшло теперь легко пбдважити слабу стѣну шатра и дбстати ся черезъ шумящій очеретъ на другу сторону рѣки, где вже стоявъ кбнь для него приготованый. При помочи Лавора (Влура), охрещеного Половчина, дбставъ ся князь щасливо до рускои землѣ, и тутъ першимъ его дѣломъ було, бддати вдячный поклонъ Богу христіяньскому, до чого выбравъ бнъ церковь св. Богородицѣ въ Кіевѣ.

Digitized by Google

РИТМЪ ПОЕМАТУ.

Якъ видно въ тексту, цѣле „Слово о полку Игоревѣмъ“ писане ямбами (⏑ –) и трохеями (– ⏑); на бѣльше якъ 600 стихѣвъ поемату не находжу нѣ одного, котрый бы въ инакшихъ стѣпъ складавъ ся. Такійже ритмъ подыбуємо и въ тыхъ стихахъ, що въ поематѣ дословно наводятъ ся зъ писемъ давнѣйшого поета Бояна. Видно зъ того, що вся давна исторична поезія збудована була на той самый ладъ.

Старорускій ритмъ основує ся не на короткости и довгости самогласныхъ, якъ въ языкахъ латиньскѣмъ и греческѣмъ, але на акцентѣ, подѣбно якъ въ поезіи теперѣшнѣй; зъ тои причины старорускій стихи уважати треба тоничными, а не метричными.

До довгихъ самогласныхъ зачисляю въ Словѣ одно тѣлько ѣ, до короткихъ е, ъ и ь; всѣ инши що до часу свого вымовлюваня выровнались въ собою и були скорше короткій нѣжь довгій. Самогласна ѣ довгостею вымовы притягала голосъ до себе, тому и має звычайно акцентъ.

Въ довшихъ словахъ, одвѣтно до нынѣшного способу писаня, я лишь одну силябу зазначую акцентомъ, н. пр. бра́тнє, половє́цкоую, возлелѣ́яни. При ритмичнѣмъ читаню (ямбами и трохеями) муситъ кожда друга силяба акцентовати ся, проте на довши слова падає бѣльше акцентѣвъ: бра́тнє́, по́ловє́цкоую́, во́злелѣ́яни́.

Digitized by Google

На тую властивость тоничных стихов звертаю бачну увагу читателя, инакше трудно прийде зрозумѣти и вдчути красоту старорускихъ римовъ, опертых головно на ассонанціи звуковъ.

Число стопъ въ поодинокихъ стихахъ Слова не есть однакове, хотяй новъ дуже великои рожницѣ въ метричной будовѣ не добачаю. Менѣ найкрасшими выдаютъ ся стихи вложенй въ 5 и 6 стопъ, и такихъ найбольше подыбуемо въ Слов'ѣ (н. пр. цѣлый уступъ про галицкого князя Ярослава, дальше уступъ XIV и инший).

Довшй стихи маютъ завсѣгды цезуру, черезъ що кождый въ нихъ розпадае ся якбы на два окремй стихи.

Примѣры 5-стопныхъ стиховъ.

1) Тяжко | голо|вѣ ти | кромѣ | плечю;
Зло ти | тѣлоу | кромѣ | голо|вы, —
Рѣско|и зе|мли без | Игоря.

---

2) Высоко | сѣди|ши на | свое|ме
Златоко|ванѣ|ме сто|лѣ,
Подпеpо | горы | угорскы|и
Своими | желѣ|зными | похо|кы*)...

---

3) Славию по | мысле|ноу дре|вѣ,
Скрыме | волко|коме | по зе|мли,
Ши|зыме | орло|ме под | обла|кы.

---

*) Стихи подъ числемъ 2) суть властиво ямбичнй (˘ ¯), однакъ читане после ямбовъ есть для слуху кождого Русина непріятне, проте першй три силябы беру окремо яко амфибрахъ (˘ ¯ ˘), змушаючи такимъ чиномъ до читаня после трохеевъ (¯ ˘), далеко одветнейшихъ и природнейшихъ нашой бесѣдѣ.

Digitized by Google

Примѣры 4-стопныхъ стиховъ.

1) Ѝр-Тоу|рѐ Все|вóло|дe!
Стóи|ши на|кóро|ни,
Пры́щe|ши на | вóи | стрѣла́|ми,
Грéмлe|ши о | шéло|мы
Мéчи | харa|лýжны|ми.

---

2) Долго|гó ноч | мéркне|те;
Зáря | свѣ́то | запа|лá,
Ме|глá по|лú по|кры́ла,
Щéко|то сла|вúй оу|спé,
Гóвор | гáлич | сa оубý|ди.

Велику розмаитôсть въ одностайну будову стихôвъ вводятъ такъ званй перестанки голосу, бракуючй силябы. О тôй дуже цѣкавôй властивости старорускои ритмики говоривъ я обширнѣйше въ 13. и 14. числѣ сегорôчнои „Зорѣ“, проте годѣ теперь розписувати ся богато. Обмежу ся лишь на кôлька увагъ.

Въ Словѣ о полку Игоревôмъ подыбуютъ ся речения, котрй, читанй навѣть нынѣшнимъ акцентомъ, маютъ зовсѣмъ правильный ритмъ, за те множество иншихъ реченій не можь нѣякимъ способомъ унятй въ ритмичну форму. Особливожь велика замотанина заходитъ при пятôмъ падежи именникôвъ. Въ Словѣ подыбуесь той падежь около 50 разôвъ, а всюды псуе бнъ ритмъ черезъ те, що по обохъ его сторонахъ (а що найменше по однôй) недостае силябы.

Тотй бракуючй силябы развтъ нашь слухъ, бо мы призвычаились поезію читати хибно, бôльше монотонно, механично, безъ тыхъ перестанокъ голосу, якихъ требуе добра деклямація, а еще до того деклямація поезій поважнои, героичнои. Прислухаймось тôлько добре зву-

Digitized by Google

чайнôй, буденнôй бесѣдѣ людей, а легко замѣтимо, що въ нѣй пятый падежь выговорює ся ôддѣльно ôдъ иншихъ слôвъ реченя, иншимъ тономъ и въ певною перервою голосу въ часѣ бесѣды. Граматика, числячись въ тою властивостею нашои мовы, установила навѣть окреме правило для пятого падежа, приказуючи его комою (протинкою) ôддѣляти ôдъ иншихъ слôвъ реченя. Що отже въ нынѣшнôй правописи означаємо знакомъ роздѣловымъ, комою, то въ старорускôй ритмицѣ выражалось бракомъ силябы. На всякій спосôбъ правило то дуже розумне, на властивостяхъ бесѣды и на реторичныхъ вымогахъ оперте.

Та не лишь при пятôмъ падежи, але и всюды при апозиціяхъ, при поясняючихъ додаткахъ, при втрученôмъ словѣ *речи*, — въ загалѣ тамъ, где мы посередъ реченя ставимо знакъ роздѣловый, въ поематѣ старорускôмъ дѣйстно бракує силябы. Рôжниця заходитъ тôлько тота, що мы пятый падежь, втручений слова, апозиціи, поясняючій додатки завначуємо протинкою въ двохъ сторонъ, а въ Словѣ бракує силяба звычайно лишь въ одной стороны. Я всѣ такій бракуючій силябы завначивъ въ серединѣ стихôвъ павзами (—), на знакъ, що при читаню выповнити ихъ треба короткими перестанками голосу и черезъ те привернути гармонію стихамъ.

Заходитъ пытанє, для чого на кôнци реченій, где мы кладемо якійсь знакъ роздѣловый (протинку, знакъ середный, точку, двоточку, знакъ пытаня), силябы въ поематѣ часто не бракуютъ? Мене то наводитъ на думку, що на кôнци довшихъ реченій мусѣли бути и перестанки далеко довшій, що они ôбôймали двѣ силябы, отже цѣлу стопу ритмичну. Бракъ однои силябы (половины стопы) мы легко замѣтимо, бо неправильный ритмъ развитъ нашь слухъ, але бракуючои цѣлои стопы не легко досте-

Digitized by Google

речи, бо для слуху выходитъ часто все одно, чи стихъ (особливо довгій) має одну стопу бо́льше, чи менше.

Цѣкавый еще и той появъ въ ритмицѣ Слова, що силябы бракуютъ часомъ тамъ, где припадає цезура посередъ довшого стиху, н. пр. оній́ъ самій́ князе́м — сла́воу рокота́хоу; бже О'кида єго́ пасе́т — птицъ подо́бию; гре́млеши о ше́ломы — ме́чи харалу́жными; из хра́бра тѣ́кла — чрес зла́то ожере́лие; от ве́ликаго До́ноу — до ма́лаго Донца́; Ко́нчако емў — слѣ́до пра́вите ко До́ноу ве́ликомоу. Здавсь, що до сеи категоріи стихо́въ о́днести нележитъ и стихъ въ поезій Бояна: га́лици стады́ — бѣ́жате ко До́ноу ве́ликомоу.

Колижъ теперь вважимо, що въ Словѣ приходятъ стихи довшій и коротшій и що интерпункція выражалась бракомъ силябъ, то найдемо въ укладѣ тексту певного рода аналогію межи старорускимъ поематомъ а пізнѣйшими историчными пѣснями („думами" въ часо́въ козаччины). Текстъ, въ частыми перестанками, выголошувавъ ся поетомъ устно, а инструментъ музычный зводивъ текстъ въ ритмичну цѣло́сть, выповняючи згаданій перестанки о́дповѣдною арією.

Бо́льша часть стихо́въ Слова числомъ силяб́ъ (10—14) пригадує стихи въ такъ званыхъ великорускихъ былинахъ (историчныхъ пѣснях́ъ), въ тою ро́жницею, що въ Словѣ всѣ силябы вяжутъ ся ритмично́ въ тармонійну цѣло́сть, а въ былинахъ замѣтна въ ритмѣ надто велика свобода и неправильно́сть. Безсомнѣнно тотій великорускій былины занесенй були на по́вно́чь въ Кіева, бо о́дносятъ ся переважно до кіевского князя Володимира Великого, около котрого групуютъ ся давній рускій богатырѣ-рицарѣ и силачѣ. Зразу и былины мусѣли бути утворами малорускихъ Бояно́въ, и мусѣли мати укладъ ритмичный, якій подыбуємо въ Словѣ о полку Игоре-

Digitized by Google

вôмъ, тôлькожь въ протягу многихъ столѣтій они въ устахъ народу пôдлягли и языковымъ и рѣчевымъ змѣнамъ, такъ що въ колишнихъ историчныхъ поезій лишилась тôлько руина, бо важнѣйшй историчнй факты уступили на другій плянъ, а тôлько позбставъ тематъ такъ улюбленый народомъ, якъ росказы митологичнй и роскавы про незвычайну людску силу.

Digitized by Google

Старорускій римы.

Окрѣмъ ритму вымагаемо ѣдъ доброи поезіи еще и риму, т. е. рѣвнозвучности на кѣнци стихѣвъ. Римъ есть въ загалѣ важнымъ, музикальнымъ елементомъ поетичнои бесѣды, бо надае ѣй красшу форму и тѣснѣйше звязуе поодинокій стихи въ собе.

Въ Словѣ о полку Игоревѣмъ розрѣжнати треба троякого рода римы: 1) алитерацію, 2) ассонанцію и 3) властивѣ римы. Поясню тѣ три роды римѣвъ на примѣрахъ.

А) Алитерація.

Алитерація есть нѣяко „предтечею" познѣйшого риму и вже ѣдъ дуже давныхъ часѣвъ становила важну властивѣсть поезіи. Она полягае на тѣмъ, що въ стиху певне число силябъ починалось або кѣнчилось тою самою согласною. Поезія уважалась особливо тогды красною, коли алитерація находилась въ силябахъ акцентованыхъ, бо черезъ сильнѣйше наголошуване силябъ вбивалась и согласна сильнѣйше въ слухъ читателя. Алитерація найкраще розвинулась була въ поезіи скандинавскѣй и въ старонѣмецкѣй, а и нынѣ еще подыбуемо въ бесѣдѣ Нѣмцѣвъ богато сталыхъ фразъ, котрѣ очевидно въ тои давнѣйшои епохи походятъ, н. пр. „frisch,

Digitized by Google

fromm, fröhlich, frei" (чотыри f на початку слôвъ), „Geld und Gut", „Wohl und Wehe", „Kind und Kegel", „Leib und Leben", „Schutz und Schirm" и т. д. Ритмика Слова выказуе, що и староруска поезія досыть часто побôчь иншихъ римôвъ послугувалась еще и алитерацією, яко традиційнымъ останкомъ зъ давнѣйшихъ часôвъ.

(Примѣры.)

Алитерація за помочею звукôвъ н, м.

Ни́ тебѣ́, — чéрены́й воро́н, — по́ганы́й Полóвчине́!
(5 силябъ акцентованыхъ зъ буквою н)
Оны́м грозны́м Полóчано́мъ подъ кли́коме́ пога́ныхъ
(4 силябы акцентованй зъ буквою м)

Алитерація за помочею звука р.

Трóбы трóбятe во Нóвѣградѣ.
(3 силябы акцентованй зъ буквою р)
Тоу́ пи́р докóнчаша храбри́и Рóсичи.
(3 силябы акц зъ буквою р)
Ри́ца́ к трóпоу́ Трóяню — чрéс поли́ на гóры.
(4 силябы акц. зъ буквою р)
Стра́ны ра́ди, гра́ды вéсели.
(3 силябы акц. зъ буквою р)

Алитерація за помочею звука с.

Иже́ исти́гноу́ ѳмо крѣпостію своéю
И поóстри сéредца своéго моужествóм.
(въ 7 словахъ приходитъ буква с)
Бóрисá же Вячеслáвлича слáвá на сѣдо приведé.
(3 силябы акцент зъ буквою с)
Сé ли ствóристé моéй сребрéнѣй сѣдинѣ.
(4 силябы акц. зъ буквою с)
Высóко сѣдиши на свóéме столѣ.
(3 силябы акц. зъ буквою с)

Digitized by Google

Притрепа славоу дѣдоу своемоу Всеславоу.
(8 силябы акц. зъ буквою е)
Поскыни костьмí роускыхъ сынóв
(въ кождóмъ словѣ буква е)
Ирóславнино глас см слышите
(въ кождóмъ словѣ буква е)
Свѣтлое и трéскѣтлое Сóлнце,
Всѣмо тéпло и красно́ есí.
(майже въ кождóмъ словѣ буква е)
Я Игорь князь поскóчи горностáеме ко тростию.
(въ 3 силябахъ е а въ одной з)
Трóсы сóбою стоудéноую росú.
(въ кождóмъ словѣ буква е)
И стрúгы рóстре на коустú.
(3 силябы акц зъ буквою е)
Сóловии вéселыми пѣсьми свѣто покѣдаюте.
(3 силябы акц. зъ буквою е)
Сóколича рóстрѣлиéмъ
Своими злáчеными стрѣлами.
(въ кождóмъ словѣ е або з)
Свѣтите см сóлнце на небесѣ.
(3 силябы акц. зъ буквою е)

Алитерація за помочею звукóвъ к, п.

Не бысть тоу брáта Брячислава.
(3 силябы акц. зъ буквою к)
(С зарáния) во пятко потоптáша
Пóганыи пóлкы половéцкыи.
(6 силябъ акц. зъ буквою п)
Пѣти было пѣсне Игореви.
(3 силябы акц. зъ буквою к або п)
То почнúте нáю птúци бúти
К половéцкоме полкѣ.
(майже въ кождóмъ словѣ п або к)

Digitized by Google

Алитерація за помочею звука л.

Лѣти(т) стрѣлы калеными
Гримлюте сабли о шеломы
(въ кождомъ словѣ буква л)
Могла поля покрыла.
(въ кождомъ словѣ буква л)
Миноула лѣта Ярославли,
Были полци Ольговы,
Ольга Свитославличя.
(въ кождомъ словѣ буква л)

Алитерація за помочею звука в.

От великыхъ полоковъ половецкыхъ
Ярко вихро выторже.
(майже въ кождомъ словѣ буква в)
Кѣцiй Бояне, — велесово внуче!
(3 силябы акц. зъ буквою в)
Звените слава во Кыевѣ.
(3 силябы акц. зъ буквою в)
Тоже звоно слыша давный великый Ярославъ.
(4 силябы акц. зъ буквою в)

Алитерація за помочею звуковъ т и д.

Не мыслю ти прилѣтѣти издалеча,
Поблюсти отни злата стола.
(6 силябъ акц зъ буквою т або д)
И Двина болотоме течетѣ.
(4 силябы акц. зъ буквою т або д)
Дѣвици поют на Дунаи.
(3 силябы акц зъ буквою д або т)
Ити дождю стрѣлами зъ Доноу келнкаго.
(3 силябы акц. зъ буквою д або т)

Се только малый выборъ зъ посередъ тыхъ стиховъ, где согласни въ акцентованыхъ силябахъ три або

Digitized by Google

и бо́льше разо́въ повтаряютъ ся. Алитерацій, котрі опираютъ ся на двохъ акцентованыхъ силябахъ, або и на силябахъ зовсѣмъ неакцентованыхъ, я нарокомъ ту не наводжу, разъ що ту можливі простї то́лько случаѣ, а о́дтакъ тому, що стихо́въ такихъ богато въ поематѣ, проте надто много мѣстця занялибы въ сѣй книжцѣ.

Хочь алитерація и приходитъ часто въ Словѣ, я єй зовсѣмъ не уважаю головною властивостею поемату. Се повостальщина зъ давнѣйшои епохи (зъ 9. и 10. столѣтя), котра авторови Слова послужила гдекуды то́лько до переведеня певныхъ поетичныхъ образо́въ. Такъ н. пр. звукъ ρ, якъ видно въ примѣро́въ, надававъ ся добре поетови для означеня голосу трубъ, урывистого скорого бѣгу, голоснои радости (поро́вн. самъ конецъ поемату въ уступѣ XIV); звукъ л для выраженя лету або нѣжнои бесѣды (пор. „Плачь Ярославны“); звукъ к для означеня будь вѣяня вѣтру, будь голосо́въ що воздухомъ несутъ ся; звукъ т для выраженя лету, такъ скорого якъ и повольного; звукъ п для наглядного представленя якогось наглого погрому, а такожь для означеня пѣвчого голосу. Поеты старорускї якъ у всѣмъ, такъ и ту, далеко перестигли нынѣшнихъ поето́въ, котрымъ про алитерацію, такъ въ поезіи конечно потрѣбну для наглядного представленя многихъ появо́въ въ природѣ, навѣть и не снитъ ся.

Б) Ассонанція (стиховый римъ).

Далеко частѣйше, чимъ алитерація, приходитъ въ Словѣ ассонанція, такъ що єй слушно зачислити можна до характеристичныхъ властивостей старорускои поезіи.

Ассонанція въ рускій бесѣдѣ дуже зближаесь до риму. Она полягае на то́мъ, що въ двохъ або бо́льше сло-

Digitized by Google

вахъ та сама самогласна акцентуе ся. Такъ приходитъ ассонанція въ словахъ Дóноу и мóре, старúми и словéсы, братъ и даръ, вúшете и брáтне и т. д. Давна поезія иншихъ народóвъ задоволялась асонанцією на кóнци стихóвъ, тай гденкй нынѣшнй поеты (особливо ишпаньскй и нѣмецкй) пишутъ еще такими римами. Отъ для примѣру три строфы нѣмецкй въ ассонанціями на кóнци стихóвъ:

Seine Länge mass acht Füsse,
Königlich war seine Stirne,
Ausgelernt war er im Kampfe,
Und an Kraft fast wie ein Riese.
Tugendsam war dieser Kaiser
Auch im Essen und im Trinken,
Wenig Brotes nur genoss er;
Nebst dem Viertel eines Widders,
Ein'ge Hühner, sonst Geflügel,
Hasen, Pfauen, so man briete.
In den Wein mischt er sich Wasser,
Sass nur einmal Tags zu Tische.

Кóнцевй слова въ кождóмъ другóмъ стиху (Stirne, Riese, Trinken, Widders, briete, Tische) маютъ акцентоване, котре и творитъ римъ опертый на ассонанціи, хочь ухо майже зовсѣмъ его не замѣчав.

Красшою для слуху и не безъ поетичнои красы есть вже ассонанція посередъ стиху, якою въ великимъ щастемъ послугуютъ ся часами и найбóльшй нѣмецкй поеты. Знанй загально два слѣдуючй стихи Гетого:

Da pfeift es und geigt es und klinget und klirrt;
Da pisperts und knisterts und flüsterts und schwirrt.

Подóбныхъ засадъ придержуе ся и стороруска поезія; особливожь стиховый римъ (ассонанція посередъ стиха) переведеный старорускими поетами въ недорóвнанымъ артизмомъ. Въ загалѣ кождый стихъ на-

Digitized by Google

шого поемату (майже безъ выему) збудованый на засадахъ ассонанціи, котра въ добавокъ не обмежуе ся лишь на двѣ силябы, але правильно засягае три, а гдекуды и бо́льше силябъ.

(Примѣры.)

Ассонанція за помочею самогласнои а.

Се́ бо два́ — со́кола́ —
Слетѣ́ста́ с отня́ стола́ злата́,
Поиска́ти гра́да Тьмоуторо́кана́.
(въ 3 стихахъ 9 а акцентованыхъ)
С зара́нья́ до ве́чера́, — с ве́чера́ до свѣ́та.
(4 а акцентованѣ и одно неакц)
Та́ бо два́ храбра́а Свѣятосла́вличя́.
(6 а акцентованыхъ)
От ста́раго Кладі́мира́ до ны́нѣшня́го И́горя́.
(4 а акцентованѣ)
И́горя́ Свѣятсла́вличя́.
(3 а акцентованѣ)
Ѣ́рослáвна ра́но пла́чете.
(4 а акцентованѣ и одно неакц.)

Ассонанція за помочею самогласнои о.

А древо́ с тоугою́ ко́ земли́ преклони́лось.
(5 о акцентованыхъ)
А древо́ не бо́лого́ме ли́стье сро́ни.
(4 о акцентованѣ)
По́гано́го ко́цѣка.
(3 о акцентованѣ)
Сорокы не тросκо́таша,
По ло́зью по́лозо́ша то́лько.
(6 о акцентованыхъ и 5 неакц.)
От До́на и от мо́ря и от всѣ́хъ сторо́н.
(3 о акцентованѣ и 4 неакц.)

Digitized by Google

Ассонанція за помочею самогласнои оу.

Трѣскы сѡкою стоудѣноую росѣ.
(4 оу акцентованй и 2 неакц.)
Завтрокѣ и обѣдѣ и ѫжинѣ.
(4 оу акцентованй)
На своёю нетрѣдноую крильцю.
(4 оу акцентованй и одно неакц.)
Оу́же лжѣ оуѣ́диста.
(3 оу акцентованй и одно неакц.)
Кѡлзѣ и Помо́рию й Посѣ́лню,
И Сѣ́рожѣ и Кѡ́рсѣню.
(6 оу акцентованыхъ)
Слáвию по мы́слѣнѣ древѣ.
(3 оу акцентованй)
Бѣй-Тоурѣ Всевѡлодѣ.
(3 оу акцентованй)
Стáромѣ Ꙗрóславѣ, храбрóмоу Мстúславѣ.
(3 оу акцентованй)

Ассонанція за помочею самогласныхъ ы и и.

Я сúцей ратú не слы́шано.
(4 и акцентованй)
Пóскочú по рѣ́ской землú.
(3 и акцентованй)
Козмоутú рѣ́кы и óзеры.
(3 и акцентованй)
Стóишй на кóронú,
Пры́щеишй на вон стрѣ́лами́,
Грéмлеишй о шéломы.
(7 и акцентованыхъ)

Ассонанція за помочею самогласныхъ ѣ, ѥ, ѣ.

Тй три буквы выговорювались въ 12 вѣку однаково, якъ ѥ, проте могли творити стиховый римъ. Самъ

Digitized by Google

авторъ Слова часто мѣсто ѣ пише ѣ, щобы зазначити акцентъ, а на оборотъ мѣсто ѣ пише ѣ, если силяба має бути неакцентована. Рожниця въ вымовѣ самогласныхъ ѣ, ѣ, ѣ була только тая, що ѣ вымовлялось якъ довге ѣ, а ѣ якъ дуже коротке ѣ.

Не лѣпо ли ны бяшетѣ, — братіе.
(3 ѣ акцентованѣ)
Свѣтитѣ ся солнцѣ на небесѣ.
(5 ѣ акцентованыхъ)
Затвори диѣ при темнѣ березѣ.
(4 ѣ акцентованѣ)
Дятлове тектомѣ ко рѣцѣ путѣ кажуть,
Соловіи веселыми пѣсьми свѣто повѣдаютѣ.
(8 ѣ акцентованыхъ и 4 неакц.)
Рѣкы мутно текуть.
(3 ѣ акцентованѣ)
Дремлетѣ в полѣ Ольгово хоробро гнѣздо,
Далечѣ залетѣло!
Не было но Обидѣ порожденѣ.
(7 ѣ акцентованыхъ и 9 ѣ акц.)
Почнѣме жѣ, — братіе, — повѣстѣ сію.
(4 ѣ акцентованѣ)
На землю половецкую за землю рускую.
(3 ѣ акцентованѣ и 3 ѣ акц.)

Для ассонанціи выходитъ все одно, чи римовѣ самогласнѣ стрѣчаютъ ся въ серединѣ, чи на кôнци силябъ; старуска проводія домагалась тôлько, щобы они що-можь близько себе стояли. Три слова, одно за другимъ, а кожде въ тоюжь акцентованою самогласною — уважалось найкрасшимъ римомъ, тай такихъ стихôвъ есть въ Словѣ дѣйстно дуже богато, н. пр. начяти старыми словесы (три и акц.) — иже зарѣза Ръдедю (3 ѣ акц.) — Игоря Святославича (три а акц.) — перевыхъ

Digitized by Google

времíн оусóбицѣ (3 є акц.) — кáли рáна дорогá (3 а акц.) — пóвѣстий о пóлокоу Игóревѣ (3 о акц.).

Для слуху найкрасше звучитъ ассонанція, коли припадае на конець слóвъ. Самъ поетъ нарокомъ вышукуе такí римы, хочь черезъ те выходятъ часомъ неправильнí акценты: хощé главé своюю прилóжити — отнí златá столá — милá братá Всеволодá — Ир-Тоурé Всеволодé. Въ такихъ выпадкахъ головну вагу класти мусимо на акцентъ слова послѣдного, попереднí акценты вже до него акомодуютъ ся.

В) Властивй римы.

Римы, якъ мы ихъ нынѣ понимаемо, знанí въ Европѣ вже вдъ пятого столѣтя, а за часовъ Игоревыхъ були въ повнóмъ розвою въ поезіи скандинавскóй и нѣмецкóй. Що про нихъ знавъ и авторъ Слова, не пóдлежитъ сомнѣню, тóлькожь уживае онъ ихъ дуже рѣдко, якбы мимоволѣ, и особливо въ такихъ стихахъ, где иншого рода римовъ (н. пр. ассонанціи) нема.

(Примѣры.)

Начáти же ся той пѣснí
По бы́линамо сéго врéмени.

Котóрый дотечáше,
Тá прéди пѣснь поíше.

Не десáть соколóво на стáдо лéбедей поущáше,
Но своá вѣщíя пéрсты на живáя струны воскладáше.

Я мои ти Кóрсуны —
Свѣдоми комéты:

Digitized by Google

Под трѣбами повити,
Под шелѣмы возлелѣяни,
Кѣнець кѣпиа воскѣрмлени,
Пѣти имо вѣдоми,
Трогы им знамѣми,
Лоуци оу них напряжени,
Тоули отвѣрени,
Сабли из-бострени...

Черна земли под копыты
Костьми была посѣяна,
И кровию полиана:
Тоугою взыдоша по рѣскои земли.

Оуже намо своих милых лад ни мыслию смыслити,
Ни дѣмою сдоумати, ни очима соглядати,
И злата и сребра ни мало того потрепати.

, ... чрес злато ожерелие;
Оуныли голосы, — поничѣ весѣлие.

Всю ноще с вечера Бѣсови врани
Возграхоу оу Плѣснеска на болони.

Бо злата стремени —
За обидоу сего времени.

Прѣдню славоу сами похытим,
И задњею сѧ сами подѣлим.

Всеславо князь людем соудяше,
Князем грады рядяше.

Digitized by Google

Часомъ и посередъ стиха одно слово римуесь съ другимъ, н. пр. а древо́ не бо́лего ме листы сро́ни — а Полове́ци не гото́вами доро́гами побѣгоша ко До́ноу ве́лико́моу — а ихъ трепе́щоуть сини́и мо́лонии — быти гро́моу ве́лико́моу. Видно съ всего, що старорускій поеты послугувались ро́жнородными римами, щобы то́лько одвѣтно по́днести милозвучно́сть поетичнои бесѣды.

Digitized by Google

Старорускій правила акцентовій.

О акцентѣ старорускомъ писавъ я обширнѣйше въ „Зорѣ“ въ числахъ 10–21. Ту наводжу лишь що-важнѣйше, зъ гдеякими поправками та доповненями.

Самогласнѣ ρ и л.

Въ гдеякихъ бесѣдахъ славяньскихъ задержалась еще по нынѣ самогласна ρ, якъ у Чеховъ (и ихъ побратимцѣвъ Моравянъ и Словаковъ), у Сербовъ и Хорватовъ, и гдекуды межи галицкими горняками; у Чеховъ окромъ того доховалась еще и самогласна л: vlk (вовкъ), plst (пѣлснь, клобучина), mlčeti (мовчати).

На подставѣ нынѣшнихъ бесѣдъ славяньскихъ выводили ученѣ слависты, що и въ старославяньскомъ язычѣ обѣ тѣ самогласнѣ находились, а именно всюды тамъ, где по якойсь согласной стоитъ ръ або лъ (такожь рь або ль), н. пр. пръвый, плъкъ. Головнымъ защитникомъ тои гипотезы есть славно звѣстный ученый Дръ Фр. Миклосичь. Але въ новѣйшихъ часахъ найшли ся другѣ ученѣ, котрѣ оспорювали теорію Миклосича, именно тымъ выводомъ, що у всѣхъ Миклосичемъ зазначеныхъ случаяхъ побочь л и ρ находитъ ся якійсь глухій звукъ (ъ або ь), що отже л и ρ уважати треба только **согласными**, а глухѣ звуки **властивыми самогласными**. Споръ позставъ до нынѣ нерѣшеный.

Digitized by Google

Иншй появы що до тыхъ двохъ самогласныхъ стрѣчаемо въ старорускихъ памятникахъ литературныхъ. Побѣчь старославяньского плъкъ пишесь тамъ часто пълкъ (ъ передъ л), або просто полкъ; а суть знов и такй случаѣ, що писалось полокъ, пълъкъ, а навѣть пъл'къ. Особливо послѣднй формы (въ двома ъ) суть для насъ важными, бо стрѣчаютъ ся досыть часто, навѣть въ найдавнѣйшихъ памятникахъ, якъ Остромирове Евангелiе, Сборникъ Святослава въ р. 1073, Сборникъ въ року 1076, Переводъ словъ Григорiя Богослова въ XI вѣка, Новгородскй памятники въ XIII вѣка и т. д.

Въ „Словѣ о полку Игоревомъ“ замѣчаемо двояку правопись при самогласныхъ л и р: плъкъ (ъ по л) и пълкъ*), пръвый и първый, влъкъ и вълкъ, але вже видно, що давный переписовачь не розумѣвъ звуковыхъ рожниць въ обохъ тыхъ формахъ и все читавъ на одинъ только способъ. Зъ ôдси пошло, що на вступѣ поемату ôнъ пише ъ всюды передъ плавными, а опôсля вже держитъ ся правописи старославяньскои и пише ъ всюды по плавныхъ. Иншй знов формы, якъ оутрпѣ, мркнетъ, ркоша, арквчи суть наглядным докавомъ, що р було ту справдѣ самогласною, а не согласною.

По докладнôмъ перестудiованю всѣхъ тыхъ мѣстць „Слова“, где приходятъ давнй самогласнй л и р, я сконстатовавъ слѣдуючй два правила:

1) л и р, если суть самогласнй, маютъ завсѣгды акцентъ на собѣ (ôдъ того правила выняти лишь слова: пáпорзи, выторже, телкóвина.)

*) Въ Словѣ формы пълкъ, солнце, сердце и т. д. читаютъ ся всюды повногласно: полокъ, солонце, середце; здавсь, що въ первотворѣ стояли надстрочнй знаки: пъл'къ, сол'нце, сер'дце, а только переписовачь зъ невѣдомости ихъ выпустивъ.

Digitized by Google

Авторъ Слова самогласными л и р зазначує гдекуды акцентъ; побѣчь Волгу (акц. на у) бнъ пише такожь Блъзѣ (акц. на л), побѣчь Чрънигова (акц. на р) пише такожь Чернигова (акц. на н). Если суть неправильности пѣдъ тымъ взглядомъ, то они походятъ безпечно зъ вины переписовача.

2) въ старорускѣмъ языцѣ самогласни л и р переходили часто въ согласну и тогды повставала повногласна форма (по обохъ бокахъ согласнои л и р вставлялись самогласни: пълъкъ, солънце, сердце; въ такихъ случаяхъ акцентъ падае завсѣгды на першу зъ тыхъ двохъ самогласныхъ.

Наведени правила рѣшити повинни пытане, чи въ старославяньскихъ формахъ (н. пр. влъкъ, пръвый) звуки л и р були самогласными, чи тѣлько согласными. Самъ фактъ, що въ такихъ словахъ завсѣгды лишь тая силяба дѣставала акцентъ, где приходитъ л або р, промавляе за тымъ, що то були самогласни, бо ъ яко пѣвзвукъ не моглобы притягати акценту до себе. Теорія Дра Миклосича, якъ думаю, не пѣдлягае и найменшому сомнѣню.

Самогласна ѣ.

Окрѣмъ самогласныхъ л и р найбѣльшій вплывъ на акцентъ мало еще ѣ. Двѣ перши самогласни (л и р) выговорювались коротко, але за те тономъ высокимъ, якъ посвѣдчаютъ численни слѣды въ вымовѣ нашихъ гѣрнякѣвъ; при вымовѣ буквы ѣ голосъ продовжувавъ ся, отже нѣяко и концентрувавъ ся на дотычнѣй силябѣ. При л и р рѣшала qualitas голосу, при ѣ его quantitas.

Авторъ Слова ставитъ часто ѣ неправильно, для зазначеня акцентованого е: лебѣдѣй, тѣлѣгы, половѣцкый, о рускаи землѣ, Игъръ-Тогре Всеволодѣ, ратаевѣ, слѣтѣста, помѣркоста, моужаймѣ ся, Осмомыслѣ

Digitized by Google

Ярославе, о вѣтрѣ (пятый падежъ). Ритмика констатуе, що таке неправильне ѣ всюды треба акцентовати, отже: лѣбедѣй, тѣлѣгы, половѣцкый, о роускыи землѣ, Яр-Тоурѣ Всеволодѣ, ратаевѣ, слѣтѣста, помѣркоста, мѫжаймѣ ся, Осмомыслѣ, о вѣтрѣ.

Въ XIII-ôмъ уступѣ приходитъ еще ѣ въ словахъ зелѣнѫ и прѣклонило. Я уважаю тутка ѣ похибкою переписовача, проте акцентую, якъ и въ иншихъ мѣстцяхъ поемату: зѣленоу, прѣклонило. — Бôльша трудноть була для мене въ реченемъ: а сами на себѣ крамолоу ковати. Неправильне себѣ означуе, що ту читати треба себѣ; въ такôмъ случаю выйшовбы ритмъ такій: а сáми на себѣ — крáмолоу ковáти.

Зъ другои стороны замѣняе поетъ ѣ на е, если хоче зазначити, що ѣ акценту не маe. Ôнъ пише: летѣли, кощеи, о Днепрѣ, на вѣтрѣхъ; читати треба: лѣтѣли, кôщеы, о Днѣпрѣ, на вѣтрѣх.

Въ выданю Муссинъ-Пушкина приходитъ еще: а кощей по резанѣ. Я читаю: а кощѣй по рѣзанѣ (три акцентованй ѣ). бо думаю, що замѣна ѣ на е повстала въ обохъ словахъ зъ вины переписовача.

Въ другôмъ уступѣ поемату находитъ ся речене: ищѫчи себе чти, а князю славѣ. Форма славѣ мѣсто славы мене не дивуе, — тутъ ѣ зазначуе тôлько акцентъ на послѣдньой силябѣ; однакъ щó почати зъ формою себе? Поводуючись засадами ассонанціи, я въ своемъ выданю акцентую: йщѫчи себѣ честй; пôсля тексту Муссинъ-Пушкинового выходилобъ: ищѫчи сéбѣ чти. Тое себѣ (а въ однôмъ мѣстци собѣ) натворило менѣ богато клопотôвъ, тай теперь еще не умѣю повѣсти, якій бувъ властиво акцентъ сего слова.

Нѣщо такъ наглядно не выказуе вплыву самогласнои ѣ на акцентъ, якъ ôдмѣна именникôвъ середного рода. Ôдъ пôле, мóре, тѣло выходитъ акцентъ 7-ого па-

Digitized by Google

дежа: полѣ, морѣ, тѣлѣ. Въ одномъ только мѣстци находжу у Муссинъ-Пушкина: на синѣмъ морѣ, що вказувалобы на акцентъ мóрѣ. Ритмикою тяжко було провѣрити, чи таке наголошуване добре, бо слово морѣ припадае на самъ конець стиха, а тутъ, якъ звѣстно, можливый бувбы перестанокъ голосу. Зъ огляду на ассонанцію я читаю дотычный стихъ такъ: воспліскала лебéдиными крылы на синѣ морѣ (4 є акцентованй). Здае ся, що форма морѣ есть похибкою переписовача.

Не тóлько є, але и иншй самогласнй, якъ ы, и, а навѣть ъ и оу замѣняе поетъ на ѣ, если въ важныхъ выпадкахъ хоче зазначити акцентъ.

Про 2 падежъ славѣ я вже згадувавъ; неправильнымъ ѣ зазначено, що читати треба славы.

Въ 12-омъ уступѣ поемату приходитъ выражене: на моеи ладѣ кони. Ту зновъ ладѣ стоитъ мѣсто лады; акцентъ мае пасти, якъ и ритмика выказуе, на ы.

Въ 11-омъ уступѣ приходитъ выражене: Немизѣ кровави брезѣ. Слово брезѣ стоитъ мѣсто брези (акцентъ на послѣднóй силябѣ).

Въ 6 омъ уступѣ приходитъ речене: тоже звонъ слышла давный великый Ярославѣ. Тутъ Ярославѣ стоитъ мѣсто Ярославъ; читати треба Ярóславó.

Въ 14-омъ уступѣ подыбуемо форму Боуй-Тоуроу Всеволодѣ; послѣдне ѣ стоитъ мѣсто акцентованого оу, отже Боуй-Тоурó Всеволодó.

Въ кóнци еще замѣчаю, що въ двохъ мѣстцяхъ замѣнено въ Словѣ правильне, але неакцентоване ѣ на неправильне ы. Тй мѣстця суть: свивли славы обѣ полы сего времени (читати треба славѣ), тяжко ти головы кромѣ плечю. Въ послѣднóмъ реченю стоялобы головы мѣсто головѣ, однакъ не допускаю можливости такого

Digitized by Google

акцентованя, хочь оно до ритму горѣшного речення дуже добре надає ся. Въ свое выданє принявъ я стилизацію: тя́жко голове́ ти кро́мѣ пле́чю.

Силябы слабѝ и сильнѝ.

Въ „Зори“ звертавъ я часто увагу на силябы слабѝ, котрѝ нерадо приймаютъ акцентъ на себе. Сюды належатъ:

1) силябы зъ давными самогласными ъ и ь;
2) силябы зъ давными самогласными ѧ и ѫ;
3) силябы зъ самогласными преіотоваными я и ю.

ъ и ь.

Про ъ и ь не стану розводити ся богато, бо рѣчь загально звѣстна, що оба тѝ звуки були по́всамогласными, отже вже вымовою своєю не надавались по́дъ акцентъ. Єслижь подыбуємо въ руско́мъ языцѣ слова, де акцентъ на тѝ по́всамогласнѝ падає, то суть на те двѣ причины:

1) Правила деклинаційнѝ, по́сля котрыхъ змѣня ся акцентъ въ падежахъ слóвъ. Якъ н. пр. нынѣ по́дъ сестрá, горá въ числѣ много́мъ говоритъ ся сéстры, гóры, такъ въ старорусько́мъ языцѣ по́дъ мегла́ (мьгла), деска́ (дьска) мусѣло бути въ числѣ много́мъ мéглы, дéскы.

2) Вплывъ согласныхъ. Ту дає ся акцентъ въ исторично́мъ своє́мъ розвою докладно прослѣдити. Въ формахъ н. пр. старославяньскихъ тьмьный, чьстьный акцентъ конечно падавъ на силябу послѣдну, и така вымова доховалась еще подекуды у насъ въ горахъ: тéмны́й, чéстны́й. Однакъ кождый зъ насъ чуе, що комбинація звуко́въ мн и стн есть для вымовы дуже невыго́дною, проте бесѣда помогла собѣ въ той спосо́бъ, що зъ наведеныхъ звуко́въ лишь одинъ лишила при другій силябѣ, а прочѝ перенесла до першои. Такимъ чиномъ

Digitized by Google

перша силяба продовжилась при вымовѣ и вже нынѣ звычайно акцентувсь: тѣм-ный, чѣст-ный.

Старорускій языкъ, становлячій переходъ ôдъ праруского до нынѣшного руского языка, выказує при горѣшныхъ словахъ двоякій акцентъ: тѣмный и темнó, честнó: а) ѣношоу князй Ростíслава затвóри днѣ при тѣмнѣ бéрезѣ: б) темнó бо кѣ ко трéтий день: в) нечестнó бо крóве пóганоую пролиáсть.

Въ словѣ притóп-та (корень тъп) падає акцентъ на ъ за вплывомъ согласной п; на иншôмъ мѣстци задля алитераціи приходитъ акцентъ пото-пта́ша.

Въ формахъ зóвоуте и зóвете (корень зъв) уважаю акцентъ хибнымъ, не лишь засадничо, але и на пôдставѣ жиючои вымовы. Въ Словѣ въ обохъ мѣстцяхъ заходитъ ассонація, котра єдино оправдати може такъ разячу неправильнôсть:

1) óрли клéктоме на кóсти звѣри зóвоуте (3 акцентованй о и 4 акцентованй е);

2) Дóно ти, — книáже, клúчете и зóвете.

ą, ę.

Вѣдай кождый въ насъ замѣтивъ той дивный появъ въ рускôмъ языцѣ, що слова женьского рода въ акцентомъ на а, той акцентъ въ четвертôмъ падежи числа єдиничного якъ найдальше ôдъ а ôдсуваютъ: кодá, кóдоу; сестрá, сéстроу; земля́, зéмлю; головá, гóловоу; сторонá, стóроноу; бороздá, бóроздоу и т. д.

Ритмикою Слова, а ще бôльше ритмикою церковныхъ молитовъ сконстатовавъ я, що силябы, котрй въ старославяньскôмъ языцѣ мали самогласну ą або ę, акценту засадничо не приймаютъ. А власне въ четвертôмъ падежи женьского рода наше оу стоитъ мѣсто старославяньского ą, — отже не що иншого а лишь тов ą вплынути могло на змѣну акценту.

Digitized by Google

Годѣ выписувати изъ Слова всѣ тѝ выраженя, где въ старославяньскѡмъ языцѣ було ѧ або ѫ; я ихъ при случаю ноговавъ въ „Зори“, проте и ѳдсылаю туды читателя. Тутъ для лучшого унагляднення правилъ акцентовыхъ, наведу ѳдмѣну слова земля (въ старорускѡмъ поематѣ приходитъ оно ажь 37 разѳвъ въ числѣ единичнѡмъ):

1. пад. земля́ (приходитъ 2 разы) и зе́мля (два разы*)
2. „ зе́мли („ 4 „)
3. „ земли́ („ 12 „)
4. „ зе́млю („ 14 „)
5. „ земле́ („ 2 „)
6. „ землёю
7. „ земли́ („ 1 „)

Змѣну акценту замѣчаемо въ 2. и въ 4. падежи. Въ старославяньскѡмъ языцѣ въ 2-ѡмъ падежи було ѫ, а въ 4-тѡмъ ѧ; очевидный доказъ, що лишь за вплывомъ тыхъ носовыхъ самогласныхъ акцентъ змѣнивъ ся.

Кѡлька выпадкѡвъ, где задля ассонанціи въ четвертѡмъ падежи самогласна оу акцентуесь (доу́шѝ, главо́́, росо́́) не може супротивъ загального правила промавляти. Самогласнѝ ѧ и ѫ въ рускѡмъ языцѣ затратились були вже давно передъ часами Игоревыми (здавсь еще въ 9-ѡмъ столѣтю), отже бесѣда по конечности тратила на тѡмъ поли свѣдомѡсть акцентову и въ часомъ мусѣли въ ню вкрадати ся неправильности. Нынѣ такихъ неправильностей подыблесь въ рускѡмъ языцѣ досыть багато; въ Словѣ становлятъ они бѡльше спорадичнѝ выпадки.

Гдекуды, якъ при глаголѣ стоупити (старосл. стѫпити), я зъ акцентомъ не мѡгъ прийти до ладу. Вправдѣ акцентую всюды

*) Акцентъ земля́ уважаю неправильнымъ; зъ церковныхъ молитовъ выходитъ всюды зе́мля, а такъ и въ нашихъ горахъ гдекуды до нынѣ акцентуютъ.

Digitized by Google

стоупити, але при поновимъ переглядѣ тексту бачу, що такимъ наголошуванемъ неусе ассонанція въ кількохъ стихахъ.

я, ю.

Въ 14 и 15 числѣ „Зорѣ“ выказавъ я численными примѣрами, що согласна ч ослаблюесь слѣдуючимъ я або ю, черезъ що и цѣла силяба ставшись слабою, одвертае одъ себе акцентъ. Тутъ належатъ слова; начатѝ (и начáти), хóчю (и хощѐ), мы́чючи, давéчи, поскóчиши, потрéчати, полéчю, омóчю, жéнчюгъ, жéмчюжный и навѣть Брáчислава (мѣсто Брачíслава).

Подóбный вплывъ на ослаблене цѣлои силябы мали преiотованѝ звуки по плавныхъ согласныхъ: хорюгóвь, Рюрíкъ (Рюрíка), жúрна (и жирнá), гóрычнй, бéрзный, бáгрзный, Кóрзны, лыцкый, любó и т. д.

Въ одмѣнѣ слóвъ подыбуемо вправдѣ акцентъ и на мягкóй силябѣ, але се дѣесь едино для розрóжненя падежѣвъ; пóли (2. пад. числа един.) и полú (1. пад. числа многого), землú (1. падежь) и зéмли або зéмли (2. падежь).

Докладного правила, коли мягкѝ силябы акцентовались а коли нѣ, подати я не въ силѣ. Ту передовсѣмъ знати-бъ потреба правила акценту старославяньского, а се доперва на пóдставѣ ритмики церковныхъ молитовъ далобъ ся дослѣдити. На всякій случай годитъ ся вже и теперь пóднести, що въ старосл. язычѣ була дуже консеквентно переведена рóжниця межи одмѣною твердою а мягкою; въ твердóй подыбуемо всюды самогласнѝ сильнѣйшѝ (ѣ, ы, о), а въ мягкóй ѣ мусѣло перемѣнити ся на слабше и, ы на слабше ę, о на слабше е. Не пóдлежитъ сомнѣню, що така перемѣна сильнѣйшихъ самогласныхъ на слабшѝ мусѣла въ кóнци вплынути на вымову, отже и на акцентъ.

Digitized by Google

Самогласий ъ и ь, и вплывъ согласныхъ на акцентъ.

Читаючи творы старорускои литературы, я неразъ дивувавъ ся, чому то въ imperfect-ѣ, въ 3-ôй особѣ обохъ чиселъ, уживаютъ ся дуже часто двонкй формы: .

1) правильнй: бише, бихоу; говорише, говорихоу;

2) неправильнй: бишеть, бихоуть; говоришеть, говорихоуть.

Въ Словѣ о полку Игоревôмъ формы въ окôнченемъ ть (або тъ) приходятъ 16 разôвъ, а безъ того окôнченя надъ 20 разôвъ. Ритмика въ всякою певностею констатуе, що ть и тъ творили въ imperfect-ѣ окрему силябу, проте ъ и ь були ту не лишь якимись традиційными знаками, але повными самогласными.

Появъ той легко оправдати. Въ формахъ бише и бихоу почивае акцентъ на першôй силябѣ. За доданемъ кôнцевого т (бишет, бихоут) послѣдна коротка силяба безъ потребы мусѣлабы продовжити ся, а чи можнажь припустити, щобы поетъ нарокомъ псовавъ поезію черезъ громаджене непотрѣбныхъ буквъ на кôнци слова? Старорускій языкъ въ своѣй давнѣйшôй добѣ не мавъ слôвъ окôнченыхъ на согласну, отже и выговорюване такихъ слôвъ було дуже невыгôдне, утяжливе. Въ такôмъ случаю согласна мусѣлабы ôдпасти (бише), або потягнути за собою акцентъ (бишéт).

На 36 выпадкôвъ, где въ Словѣ стоитъ imperfectum, менѣ лишь въ однôмъ мѣстци выходитъ ритмъ злый, именно при словѣ погыбашеть. Я наконечне ть уважаю ту додаткомъ переписовача, проте въ текстъ приймаю коротшу форму: погибáше.

(Въ VIII-ômъ уступѣ поемату стихъ 32 поправляю еще бише оуспилъ на бишеть оуспилъ.)

Digitized by Google

Заходитъ теперь великой ваги питане, коли въ старорускомъ языцѣ буквы ъ и ь выговорювались яко самогласни, а коли они уважались чертвыми только знаками. На подставѣ ритмики Слова приходимо до слѣдуючихъ результатовъ:

А) *Согласни горловы* (г, к, х.)

Зъ помѣжь горловыхъ найлекшою до вымовы (на кôнци слôвъ) есть х, найтруднѣйшою г; въ того для старорускаго языка зовсѣмъ логичне выснювалось правило, що ъ по х нѣколи не вымовлялось, а по г вымовлялось всюды. Ôдъ того правила нема нѣ одного выняття. Такимъ чиномъ слова трѣдныхъ, милыхъ, великыхъ, читати треба безъ ъ, а слова Олегъ, Богъ, стягъ, жничюгъ вымовляти якъ Олего, Бóго, стáго, жéнчюго.

Согласна к выговорювалась въ старорускôмъ языцѣ твердше, нѣжь мы єѣ теперь вымовляемо; давни Русины писали Кыєвъ, великый, книжкы и т. д. Въ Словѣ приходятъ досыть часто выразы зъ окôнченемъ къ (самъ приименникъ къ подыбуєсь надъ 20 разôвъ), а лишь въ чотырёхъ выпадкахъ ôдпадае ъ по к: 1) лбы́х не слáла к нéмоу слéз на мóре рáно; 2) и пáде сѧ Кобя́к во грáдѣ Кы́євѣ; 3) и схóпи сѧ на крóвати и рек; 4) скóчи вóлкоме до Немúги с Дзéдоуток. У всѣхъ иншихъ мѣстцяхъ ъ по к читати ся муситъ.

Б) *Согласни сычачи* (с, з).

По согласнôй с, яко дуже легкôй до вымовы, ъ не выговорювалось.

По з такожь ôдпадало ъ, а понеже тогды на кôнци слôвъ з вымовити було за-тяжко, то давни Русины перемѣняли єго часто на с; въ ôдти выясняютъ ся фоне-

Digitized by Google

тичнй формы въ Словѣ, якъ вес, чрес, въс (въспѣти, въсплескати), рос або рас (ростре, раскропити), нс (испити, иссушити) и т. д.

Приименникъ съ-мбгъ, якъ то дѣесь и въ нынѣшнбмъ языцѣ, выговорювались въ тымъ ъ або безъ него: с тоуго́ю, со всѣ́х и т. д.

В) *Согласнй плавнй* (л, р).

Въ односложныхъ словахъ*) по плавныхъ нѣ ъ нѣ ь не вымовлялось: пир, жир, Тоур, Елоур, был, жаль. Тблько тамъ, где вымова була за-тяжка, творили ъ и ь окрему силябу: ви́хро, мы́сле.

Коли слова складались въ бо́льше слогбвъ, тогды по плавныхъ ъ выговорювалось: Колоди́миро, со́коло, лелѣ́ало. Однакъ побо́чь сихъ старшихъ формъ подыбуемо въ Словѣ вже и новѣйшй безъ ъ (плавнй суть для вымовы дуже легкй, отже бесѣда могла выгбдно обойти ся безъ помочи пбвсамогласныхъ); тблькожь заходила въ такбмъ случаю змѣна акценту — плавнй потягали голосъ за собою: Колодими́р, соко́л, оущекота́л, притрепета́л, Иго́рь, печа́ль, оуспи́л, лелѣя́л.

Неправильными уважаю акценты въ словахъ: го́вор, И́горь, со́кол. Єдино легкбсть вымовы кбнцевои плавнои поясняе намъ, для чого въ тыхъ словахъ акцентъ не змѣнивъ ся.

Г) *Согласнй шипячй* (ж, ч, ш, щ).

По ж, ч, ш пбвсамогласна не вымовлялась: рѣч, ноч, лоучеж, Всеволож, птич. Чи однако наконечна шипяча вплывала на змѣну акценту, рѣшити тяжко, бо въ

*) Говорячи о односложныхъ словахъ маю на гадцѣ нынѣшну вымову; въ староол. языцѣ слова пиръ, жиръ, былъ и такй иншй були очевидно двосложнй.

Digitized by Google

Словѣ подыбуемо тѣлько три выразы, котрѣ кѣнчать ся на шипячу а суть двосложнѣ; въ двохъ въ тыхъ словъ передъ ж заходитъ змѣна акценту: лоучіж, Кіевколѣж, въ однѣмъ передъ ч змѣны нема: гáлич. (Здає ся, що повзвукъ ч яко легкій до вымовы не притягавъ акценту до себе.)

Зъ окѣнченемъ ці приходитъ два разы слово ноць и въ обохъ разахъ ь читати треба окремою самогласною: нóце.

Д) *Согласнѣ губнѣ* (б, п, в).

Зъ губныхъ найтяжшою до вымовы (на кѣнци словъ) есть согласна б, найлекшою п, а зъ того выходитъ логичне правило, що по б треба ъ читати всюды окремою самогласною. Въ Словѣ лишь два находжу примѣры, где на кѣнци ъ по б ѣдпадає, але и ту може заходитъ вина давного переписовача.

Приименникъ въ або читає ся окремою силябою або звукъ в лучитъ ся въ слѣдующимъ словомъ, черезъ що ъ ѣдпадає: во гридницѣ, в моємъ.

Е) *Согласнѣ зубнѣ* (т, д).

Въ односложныхъ словахъ ъ и ь по зубныхъ окремою самогласною не вымовлялись: от (всюды въ поематѣ), под (такожь всюды), лад (gen. plur.), пред (лишь въ однѣмъ мѣстци предо), злат.

Для потребъ ритмики могли поеты въ односложныхъ словахъ ъ и ь по зубныхъ согласныхъ вымовляти: поутъ и поуте, свѣт и свѣто; дѣялось се особливо тогды, коли вымова задля бѣльшого числа согласныхъ ставала ся тяжшою, н. пр. въ словахъ: свисто, месте.

Въ imperfect-ѣ наконечне ть, якъ мы вже бачили, читалось всюды окремою силябою.

Digitized by Google

Въ часѣ теперѣшнѣмъ, въ 3-ій особѣ обохъ чиселъ, ть такожь читалось окремою силябою. Єслижь въ Словѣ подыбуютъ ся формы, якъ: клúчет, крúчат, лéтат (формы пóдъ взглядомъ акценту просто неможливѝ), то мусимо памятати, що въ старорускихъ творахъ письменныхъ приходятъ часто въ часѣ теперѣшнѣмъ формы безъ ть: хоче (у Владимира Мономаха), наслѣды м. наслѣдить (въ евангелію галицкóмъ въ року 1144), лежа м. лежать (въ грамотѣ въ року 1421). Формы тотѝ находятъ оправдане въ нынѣшнóмъ жіючóмъ языцѣ. Русины н. пр. въ горахъ буковиньскихъ и коломыйскихъ, а навѣть въ околици Галича (Маріямполь), вдкидаютъ т не лишь въ числѣ единичнóмъ (хоче, несе), але навѣть и въ числѣ многóмъ: (они) нося, ходя, кричя, летя и т. д. Колижь до того зважимо, що и авторъ Слова бувъ родомъ Галичанинъ и що въ его поематѣ находятъ ся слова, формы, а навѣть акценты едино Галичинѣ властивѝ, то догадка буде зовсѣмъ оправдана, що онъ не вымовлявъ клíчет, крúчат, лéтят, але клúче, крúча, лéти. На утворене сихъ формъ мóгъ вплынути аналогичный появъ въ imperfect-ѣ, где побóчь бишеть, говорúхоуть уживались такожь коротшѝ формы: бише, говорúхоу.

Въ бóльшесложныхъ словахъ кóнцеве ть и тъ вымовлялись окремою силябою: пóвѣсте, дéсмте, цíкото, клúчите, лéтите, мѣрите; колижь ъ и ь не мали окремого звука, тогды кóнцева согласна притягала акцентъ до себе: десáть, цикóт, летúт, мѣрúт, живóт.

Бóльшесложныхъ выразовъ на дь въ Словѣ нема; зъ кóнцевымъ дъ приходитъ лишь слово Всеволодъ, котре знóвъ двояко выговорювалось: Всеволóдо, або безъ ъ и зъ перенесенымъ акцентомъ Всеволóд.

Digitized by Google

Ж) *Согласнѣ носовѣ* (м, н).

Носова н есть легкою до вымовы, проте въ односложныхъ словахъ по нѣй звычайно ъ и ь не вымовлялись: сон, Дон, кранъ, данъ, сынъ, а навѣть пѣснь, жизнь; однакожь приходитъ звоно, Доно, пѣсне, жизне, сыно.

По м рѣдше опускалось ъ: сам, им; частѣйше приходитъ имо, имо, имо.

Въ одмѣнѣ глаголовъ приходитъ 6. разовъ окончене мъ; въ 4. мѣстцяхъ становитъ оно окрему силябу: моужймме см, позриме, почнеме, всядеме; въ двохъ мѣстцяхъ ъ не читавсь, але за те акцентъ переходитъ на конець слова: похытим, подклим (мѣсто подклиме).

Въ одмѣнѣ именъ (въ 6. пад. числа един. и въ 3. числа многого) окончења мь и мъ становлятъ звычайно окрему силябу: шизыме орломе, шеломоме, с трудоме, кликоме, ко горамо кыевскымо, тектоме, соколоме. Рѣдше повсамогласнѣ опускались, и тогды концеве м притягало акценть до себе: кликом, сокол'м, оным грозным Полочанóм, лютыме звѣрем, рускыме златом. Въ одномъ лишь мѣстци выходитъ менѣ неправильный акценть: косым (повинно бути: косыме або косым).

Такъ само и концеве нъ въ большесложныхъ словахъ становило силябу окрему: звѣрино, Прославнино, Бóжино, чéрелено, мóотено. Колижь ъ не мало окремого звука, тогды концеве н притягало акценть до себе: корóн, времéн, стремéнь, Коми.

Старорускѣ правила для вымовы самогласныхъ ъ и ь.

Реасумуючи коротко всѣ повысше наведенѣ спе-

Digitized by Google

ціяльнѣ выпадки при вымовѣ давныхъ звукôвъ ъ и ь, приходимо до слѣдующихъ засадничихъ правилъ:

1) ъ и ь въ односложныхъ словахъ окремою самогласною засадничо не выговорювались по звукахъ плавныхъ (р, л), сычачихъ (с, з, ц), шипячихъ (ж, ч, ш), по горловôй х (и звычайно по н). Всѣ тіи звуки суть легкѣ до вымовы, отже бесѣда выгôдно могла обôйтись безъ помочи пôвсамогласныхъ.

2) ъ (и ь) въ односложныхъ словахъ окремою самогласною мусѣли вымовлятись по в, г, к (и звычайно по м).

3) ъ и ь въ односложныхъ словахъ могли вымовлятись окремою самогласною по согласныхъ зубныхъ (д, т).

4) ъ и ь въ бôльшесложныхъ словахъ засадничо вымовлялись окремою самогласною, вынявши по шипячихъ и по х. (Въ именникахъ мужеского рода, н. пр. Игорь, стремень, ь не було самогласною, лишь знакомъ мягченя.)

5) Єслижь въ бôльшесложныхъ словахъ ъ або ь не вымовлялись, тогды наступала змѣна акценту, — наконечна согласна притягала голосъ до себе. (Выняте бдъ того правила заходитъ лишь при согласныхъ ч и х, яко найлекшихъ до вымовы; рѣдше при р, л, с.)

Самогласнѣ ъ и ь въ серединѣ слôвъ.

Остаесь ще розпôзнати, коли ъ и ь въ серединѣ слôвъ выговорювались окремыми самогласными, а коли зовсѣмъ не вымовлялись. Слово о полку Игоревôмъ дае пôдъ тымъ взглядомъ досыть вдоволяючу бдповѣдь, бо поетъ для уникненя баламутства придержувавъ ся въ цѣлости засады фонетичнои и писавъ ъ и ь лишь тамъ, где они выговорювались: тъй, съпряже, съглядати,

Digitized by Google

хиновьскыи, оварьскыи, городеньскїи, крильца, сильный, мьгла, Черниговьскый, Даждьбожа, Коурьскъ, Плѣсньско, дьска, льзѣ, одѣвахъте; такожь въ словахъ зложеныхъ въ частицею със або въз: съскръмити, съкладати, съсплескати, съспѣти, възлелѣяти и т. д.

Велику трудность мавъ поетъ при писаню словъ, въ котрыхъ ь не було самогласною, а лишь знакомъ мягченя. Онъ пише въ першомъ уступѣ поемату: половецькый, рѳськый, але всюды дальше вже опускае ь, боячись, щобы кто тои буквы не читавъ окремою самогласною. Побочь Ольга пише поетъ Олга, а въ иншихъ мѣстцяхъ велми, соколца, крилцю, шестокрилци, пѣстворца — всюды безъ ь, хоць нема сомненя, що мягкй звуки въ наведеныхъ формахъ вымовлялись.

Правдивый неладъ замѣчаемо въ Словѣ при писаню словъ Свѣтославъ и Тьмѫторокань. Перше въ тыхъ словъ приходитъ въ поематѣ до 20 разъ, и то въ такой правописи:

1) найчастѣйше черезъ ъ и ь; Свѣтъславъ, Свѣтъславличь, Свѣтьславличь;

2) безъ повсамогласнои: Свѣтславъ, Свѣтславличь;

3) черезъ о (одинъ только разъ): Свѣтославли.

Посля засадъ старорускаго языка говоритись повинно Свѣтослово, але такїй акцентъ нѣгде не надававъ ся до тексту Слова, проте поетъ нарокомъ самогласнои о не уживае. Единый только разъ находимо въ выданю Муссинъ-Пушкина Свѣтославли (черезъ о), але то буде похибка переписовача, бо и въ сѣмъ мѣстци ритмика акценту на о не выказуе.

Нынѣ, где мы акцентомъ зазначуемо вымову, нема вовсѣмъ потребы писати Свѣтъславъ черезъ ъ. На подставѣ выданя Муссинъ-Пушкинового я всюды ужи-

Digitized by Google

маю лишь двѣ формы сего слова: коротшу Святслáвъ и повнѣйшу Святославъ; всякй иншй комбинаціи не мають вартости*).

Еще бóльше баламýцтво бачимо при писаню слова Тьмóтороканъ; початкове тьмоу разъ пишесь черезъ ъ, разъ безъ жаднои пóвсамогласнои, а суть знóвъ мѣстця въ Словѣ, где пишесь тъма (черезъ ъ). Ритмика въ той хаосъ легко впроваджуе ладъ, а заразомъ и констатуе, що переписовачь самъ зъ тымъ довгимъ словомъ не умѣвъ дати рады, бо пише н. пр. Тмоуторокань (безъ ъ) якъ разъ въ такóмъ мѣстци, где пóвсамогласна стояти повинна.

Въ загалѣ сказати можна, що въ старорускóмъ языцѣ ъ въ серединѣ слóвъ лишь мало коли вымовлялось: оно або зовсѣмъ выпадало, або переходило на самогласну о. Для Слова выходитъ таке правило: где въ выданю Муссинъ-Пушкина стоитъ ъ въ серединѣ выразóвъ, тамъ его читати треба; где нема, тамъ и вставляти его не можна. (Въ однóмъ тóлько мѣстци уважаю ъ простымъ правописнымъ знакомъ, а то въ словѣ изъострени; ту ъ, якъ и въ нынѣшнóй рускóй правописи, служило тóлько на те, щобы зазначити правильну вымову: из-острени).

Загального правила для вымовы буквы ъ въ серединѣ слóвъ подати тяжко, бо, якъ сказано, було ъ разъ

---

*) У Муссинъ-Пушкина стоитъ гдекуды Свытъславъ, хочь ритмика домагаесь коротшои формы (безъ ъ). Доказати легко, що ту заходитъ вина переписовача. Отъ н. пр. подыбуемо въ Словѣ три разы выражене боуего Свытославлича. У Муссинъ-Пушкина два разы стоитъ Свытславлича (безъ ъ) и ритмика дѣйстно такои вымовы требуе; въ третóмъ мѣстци вже надруковано: боуего Свытъславлича (черезъ ъ), — ритмъ выходитъ зовсѣмъ хибный.

Digitized by Google

самогласною, разъ только знакомъ мягченя. Яко певну рѣчь принятн можна, що ь тогды не вымовлялось, коли заступувало якусь иншу самогласну: ьни вм. ьни, жрѣьи вм. жрѣбни, оузорочьи вм. оузорочни, ьлыьти вм. ьлынити, Ольга вм. Олега и т. д. Въ такихъ выпадкахъ ритмика всюды наказуе ь не читати, — и се навѣть зовсѣмъ логично, бо инакше годѣ булобы поняти, на що поетъ гдеякй самогласнй ослаблюе, а ôдтакъ тотй ослаблений звуки каже зновъ повно вымовляти. Нынѣшна наша бесѣда (порôвн. формы ьлыти, ью) и въ своихъ сторонъ оправдуе наведенй коротшй формы старорускй.

Въ формахъ, якъ костьми, напастьми, пѣсьми, буква ь була такожь лишь знакомъ, а не окремою самогласною. Такъ выказуе ритмика и такъ выходитъ особливо въ писаня слова пѣсьми (еслибы ту ь мало бути окремою самогласною, тогды для трехсложного слова бувбы поетъ написавъ повну форму: пѣсьньми).

Историчный розвôй руского акценту.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ замѣтный двоякй акцентъ: прарускій (падаючій звычайно на коренну силябу) и властивый старорускій акцентъ, повсталый въ давнѣйшого головно за вплывомъ согласныхъ. Найлучше исторію руского акценту прослѣдити можемо на ôдмѣнѣ бôльшесложныхъ именникôвъ мужеского рода.

А) *Акцентъ прарускій.*

1. пад. Всеволôдо, шѣломо, Прôславо
2. „ Всеволôда, шѣлома, Прôслава
3. „ Всеволôдоу, шѣломоу, Прôславоу
4. „ Всеволôда, шѣломо, Прôслава
5. „ Всеволôде, шѣломе, Прôславе
6. „ Всеволôдоме, шѣломоме, Прôславоме
7. „ Всеволôдѣ, шѣломѣ, Прôславѣ.

Digitized by Google

Въ словахъ бо̂льшесло̂жныхъ акцентъ, якъ бачимо, у всѣхъ падежахъ падавъ на ту саму силябу.

Б) *Акцентъ старорускій.*

Въ старорускомъ языцѣ ъ часомъ о̂дпадало и тогды наконечна согласна притягала акцентъ до себе. Выпадокъ такій заходивъ въ 1. и 6. падежи числа единичного (у именнико̂въ неживотныхъ такожь въ 4. падежи); въ иншихъ падежахъ акцентъ прарускій позстававъ незмѣнный. О̂дмѣна була така:

1. пад. Всеволо́дъ, шело́мъ, Ꙗросла́къ
2. „ Всево́лода, ше́лома, Ꙗро́слава
3. „ Всево́лодоу, ше́ломоу, Ꙗро́славоу
4. „ Всево́лода, шело́мъ, Ꙗро́слава
5. „ Всево́лоде, ше́ломе, Ꙗро́славе
6. „ Всево́лодо́мъ, шеломо́мъ, Ꙗро́славо́мъ
7. „ Всево́лодѣ, ше́ломѣ, Ꙗро́славѣ

Въ 12. столѣтю побо̂чь сеи старорускои о̂дмѣны уживалась, якъ то въ початкахъ и бути мусѣло, дуже часто о̂дмѣна давнѣйша, прарускa, тому не диво, що въ Словѣ по̂дъ взглядомъ акценту обѣ ти̂ о̂дмѣны находять ся.

В) *Нынѣшній акцентъ рускій.*

Флюктуація акценту, яка за вплывомъ согласныхъ вытворилась въ языцѣ старорусько̂мъ, не могла довго остоятись. Акцентовати въ одныхъ падежахъ такъ, а въ другихъ инакше, выдалось Русинамъ появомъ дивачнымъ, нелогичнымъ, — тымъ бо̂льше, що условія, въ котрыхъ вытворивъ ся первѣстный, прарускій акцентъ, не були вже нѣкому зрозумѣлі, по̂дставы для такого акценту во̂стали по̂дорваны, рѣшаючій голосъ въ справахъ акценту мали теперь не коренѣ слово̂въ, не

Digitized by Google

довгі и короткі самогласнѣ, а лишь согласні, що по ѳдпаденю звуковъ ъ и ь явились на кѣнци силябъ. Вже и въ старорускѣмъ языцѣ видно намагання освободити ся ѳдъ неприродной, истинно механичной флюктуаціи акцентовой, однакъ тіи намагання повелись тѣлько въ словахъ, окѣнченыхъ на согласні дуже легкі до вымовы х, ч и с: милыхъ, галич, кишлась; менше вже въ словахъ, окѣнченыхъ на плавну: Игорь побѣчь Игорь, сокол побѣчь сокол, говор.

Цѣкава теперь рѣчь довѣдати ся, якъ изъ тои флюктуаціи акцентовой, споводованой вплывомъ согласныхъ на кѣнци силябъ, вытворивъ ся нашъ акцентъ теперѣшній. Впередъ всего замѣчу, що въ нашѣй бесѣдѣ видно всюды безчисленні слѣды старорускаго акцентованя. Сюды зачисляю:

1) Акцентъ въ ѳдмѣнѣ слова Господь. На Украинѣ, и всюды въ Россіи, говорятъ въ 1. падежи Господь, въ 2-ѳмъ Господа (зовсѣмъ якъ старорускѣ Всеволод, Всеволода).

Въ Галичинѣ на такійже ладъ всѣ говорятъ: прихід-приходу, провід-проводу, перекладъ-перекладу, полонъ-полону, сѣножать-сѣножати, щебетъ-щебету, Перемышль-Перемышля, Переворокъ-Переворока и т. д.

2) Акцентъ въ ѳльшесложныхъ словахъ съ наросткомъ: арь, акъ, аль, ачь, анъ, авъ, икъ, иль, ихъ, оль, омъ укъ, унъ, ухъ, ыкъ, ыль. Мы всѣ акцентуемо: лѣкарь-лѣкаря (не лѣкаря), козакъ-козака (не козака), довгаль-довгаля, богачь-богача, баранъ-барана, рукавъ-рукава, ручникъ-ручника, Василь-Василя, король-короля, женихъ-женихá, поромъ-порома, Романчукъ-Романчука, паукъ-паука, дерунъ-деруна, пастухъ-пастуха, патыкъ-патыка, мотыль-мотыля и т. д.

Digitized by Google

Пѣсля старорускои, а властиво прарускои вымовы говорило ся въ другѣмъ падежи: кóзака, бóгача, лѣкаря, кóроля, пóрома, пáстуха, пáука. Въ сущности межи прарускимъ кóзака а нынѣшнимъ козакá нема нѣякои важнои рѣжницѣ, бо въ бѣльше-сложныхъ словахъ суть завсѣгды два акценты: головный и побѣчный, отже цѣла тайна полягае ту въ тѣмъ, що давный головный акцентъ ставъ ся теперь побѣчнымъ, а побѣчный головнымъ. Есть то очевидна побѣда першого падежа надъ всѣма прочими, повстала въ той способѣ, що прарускe кóзако замѣнилось въ часомъ въ старорущинѣ на козáк, значитъ головный акцентъ зоставъ вже въ першѣмъ падежи ослабленый.

3) Маемо еще богато словъ, где акцентъ мимо вплыву согласныхъ не змѣнивъ ся, где отже найстарша, прарускa вымова въ цѣлой бдмѣнѣ до нынѣ доховалась: óбразъ - óбразу, зáхóдъ - зáходу, зáгаръ - зáгару, вóрогъ - вóрога, зáрóдъ - зáроду, нáрóдъ - нáроду (въ Россіи говорятъ въ першѣмъ падежи нарóдъ, але въ другѣмъ совсѣмъ хибно нарóда), пóслухъ - пóслуху, кýтикъ - кýтика и т. д.

Въ наведеныхъ трехъ категоріяхъ словъ уважаю акцентъ нашъ, хотяй и пѣйшовъ трема дорогами, въ цѣлости логично и консеквентно переведенымъ, проте мы вже бдъ него нѣякъ бдступати не повинни.

За те есть еще одна, четверта категорія словъ, где акцентъ, змѣнившись за вплывомъ согласныхъ въ 1. падежи, уже и въ прочихъ не повернувъ назадъ до властивои силябы. Мы днесь совсѣмъ хибно акцентуемо: Всеволóдъ-Всеволóда, Святослáвъ-Святослáва, Ярослáвъ-Ярослáва, пролóмъ-прóлому (говорятъ такожь правильно: прóлому), пророкъ-прорóка, повѣтъ-повѣту, потікъ-потóку (въ горахъ говорятъ еще пра-

Digitized by Google

вильно по́току), Владимѝръ-Владимѝра (на Украинѣ говорятъ правильно Влади́мира), и богато иншихъ.

Першій падежъ наведеныхъ ту слôвъ маѣ акцентъ изъ становиска стороруского звукословія зовсѣмъ правильный, однакъ въ иншихъ падежахъ бесѣда наша затратила чувство правильности и вже пôсля першого падежа урегулювала всѣ прочѝ, — першій падежъ ôднѣсъ побѣду надъ иншими! Колись, розпôзнавшись лучше въ ритмицѣ сторорускôй, мы и въ тôй категоріи слôвъ повернемо до властивого наголошуваня; дохованѝ въ языцѣ нашôмъ аналогичнѝ въ зложеныхъ словахъ акценты научатъ насъ, що говорити треба: Свято́слава, Яро́слава, Володи́мира, Мстѝслава и т. д. Поки-що, мы хибными акцентами четвертои категоріи слôвъ еще довго-довго плюгавити будемо нашу бесѣду.

Въ кôнци есть еще споре число слôвъ, въ котрыхъ акцентъ до нынѣ не усталивъ ся. Найлучше то пôзнати въ творахъ многихъ нашихъ поетôвъ, котрѝ наголошуютъ гдеякѝ слова на два способы, знаючи що тымъ не зразятъ слуху своихъ читателѣвъ. Сама рѣчь, що за ближшимъ пôзнанемъ правилъ акцентовыхъ и той неладъ дасть ся поволи усунути.

Самогласнѝ вставнѝ ѣ и ъ.

Вплывъ согласныхъ на акцентъ слôвъ объявляѣ ся и нынѣ еще при самогласныхъ вставныхъ. Се суть лишь случайнѝ, для лекшои вымовы вставленѝ звуки, не належачѝ до пня слôвъ, а мимо того принимаютъ звычайно акцентъ. Такъ н. пр. мѣсто Днѣпръ кажемо Днѣпе́ръ, мѣсто о́гнь кажемо ого́нь, мѣсто книжкъ кажемо книжо́къ*) и т. д. Ту зовсѣмъ наглядно бачимо

*) Вставными называю ъ и ѣ такожь тогды, коли стоятъ въ послѣдноѝ силябѣ мѣсто старосл. ъ и ь. Если въ

Digitized by Google

простый механизмъ бесѣды, вплывъ кôнцевыхъ согласныхъ на акцентъ слова.

Самогласнѝ о и е вставляютъ ся въ слѣдующихъ выпадкахъ:

1) Въ 2. падежи числа мн. у именникôвъ женьского рода. Тутъ вставнѝ самогласнѝ завсѣгды акцентуютъ ся: кôтóкъ, лавóкъ, сосóнъ; гриневнъ, мѣтéлъ, корчéмъ, земéль, пѣсéнь, шабéль, черешéнь, сотéнь и т. д.

2) Въ 2. падежи числа мн. у именникôвъ середнього рода. Тутъ самогласнѝ вставнѝ такожь завсѣгды акцентуютъ ся: óкóнъ, сукóнъ; полотéнъ, зерéнъ, ребéръ, крѣсéлъ, весéлъ. (Въ три- и бôльшесложныхъ словахъ подыбуемо, хочь и дуже рѣдко, неправильнѝ акценты: полотéнець, телятокъ.)

3) Въ 1. падежи числа ед. у именникôвъ мужеского рода. Тутъ вставнѝ самогласнѝ нынѣ лишь тогды маютъ акцентъ, коли въ падежи 2. наголошуесь силяба послѣдна: Днѣпéръ, Днѣпрá; огóнь, огню: панóкъ, панкá. Противножь: вúхоръ. вúхру; ýголъ, ýгла; вѣтеръ, вѣтру.

Въ Словѣ о полку Игоревôмъ вставныхъ самогласныхъ мало находимо, а то есть и зовсѣмъ природнымъ появомъ, бо въ старорускôмъ языцѣ ъ и ь на кôнци слôвъ звычайно вымовляли ся, отже була вымова звукôвъ зовсѣмъ легкою. Въ Словѣ пишесь н. пр. пѣтькъ (чит. пѣтько), вихръ (чит. вихро) и т. д. Єслижь о и е вставлялись въ якихъ словахъ, тогды вже конечно дôставали акцентъ: отéць, Донéць, Дýдоутóк.

Изъ всего выходитъ правило, що самогласнѝ вста-

Словѣ о полку Игоревôмъ пишесь орломь, дни, Донца (а не орьломь, дьни, Доньца), то очевидно и въ першôмъ падежи давне ь вже не памятолось, отже е (орелъ, день, отецъ) було ту звукомъ вставнымъ, а не походнымъ.

Digitized by Google

вни о и е за вплывомъ кôнцевои согласнои засаднично акцентуютъ си. Выняте заходитъ часомъ въ 1. падежи именникôвъ мужеского рода; тутъ бесѣда пôшла нынѣ за иншими падежами и вже до нихъ акцентъ 1. падежа приноровила. Есть то появъ очевидно новѣйшій, старорускому языкови зовсѣмъ незнаный.

Акцентъ въ словахъ зложеныхъ.

Всѣ именники зложенй, котрыхъ перша часть кôнчить ся на одну зъ самогласныхъ о, и, ы, ѫ, мали въ старорускôмъ языцѣ акцентъ на тôй самогласнôй; Свитóслáво, Йрóслáво, Осмóмысло, шестóкрильцѣ, Богóродица, Присно́дѣва, чело́вѣко, — Колодúмиро, Мстúслáво, Ростúслáво, — Изúслáво, Перенúслáвли (1. пад. Перенúслáвль), Словѣ́тичь, лоукѣ́морьи, полѣ́дине, въ полѣ́ноцин. — Въ бесѣдѣ нашôй доховали си еще дуже численй слѣды такого акцентованя, акъ первóспы, крáсóворонъ, корóмысло, добрóдѣй; вертúпорохъ, перекотúполе, шúбáйголова, розбúнúголова, теребúлюлька, вернúгора, колúворôтъ, казúдорога, горúцвѣтъ, спасúбôгъ; чорнóземъ, колóдязь, однóкôнка; говорять такожь часто: на сѣнóжати, мешкати въ Ярóславѣ и т. д.

Акцентъ въ наведеныхъ зложеныхъ выраженяхъ уважаю дуже логичнымъ, правильнымъ, бо падаючи въ середину двохъ слôвъ, лучитъ ôнъ тотй слова тымъ тѣснѣйше, нѣяко духово, въ одно поняте. Въ Словѣ засада такого акцентованя дуже точно переведена, тôлькожь поетъ упорно всюды пише Свитъславъ (або Свитславъ), змушуючи читателя самогласнои о не акцентовати, отже Свитослáво або Свитслáво. Ритмика дѣйстно выказуе такій акцентъ; лишь одинъ разъ, и то власне въ дуже

Digitized by Google

попсованóмъ мѣсяцѣ, выйшло менѣ правильно Свитóслава (XIV. уступъ поемату).

Есть еще въ Словѣ речене: не бысть тоу брата Брячислава. Я задля ассонанціи акцентую брáта Брячислáва (три а акц.), хочь правильнѣйшимъ уважаю акцентъ Брячúслава. (Поетъ, щобы не акцентовати самогласнои и, написавъ нарокомъ Брячиславa).

Именники 1. и 4. óдмѣны, зложенй зъ приименникомъ, мали акцентъ на тóмъ приименнику: зáтроко, óбѣдо, óблаки, пóтоко, ýжино, пóвѣсте, нáпасте, пóхоте. Въ цѣлости задержавъ ся такій акцентъ въ Галичинѣ до нынѣ; мы кажемо н. пр. нáрóдъ, зáхóдъ, рóзхóдъ, выхóдъ, зáпадъ, нáказъ, прúказъ, зáказъ, ýказъ, вúказъ, дóказъ, вúбóръ, нáголосъ, рóзголосъ, дóносъ, выстрѣлъ, пóстрѣлъ, зáписъ, дóпись, вúписъ, и множество иншихъ такихъ слóвъ.

Изъ зложеныхъ приложникóвъ лишь дуже мало подыбуемъ въ Словѣ, проте годѣ установити якесь загальне правило. Лишаючи на боцѣ приложники, утворенй зъ причастій (н. пр. отворéный, прúкрытый) находимо лишь слѣдуючй зложенй: обóюдный, златовéрхый, безвóдный (находитъ ся въ мѣстци, где текстъ по моѣй гадцѣ попсованый; пóсля тексту у. Муссинъ-Пушкина выходитъ бéзводный), Стрúбожий, трéскѣтлый, прáдѣдний, зáвтренй, ýгорьскый, ýдалый. Вынявши слова златовéрхый, где самогласна р не допустила змѣны акценту, и зáвтренй, — у всѣхъ прочихъ приложникахъ падае акцентъ на першу складову часть слова.

Digitized by Google

Акцентъ глаголовъ.

Передовсѣмъ цѣкавый появъ заходитъ при глаголахъ 4-ои класы (котрыхъ нень кончитъ ся на и); они майже безъ выему маютъ акцентъ на кореннѣй силябѣ: твóрити, ѣздити, прилóмити, прилóжити, мóстити, крѣсити, смы́слити, цвѣлити, раскрóпити, скóчити, нóсити, сýшити, грýзити, рóнити, бстрити, прáвити, звóнити, хóпити, обѣсити, расхы́тити, докóнчити, подѣлити, поклóнити и, здавсь, стýпити.

Слѣды того на всякій случай дуже правильного акцентованя доховались въ нашѣй бесѣдѣ въ цѣлѣй дмѣнѣ часу теперѣшного, н. пр. (мы) твóримо, лóмимо, бýдимо, крóпимо, звóнимо, а зъ перенесенымъ акцентомъ: сýшимó, дѣлимó, кінчимó ит. д.

Въ повноголосныхъ формахъ менѣ выйшли такі акценты: городи́ти, полони́ти, молоти́ти, а тѣлько одинъ разъ молóдити.

Та не лишь глаголы четвертои класы, але и всѣ иншій маютъ склоннѣсть до акцентованя силябъ коренныхъ. Видно то найлучше по дмѣнѣ часу теперѣшного, И такъ:

Число вдинічне.

1. особа: хóчю (и церковне хощý), кы́жю, полéчю, омóчю, оутрý — всюды акцентъ на кореннѣй силябѣ.

2. особа: стóнши, пры́щеши, грéмлеши, мóжеши, сѣдиши, отвóрѣеши, стрѣлѣеши, плáкѣеши, кѣеши, мы́чеши — всюды акцентъ на кореннѣй силябѣ, выняви глаголъ стрѣлѣеши (порóвнай стрѣлá).

3. особа: звéните, клúчете, кѣлите, кѣдете, заборочáете, мéркнете, дрéмлете, кѣжите, прáвите, тýтнете,

Digitized by Google

шо́мите, ни́чите, ле́тите, но́сите, зо́вете, те́чете, ѣзди́те, мо́ловите, вѣда́(т), слы́шите, кы́чете, пла́чете, ка́жете — всюды акцентъ на коренно́й силябѣ. До выня́тій належать стоупа́вете и быва́вете.

Число многе.

1. особа: вси́дѣме, по́зриме (або́ позри́м), почне́ме.
2. особа: (не приходитъ въ Словѣ).
3. особа: ѣ́жате, тро́бите, сто́ите, ска́чюте, кри́чи(т), восро́жате, зо́воуте, бре́шоуте, и́доуте и иду́те, хо́тите, ѣ́ю̀те, те́коуте, ле́жа(т), ле́та(т), гри́млюте, тре́пща(т), ка́ю̀те, нѣ́гоую̀те, ле́лѣ́ю̀те, мо́лотите, па́шоуте, ка́жоуте, почну́те — всюды акцентъ на коренно́й силябѣ. До выня́тій належать: пою̀те, повѣ́да́ю̀те, трепе́щоуте, прикрыва́ю̀те, глаго́лю̀те, повѣ́жда́ю̀те, рыка́ю̀те.

Въ загалѣ можна повѣсти, що глаголы — выняв̀ши гдеякѝ зъ пятои клясы, котрѝ д всюды задержую̀ть, н. пр. повѣда́ю — акцентъ мали на силябѣ коренно́й. Тѣлько за вплывомъ согласныхъ мо́гъ акцентъ змѣнити ся, н. пр. па́сете або пасе́т, мѣ́рите або мѣ́ри́т и т. д.

Двоякій акцентъ словъ.

Гдеякѝ слова маю̀ть двоякій акцентъ для означеня двохъ розличныхъ понятій, або для розро́жненя двохъ чиселъ. Змѣна акценту споводована ту не причинами языковыми, але бо́льше розумовыми, логичными.

Въ жию̀чо́й нашо́й бесѣдѣ задержали ся дуже численнѝ слѣды такого двоякого акцентованя, осо́бливо въ о́дмѣнѣ двосложныхъ именнико́въ. Перейду порѣвнавчо бодай важнѣ́йшѝ выпадки.

Именники першои о́дмѣны.

Нынѣ ро́вновзучныхъ падежѣвъ (въ числѣ единично́мъ и много́мъ) нема; лише ко́лька задержалось слѣ-

Digitized by Google

дôвъ старинноı ôдмѣны въ другôмъ падежи числа многого, котрый бувъ рôвный першому числа единичного. До нынѣ розличаємо акцентомъ: *число един.* лóкоть, чóбôтъ — а *число мн.* кôлька локóть, пара чобíт. Сюды можна бы такожь ôднести: *число един.* дéсять, а *число мн.* пят-деся́ть, сѣм-деся́ть.

Въ старорускôмъ поематѣ въ тои старинноı ôдмѣны находимо въ числѣ многôмъ лишь два слова: кой и славий. При першôмъ въ тыхъ слôвъ, яко односложнôмъ, о змѣнѣ акценту не може бути бесѣды; при другôмъ така змѣна дѣйстно заходитъ: *число един.* сла́вий, *число мн.* славíй.

Именники другоı ôдмѣны.

Однако звучатъ 2. падежь числа един. и 1. падежь числа многого; рôжниця выражає ся двоякимъ акцентованємъ.

1) *Число единичне* (другій падежь): пóля, мóря, сѣна, мѣста, слóва; *число многе* (першій падежь): поля́, моря́, сѣна́, мѣста́, слова́.

2) *Число единичне* (другій падежь): ôкна́, села́, пера́, ребра́, весла́; *число многе* (першій падежь): вíкна, сéла, пéра, рéбра, вéсла.

Правило такого акцентованя двосложныхъ слôвъ есть въ язычѣ нашôмъ досыть загальне и перестерѣгаєсь всюды такожь въ старорускôмъ поематѣ. Виправдѣ засôбъ дотычныхъ формъ есть ту дуже скупонькій, але per analogiam можна въ иншихъ падежѣвъ акцентъ властивый вынайти. И такъ: *число един.* (другій падежь) пóля, лéта, стáда — *число мн.* поля́, лéта́, стада́; *число един.* крила́, крильца́ — *число мн.* крíла, крíльца.

Digitized by Google

Именники третёи бдмъны.

Однако звучатъ 2 падежь числа єдин. и 1 падежь числа многого; рѳжниця выражае ся двоякимъ акцентованемъ.

1) *Число єдиничне* (другій падежь): лáвки, хáты, шабл҃ѣ, цéрквы; *число многе* (першій падежь): лавкú, хаты́, шабл҃ѣ, церквы́.

2) *Число єдиничне* (другій падежь): горы́, сестры́, воды́, ногú, стороны́, земл҃ѣ; *число многе* (першій падежь): гóры, сéстры, вóды, нóги, стóроны, зéмл҃ѣ.

Правило такого акцентованя перестерѣгае ся и въ старорускѳмъ поемат҃ѣ: *число єдин.* (другій падежь) д҃ѣкы, врáны, зáрн, р҃ѣкы, рáны — *число многе* (першій падежь) д҃ѣкы́, врáны́, зарú, р҃ѣкы́, рáны́; *число єдин.* вóды́, грóзы́, мéглы́, дéскы́, гóры́ — *число многе* вóды, грóзы, мéглы, дéскы, гóры. Очевидно, суть въ старорускѳмъ языц҃ѣ и вынятя ѳдъ того правила, але они споводованú иншими важными причинами. Годѣ н. пр. щобы говорилось въ старорущинѣ цєркви́, бо самогласна ѳ нѣколи не тратила акценту; не могло говоритись д҃ѣкки́, бо силяба д҃ѣкк кѳнчилась на согласну, котра трудностею вымовы притягала акцентъ до себе; годѣ було акцентовати птиці́й, коли и намъ навыкшимъ вже вымовляти и найтяжшú комбинаціи звукѳвъ, въ вымовою першои силябы (пти) такъ иде неспѳрно, що не стае часу захопити акцентомъ конець слова.

Именники четвертои бдмъны.

Однако звучатъ 2, 3 и 7 пад. числа единичного и 1, 4 и 5 числа многого. Наша бесѣда тымъ множествомъ тотожныхъ формъ видимо такъ обаламутилась, що вже и въ акцентѣ не робитъ ту нѣякихъ рѳжниць. Правильнú

Digitized by Google

акценты, якъ н. пр. въ ночи́, належатъ въ нынѣшнѣй вдмѣнѣ до правдивыхъ рѣдкостей.

Старорускій языкъ розрѣжнявъ акцентомъ число единичне вдъ числа многого.

1) *Число единичне*: поути́, рати́, пѣсни́, хоти́, по Роси́ (рѣка Рось); *число многе*: пу́тн, ра́ти, пѣсни.

2) *Число единичне* (въ стягненыхъ старослав. формахъ): власти, пре́ди, сре́ди, кро́ви — *число многе*: власти́.

(Засвѣдъ словъ сеи вдмѣны въ поематѣ нашомъ дуже скупый, проте загального правила поставити ту не можна.)

Приложники и прислѣвники.

Прислѣвники творятъ ся звычайно зъ приложниковъ, а властиво, що до формы своеи, були они *приложниками середнего рода*: красно, скоро, мало, широко и т. д. Ту заходитъ той выпадокъ, що есть одно слово, а служитъ для означеня двохъ частей мовы; пѣсля провѣднои засады рускаго языка повиненъ бы приложникъ акцентомъ своимъ рѣжнити ся вдъ прислѣвника.

Въ нынѣшнѣй бесѣдѣ така рѣжниця гдекуды заховуе ся: малы́й, ма́ло; слабы́й, сла́бо; стары́й, ста́ро; благі́й, бла́го; худы́й, ху́до. Кажутъ такожь: широ́кій, ши́роко; высо́кій, вы́соко; горя́чій, го́рячо; зеле́ный, зе́лено; весе́лый, ве́село; кра́сный, красно́; коро́ткій, ко́ротко и т. д. Заховати точнѣйше тую рѣжницю акцентову, бесѣда наша не могла, бо формы приложниковы на о нынѣ не ужываютъ ся, отже и вдпавъ одинъ важный регуляторъ акценту въ нынѣшнѣй бесѣдѣ рускѣй.

Горѣшну увагу роблю бо́льше догадомъ, бо прислѣвниковъ и вдповѣдныхъ имъ приложниковъ есть

Digitized by Google

въ Словѣ всего-навсего три: тѣмный, темно; малый (?), мало; много (plur.), много. Послѣдне слово тутъ не йде въ рахубу, бо тяжша вымова першои силябы (мио) не дозволила змѣнити акценту, а знов малый приходить въ двохъ мѣстцяхъ, въ котрыхъ одно припускае акценть малый.

Зъ иншихъ прислѣвниковъ на о подыбуютъ ся въ Словѣ: высоко, насильно, тяжко, часто (?), рѣтко, лѣпо, мѣтно. Акценты приложниковъ, якъ думаю, були таки: высокый, насильный, тяжкый, частый, рѣткый, лѣпый, моутный.

Важный есть ещѣ акцентъ прислѣвника конець (приходитъ два разы). Ту найлучше видно намаганѣ бесѣды до розрожнюваня посредствомъ акценту тотожныхъ формъ, бо именникъ конець мавъ акцентъ на послѣднѣй силябѣ.

Гдеякѝ слова мають *два зовсѣмъ одмѣнныѝ* значеня, котрѝ такожь двоякимъ акцентомъ выражаемо: замокъ и замокъ, мука и мука, дорога (Weg) и дорога (theuer), жаденъ и жаденъ, плачу (одъ плакати) и плачу (одъ платити), помочи (одъ помочь) и помочи (infin.), и многѝ иншѝ.

Въ Словѣ мало находитъ ся выразовъ зъ двоякимъ значенемъ, однакъ где они суть, тамъ заразъ и заходитъ рожниця въ акцентѣ: горазды (богатый) и горазды (швидкій, скорый), ОкиДа и Окида, (сѣнний и) синій, дѣвицѧ (о половецкихъ дѣвчатахъ) и Дѣвицѧ (о славянскихъ богиняхъ, Русалкахъ), котора (нѣм. Hader, сварка) и котора (welche). Думаю, що сюды зачислити можна выраженя година (часъ) и година (война): на ничє сѧ годины обратиша. Въ послѣднѣмъ значеню походилобъ година одъ hŏd, слова улюбленого сканди-

Digitized by Google

навскими поетами на означене войны. Нема сомнѣня, що и горáздый въ значеню „швидкій“ не есть словомъ руско-славяньскимъ, але принесене на Русь Варягами и вдноситъ ся до скандинавского hratt = скоро. (Пôсля правилъ славяньского звукослов'я hratt перемѣнитись мусѣло на гордстъ, а при мягшôй вымовѣ на горздъ, въ чого и вытворилась повноголосна форма горáздъ).

Вплывъ приименникôвъ на акцентъ.

Вже на иншôмъ мѣстци замѣтивъ я, що именники мужеского рода и тй женьского рода, що кôнчатъ ся на ъ, маютъ акцентъ на приименнику: нá-рôдъ, зá-рôдъ, пó-рôдъ; рóс-хôдъ, вы-хôдъ, пó-хôдъ, нá хôдъ, дó-хôдъ; пó-мôстъ, пó-вѣсть, зá-висть, óб-лакъ, óб-ласть, пó-шесть, зá-мѣть, пó-дорожь и т. д.

Такъ у насъ звгально въ Галичинѣ говоритъ, и се есть единó правильный акцентъ, дохованый вдъ прарускихъ часôвъ и безсомнѣнно сконстатованый ритмикою Слова. Замѣтка, будьто сей акцентъ вытворивъ ся доперва пôзнѣйше пôдъ вплывомъ польщины, а акцентъ россíйскій нарóдъ, дохóдъ, расхóдъ есть нѣбы-то правильнѣйшій, не мав раціональнои пôдставы. Граматикъ повиненъ судити о правильности формъ и акцентôвъ не въ одного падежа, але въ цѣлости, значитъ въ всѣхъ падежѣвъ числа единичного и въ всѣхъ падежѣвъ числа многого. А таке порôвнане власне выказуе, що вынявши 1. падежь всѣ прочй (отже 13 падежѣвъ) выговорюютъ ся въ Галичинѣ акцентомъ иншимъ вдъ пóльского, а въ россíйскôмъ тй 13 падежѣвъ власне маютъ акцентъ польскій. До тогожь треба памятати, що якъ пень слова, такъ и головный акцентъ слова повиненъ пôзнавати ся не въ першого, але въ другого падежа. Пôсля старорускои вымовы можна було гово-

Digitized by Google

рити: наро́д, расхо́д, дохо́д (бо тутъ ко́нцевй сильбы ко́нчили ся на согласну), але въ иншихъ падежахъ вплыву согласныхъ вже не було, отже и вертавъ правильный акцентъ прарускій назадъ: на́рода, до́хода, по́хода и т. д.

Суть и въ Галичинѣ зложенй именники, що акцентъ маютъ хибный: потік-пото́ку (въ горахъ акцентуютъ еще правильно: по́то́къ-по́току); пове́рхъ-пове́рху (але чути також пове́рхъ). Зъ другои стороны суть и въ россійскомъ языцѣ правильнй акценты на приименнику: о́бразы, о́блако, о́бласть, по́вѣсть (хотяй знов говорять хибно: повѣ́стка), ро́зыскъ, на́ступъ, на́тискъ, на́смѣхъ (але зовсѣмъ хибно: насмѣ́шка), по́варъ, по́водъ и иншй.

Старорускій (и нынѣшній галицко-рускій) языкъ, акцентуючи приименники наведеныхъ зложеныхъ словъ, поводовавъ ся ту засадами розумовыми, бо приименники служатъ въ зложеныхъ словахъ до модифіковання понятій, отже и повиненъ на нихъ спочити натискъ голосу.

Зложеныхъ именнико́въ середного рода и женьского (на а) въ Словѣ лишь дуже мало: побѣ́да, усо́бица, припѣ́вка; посо́біе, наспѣ́ліе, зара́ніе, замышле́ніе, Помо́ріе, Посу́ліе, узоро́чіе, забра́ло. Въ тыхъ зложенях нема сто́лько розмаитости, ко́лько при именникахъ 1. и 4. о́дмѣны (где н. пр. слова *рóдъ*, *хóдъ* могутъ зъ пятьма и навѣть бо́льше применниками лучитись), отже и бесѣда не бачила ту потребы змѣняти акцентъ. Еслижь для змодифіковання понятій есть бо́льше именнико́въ зложеныхъ, тогды и въ женьско́мъ родѣ прииенникъ часто акцентуе ся: до́гадка, за́гадка, при́гадка, вы́гадка, ро́згадка; за́ставка, при́ставка, до́ставка, вы́ставка; на́мѣтка, при́мѣтка, за́мѣтка, пере́мѣтка и т. д.

Digitized by Google

Найбо́льшій вплывъ на акцентъ маютъ приименники па (мѣсто по) и вы. Мы всѣ акцентуемо: па́свѣтокъ, па́толочь, па́гброкъ, па́косы, па́гбницѣ, па́морока, па́робокъ, па́рбстки, па́чосы, па́бородокъ, па́тока, па́рбгъ, па́серби́ця, па́лютый, па́сынокъ, па́рѣсный, па́рбйки, па́жера, па́гнбсть, па́жерливый, па́пороть, па́пороти́ця — и такійже акцентъ подыбуемо въ Словѣ: па́волока, па́порзи.

Приименникъ вы (м. изъ) приходитъ въ Словѣ лишь при трехъ глаголахъ: вы́торже, вы́лыти, вы́скочисте. Въ нынѣшнбй рускбй бесѣдѣ замѣчаемо таке правило: глаголы доконанй маютъ завсѣгды акцентъ на вы: вы́нести, вы́робити, вы́полокати, вы́образовати; недоконанй акценту на вы не маютъ: выноси́ти (повинно бути вынбсити), выробля́вати, выполо́кувати. Пбсля сего правила идутъ и именники глагольнй: вы́несене и вынбшене, вы́робленє и вырóбля́ванє, вы́полоканє и выполо́куванє и т. д.

Приименникъ пере въ вложеныхъ именахъ дбстае звычайно акцентъ на другбй силябѣ: пере́купка, пере́хвалка, пере́гра, пересѣчно, пере́сылка, пере́вязка, пере́мѣтка, пере́улокъ, пере́рва, пересторона, пере́городка и иншй. Аналогично говоритись повинно: Пере́мышля, Пере́ворска.

Такожь и приименникъ соу (мѣсто со) дбстае въ вложеныхъ словахъ акцентъ: су́мѣшка, су́дороги, су́голосна, су́течь, су́ржиця (мѣшанина пшеницѣ и жита), су́перечка, су́противъ, су́противный, су́горбы, су́мирный, су́головки и т. д.

Слова зъ двоякимъ акцентомъ.

Въ цѣлости поодинокй слова старорускаго поемату маютъ акцентъ сталый, всюды однаковый, — кблька вы-

Digitized by Google

падкôвъ, где задля ассонанціи акцентъ змѣняе ся, не може ити въ рахубу. Однакъ же суть и такѝ слова, що безъ важной причины наголошуютъ ся двояко: вéликій и велúкій, пôганый и погáный зéмля и земля́, кня́зя и князя́, сáми и самú, крáсный и красны́й, рéче и речé, И́горь и Игóрь, и кôлька иншихъ.

Не перечу, що гдеякѝ мѣстця поемату мôгъ я зле ôдчитати и проте лишь въ моеи вины выпали гдеякѝ акценты хибно, однакъ въ цѣлости не пôдлежитъ сомнѣню, що авторъ Слова дѣйстно акцентовавъ гдекуды на два способы, и то, якъ думаю: акцентомъ книжнымъ (прарускимъ, старославяньскимъ) и акцентомъ нарѣчевымъ (взглядно галицко-рускимъ). На кôлькохъ примѣрахъ поясню методу, якои я державъ ся при констатованю правильного акценту въ такихъ словахъ.

Вéликый, чи велúкый?

Тутъ перша силяба яко коренна повинна мати акцентъ, отже вéликый.

Въ Словѣ приходитъ 13 развъ вéликый, а лишь въ 4 выпадкахъ выйшло менѣ велúкый.

Въ многихъ сторонахъ Галичины, и на долахъ и въ горахъ, говорятъ и доси вéликій або — що на одно выходитъ — въ перенесенымъ акцентомъ: велúкій.

Польске wielki (а не wieliki) и въ своеи стороны доказуе, що самогласна и (i) въ серединѣ слова не мала акценту, божь инакше не могла бы выпасти.

Въ словѣ великый не бачу нѣякихъ причинъ, нѣ въ самогласныхъ нѣ въ согласныхъ, для котрыхъ бы акцентъ не мавъ стояти на силябѣ коренной.

Зéмля, чи земля́?

Ритмика Слова выказуе въ двохъ мѣстцяхъ ак-

Digitized by Google

центъ зе́млѧ, а въ двохъ земли́; по́сля тексту Муссинъ-Пушкинового выходитъ три разы зе́млѧ: 1) зе́млѧ тѣ́тнѣте; 2) тѣ́мн трѣ́сноу зе́млѧ; 3) кли́кноу, стѣ́кноу зе́млѧ. У всѣхъ тыхъ мѣстцяхъ приписуютъ ся земли чинности незвычайни, надприродни, и нема сомнѣня, що тутъ слово зе́млѧ брати належитъ въ значеню митологичнѣмъ.

Зъ ритмики церковныхъ молитовъ выходитъ менѣ всюды акцентъ зе́млѧ.

Въ гдекотрыхъ сторонахъ Галичины, и въ горахъ и на долахъ, акцентуютъ еще до нынѣ правильно з е́ м л я.

Силяба ля (въ мягкимъ ль) уважалась слабою и засадничо акценту не принимала.

Ре́чѐ, чи речѐ?

Въ моѣмъ выданю приходитъ 8 развъ ре́чѐ, по одному разу ре́кости, ре́костѐ, е́ркоша, е́рци, 4 разы а́ркоучи, а лишь 5 развъ речѐ.

Правильнымъ уважаю акцентъ ре́чѐ, тымъ бо́льше, що давни Русины писали въ сѣмъ словѣ самогласну ѳ, котра засадничо м у с ѣ л а акцентовати ся.

Якъ о́дъ мочи́ (могти) кажемо нынѣ въ часѣ теперѣшнѣмъ мо́же, такъ о́дъ речи мусѣло бути ре́чѐ. Впрочѣмъ звукъ ъ вплывавъ давнѣйше на ослабленѣ силябы, проте на нѣй акцентъ стояти не повиненъ.

Кни́зи, чи книзи́?

Я зачисляю слово книзь до стягненыхъ формъ, подо́бно якъ гра́дъ (мѣсто г о р о д ъ), братъ (порѣвн. мадярске baratom), вноукъ, плкъ (мѣсто п о л о к ъ), проте въ другѣмъ падежи не приймаю змѣны акценту: кни́зи, гра́да, бра́та, кнѣ́ка, по́лка.

Що слово книзь не було одноложне, доказомъ давня правопись сего слова: кънизь (корень той самъ, що въ нѣмецкѣмъ König).

Digitized by Google

Акцентъ книзи́ уважаю *спеціяльностею* галицкого нарѣчія, подо́бно якъ сами́ мѣсто са́ми, свое́го м. сво́его, красны́й (гдекуды въ горахъ) м. кра́сный*).

*) Въ загалѣ зъ цѣлого укладу поемату видно, що авторъ мавъ часто трудности зъ доборомъ акценту, тому окро́мъ рускихъ уживае такожъ формъ и оло́въ старославяньскихъ, н. пр. полкъ и полокъ, солнце и солонце, драгый и дорогый, брегъ и берегъ, аще́ и а́же, акы́ и я́ко и т. д.

Digitized by Google

Доповненя до митологіи Готôвъ.

Въ „Темныхъ мѣстцяхъ“ поданй були поясненя до митологіи скандинавскои (головно Готôвъ) и до митологіи старорускои, о окôлько обѣ представленй въ Словѣ. Теперь, при дослѣджуваню акценту, наткнувсь я на кôлька новыхъ мѣстць, котрй такожь тôлько при помочи митологіи дають ся розъяснити. Належатъ сюды згадки про Оь...ду, про Дѣвицю Бѣлку, про Карну и Жлю.

Обида.

Интерптреты слушно замѣчають, що слово „о б и д а“ въ поематѣ нашôмъ разъ означае *„дѣлане кривды“*, а въ иншихъ мѣстцяхъ *„терпѣне кривды“*. Ритмика довела зновъ до цѣкавого ôдкрытя, що въ активнôмъ значеню (*„дѣлане кривды“*) акцентуесь о́бида, а въ пассивнôмъ значеню оби́да.

Ктожь то есть тымъ „дѣятелемъ“ кривды?

Въ VIII-ôмъ уступѣ поемату роскавано, що *„обида вступивши Дѣвою на землю Трояню, восплескала лебедиными крилы на синѣмъ мори; у Дону плещучи убудила жирня времена“*. Ту очевидно бесѣда о митологичнôй постати, котра въ подобѣ Дѣвы (Валькирiи) спустилась на землю и тѣшилась зъ нещастя Русинôвъ.

Въ IV-ôмъ уступѣ поемату згадуесь такожь про оби́ду. Коли Русины въ першôй борбѣ побѣдили Половцѣвъ, то Ольгове гнѣздо (Игорь и Всеволодъ) розтаборилось без-

Digitized by Google

печно середъ степу; оно, якъ каже поетъ: „не было обидѣ порождено: ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый Половчине!“ Ту до обиды зачислений соколъ, кречетъ и воронъ — птицѣ грабежливѣ, котрѣ особливо для войска вѣщуютъ лихо, бо въ часѣ вѣйны летятъ на „ѣдне“ и „трупиа дѣлятъ себѣ“. Обида представлена въ томъ уступѣ въ подобѣ птиць.

Въ III-омъ уступѣ росказано, що коли Игорь къ Донови зближавъ ся, Дивъ накликувавъ Половцѣвъ до бою, а рѣвночасно „волци грозою вскрожатъ по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовоутъ, лисици брешоутъ на червленыя щиты;“ въ добавокъ сказано тамъ про Игоря: „оужѣ бо бѣды его (Игоря) пасетъ птиць подобию“. Послѣдне речене въ наведенѣй стилизаціи не маѣ нѣ найменшого змыслу, бо не знати, кто „пасетъ“, и на-що „бѣды“ пасетъ, и кто то есть птиць подобію? Я мѣсто „бо бѣды“ читаю „обида“, и мысль выходитъ така: „Обида въ подобѣ птиць глядитъ (слѣдитъ) за Игоремъ, коли онъ запускаѣсь въ степъ Половцѣвъ“.

Въ томже самомъ уступѣ говоритъ ся: „свистъ звѣринъ въ стазби Дивъ кличетъ верхъ древа“. Я поправляю тое недорѣчне речене такъ: свистъ звѣринъ въста, Оби-Дивъ кличетъ верхъ древа“. Дивъ есть богъ вѣйны, ему до помочи являлись на боевищи Обида-Дѣва и „Обида-птицѣ“; безъ тыхъ чинниковъ успѣхъ вѣйны, по вѣрованю Скандинавцѣвъ, бувъ просто неможливый. Ту зовсѣмъ логичный высновуе ся внесокъ, що Оби-Дивъ значитъ Обида-Дивъ (силяба да передъ слѣдуючимъ д для евфоніи выпала, якъ то и въ иншихъ мѣстцяхъ задля ритму досыть часто лучаѣсь въ поематѣ). Изъ всего видимо, що Обида (въ значеню активномъ) есть нѣяко олицетворенемъ митологичного свѣта Скандинавцѣвъ, що въ томъ понятію выражений всѣ тѣ силы, що по вѣрованю поганъ по-

Digitized by Google

трѣбнѣ були до щасливого успѣху вóйны. Пóсля скандинавскои митологіи Дивъ и Кощесъ являли ся на боєвищи завсѣгды въ окруженю Валькирій и грабежливыхъ птиць.

Для доброго успѣху вóйны потрѣбнѣ еще були жребія боєвѣ; ними управляли святѣ Дѣвицѣ Норны. Въ Словѣ такѣ жребія названѣ по скандинавски стрикоцсы, а въ однóмъ мѣсци просто „обидни жребіи“ (въ выданю Мусоинъ-Пушкина перекручено на побѣдни жребія).

Въ X-óмъ уступѣ поемату приходитъ речене: „Донъ ти, княже, клинчетъ и зоветъ князи на побѣдоу“. Ту ритмика выказуе акцентъ побѣдоу, що знов опротивляесь двомъ иншимъ мѣстцямъ, где читати треба побѣда. До тогожь взяти мусимо на увагу те, що говорилось въ иншóмъ паралельнóмъ мѣстци поемату; тамъ Обида-Дивъ кликавъ верху древа и звавъ Половцѣвъ напротивъ Руси, — ясна рѣчь, що теперь, коли Русины въ небезпеченьствѣ, Донъ зве рускихъ князѣвъ противъ „Обиды“, а не на якусь побѣду*).

Думаю, що тымъ моимъ выводомъ якъ найлучше поясняе ся кóлька темныхъ мѣстць въ Словѣ. Розрóжняти мусимо: Обида (въ загалѣ), а óдтакъ въ частности: Обида-Дивъ, Обида-Дѣва, Обида-Дѣвица, Обида-птицѣ и обидни жребія.

Дѣвицы Бѣла.

Въ XI уступѣ Слова приходитъ таке речене: „На сѣдьмомъ вѣцѣ Трояни верже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любоу“. Интерпреты, не могучи кóнця дóйти въ тымъ загадковымъ реченемъ, кажутъ, що *„дѣвицею себѣ любою“* буде мѣсто Кіевъ, бо и справдѣ Всеславъ якійсь

*) Языково „звати на побѣду“ малобы значене зовсѣмъ инше, скорше враждебне (порóвнай: „орли клектомъ на кости звѣри зовутъ“).

Digitized by Google

часъ княживъ въ Кіевѣ. Въ „*Темныхъ мѣстцяхъ*“ поясняв я на подставѣ самогожъ поемату, що ту бесѣда о *стрикусахъ* (божескихъ жребіяхъ), котрыми управляли святѣ Дѣвицѣ Норны, що проте въ текстѣ читати треба: „жребій отъ дѣвицѣ себѣ любы“. Заразомъ выразивъ я догадку, що тою дѣвицею „любою“ буде наймолодша Норна, хороша богиня Скульдъ.

Ритмикою Слова доходимо до гдещо иншихъ результатовъ. Выражене „*себь любы*“ не дае ся уняти въ ритмичну форму; ту конечно заходитъ похибка переписовача, котрый не розумѣючи скандинавскои митологіи, черезъ штучне получене неналежачихъ до себе словъ потворивъ собѣ новѣ, бѣльше зрозумѣлѣ выразы. А що ту дѣйстно зайшла поправка, вказуе вже и сама фраза, котра есть надто модерною и до давного способу выраженя не надае ся.

Слова себѣ любы, зъ огляду на ритмъ и на звязь зъ дальшимъ текстомъ, дѣлю въ той способъ, що першу силябу се и послѣдну бы (властиво бо) переношу до слѣдуючого речення, а середнѣ силябы бѣ+лю лучу въ одно поняте. Такимъ чиномъ выйде текстъ такій: „Всеславъ кержe жребій отъ Дѣвицѣ Бѣлы. Се той бо клюками подперъ см, окономю скочи къ градоу Кыекоу... скочи къ полночи изъ Бѣлаграда, обѣси см синѣ мьглѣ, оуторже къ извено стрикоусы“. Поетъ ставитъ напередъ головну мысль (кержe жребій отъ Дѣвицѣ), а потомъ, якъ то онъ для лучшого зрозумѣня всюды робитъ, поясняе головну мысль ближше (тутъ при помочи словъ се бо).

Ктожь була тая Бѣла (Бѣля)?

Въ Едді, въ поезіи Gylfaginning, сказано такъ: „Найвысшій богъ поставивъ на небѣ два возы и два коня: одно для ночи, друге для дня. Ночь ѣде напередъ, а ей конь пѣною своею кидае росу на землю. Сонѣчнымъ возомъ кермуе Sól, а мѣсяцемъ Mani. Сей послѣдный взявъ зъ землѣ двое дѣв-

Digitized by Google

чатъ, Bil и Hiuki, котрѣ и доси ходятъ въ слѣдъ за мѣсяцемъ. Придивѣмъ ся лишь уважно мѣсяцеви, а побачимо бѣля него и одну дѣвчину и другу: Бѣлю тогды, якъ мѣсяць меншае, Hiuki тогды якъ мѣсяць росте". (Die Edda von Karl Simrock, achte Auflage, Stuttgart, 1882).

Пôсля иншихъ повѣрокъ скандинавскихъ Бѣля сидитъ на кружку мѣсяця и представляєсь оку нашому въ видѣ тыхъ плямъ, що бачимо на мѣсяци. Она зачислялась до родины богôвъ.

Порôвнаймож теперь текстъ Слова зъ тою повѣркою. Всеславъ о п ô в н о ч и взнѣсъ ся своєю чародѣйною силою до неба, повисъ въ с и н и х ъ облакахъ и ошибъ (здруливъ) въ свôй чепець жребій ôдъ Дѣвицѣ, такъ званѣ стрикусы. Тою нôчною Дѣвицею не може бути кто иншій, лишь богиня Бѣлы.

Не знаю, чи стоитъ то въ якôй звязи зъ повѣркою скандинавскою, що рускѣ селянки въ многихъ сторонахъ въ часѣ остатнои квадры за нѣщо въ свѣтѣ не будутъ нѣ садити нѣ сѣяти, навѣть огôркôвъ солити не ôдважатъ ся (*Номисъ*, Приказки 13.418). Звязь о стôлько ту можлива, що божества скавдинавскѣ, якъ ихъ вже представляє старорускій поетъ, були для Русинôвъ силою злою, а послѣдна квадра єсть власне часомъ панованя Бѣлѣ.

На Руси, еще и въ часахъ по-Игоревыхъ, доховалась була (межи боярами) традиція про Бѣлу. Въ Словѣ Даніила Заточника, памятнику зъ 13-ого столѣтя, приходитъ такій уступъ:

Колѝ пожрѐт синѝца óрла,
Коли камѐние восплóве(т) по водѣ,
Колѝ свинѝа почнѐт на бѣлкоу лáяти,
Тогдá безýмный ýмоу наоучѝт ся.

Интерпреты кажутъ, що б ѣ л к а значитъ ту „выверка". Але зъ ôдки тогды взявбы ся такій непоетичный, глупый

Digitized by Google

концептъ у поета, представляти „свиню“, якъ она лае (т. е. *брсше*) на вывѣрку? Въ наведенѣмъ мѣстци взятый образъ изъ звычайного житя. Псы, якъ знаемо, „*брешутъ на мѣсяць*“, — а поетъ навязуючи до того каже: „*коли свиня почне на мѣсяць брехати, тогды доперва безумный стане ся умнымъ*“. Порѣвнане въ такій способѣ высказане, хочбы и выдалось кому неестетичнымъ, але мае зовсѣмъ розумну мысль и освободжае наоъ ѣдъ тои загадочнои вывѣрки, котра, нѣ сѣло нѣ пало, стаесь такъ антипатичною — для „свинѣ“.

Бѣлка у Даніила Заточника значитъ по-простому „мѣсяць“ и отягае ся до тои скандинавскои Дѣвицѣ Бѣлѣ, що ходитъ за мѣсяцемъ, або на мѣсяци сидитъ.

Карна и Жля.

Въ VIII-ѣмъ уступѣ Слова находимо (въ выданю Муссинъ-Пушкина) таке речене: За нимъ (Игоремъ) клинкноу Карна и Жля, поскочи по рѣской земли, смагоу мычючи къ пламянѣ розѣ. Интерпреты, опираючись на лѣтописи, поправляютъ слова Карна и Жля на Кончакъ и Гза, бо дѣйстно оба тѣ ханы половецкѣ розбивши войско Игоря, погнали въ руску землю и тутъ мечемъ и огнемъ мстились за Игоревый нападъ. Въ свой текстъ принявъ я такожь имена половецкихъ ханѣвъ, бо обѣ назвы надавались менѣ добре до ритму. Але хочь мысль выходитъ добра и ритмъ добрый, всежь выдане Муссинъ-Пушкина есть тутъ первороднои ваги и зъ нимъ мусимо конечно числитись. Въ текстѣ сего выданя, якъ выказуе ритмика, нема зовсѣмъ тыхъ великаньскихъ блудѣвъ и похибокъ, про котрѣ стѣлько наговорились ученѣ; тѣлько тѣ уступы, въ котрыхъ згадуе ся про скандинавску митологію, выйшли попсованѣ, — ту очевидно переписовачь не розумѣвъ предмету, проте або самъ зле ѣдчитувавъ, або нарокомъ власнѣ робивъ поправки.

Digitized by Google

Я и горѣшне речене зачисляю до тыхъ, що односятъ ся до скандинавскои митологіи.

Мѣсто Жлы читаю Лжы, про котру въ тѣмже самѣмъ уступѣ поемату (кѣлька стихѣвъ нижше) такъ говоритъ ся: Та бо два храбрыи Святославича, Игорь и Всеволодъ, оужи лжоу оубоуди(ста), которою то бѣше оуспилъ отець ихъ Святославъ Кыевскый. Авторъ Слова высказавъ напередъ головну свою мысль, а потѣмъ самъ єѣ коментуе. Розумѣти треба такъ: Святославъ бувъ грозою на Половцѣвъ и на якійсь часъ притишивъ (успивъ) ихъ лжоу, а сыновцѣ Святослава, Игорь и Всеволодъ, воювали нещасливо, обудили лжоу наново, и ось Лжы поскочи по роуской земли, смагоу мычючи къ пламынѣ розѣ. Ту такъ логичный хѣдъ мыслей, що о точности выводу сомнѣватись не можна.

Питанє тѣлько, кто бувъ той Лжы и зъ ѣдки взявъ ся у него пламяный рѣгъ?

Пѣсля скандинавскои митологіи навъ Умиръ (такожъ Имиръ) окрѣмъ доньокъ Валькирій, еще и сынѣвъ-великанѣвъ: Kari, Hler и Logi — котрій були представителями *воздуха*, *моря* и *дикого огню*. Слово Logi (по нѣмецки Lohe Flamme, Wildfeuer) пѣсля правилъ рускаго звукословія вымовлялось Ложь (г мягчитъ ся на ж) або Лжа. Знаменемъ Лжи есть пламяный рѣгъ, зъ котрого сыплесь огонь, а въ Словѣ о полку Игоревѣмъ власне говоритъ ся о Лжи и о пламынѣ розѣ. Поетъ мѣсто ханѣвъ половецкихъ наводитъ нарокомъ митологичнѣ особы, щобы тымъ сильнѣйше великій погромъ Руси представити. Сыны Умира були велетнями, в о р о г а м и л ю д е й, передъ ихъ силою и злобою малѣе и найлютѣйша месть ханѣвъ половецкихъ.

Пѣсля сего выводу поправити треба Мусинъ-Пушкиновый текстъ такъ: за нимъ кликноу Карь на Лжю, и поскочи... Тое поскочи, якъ видно зъ слѣдуючого мы-

Digitized by Google

чючи, стоитъ властиво мѣсто числа двойного поскочиста *); инакше выходилобы, що Карь у Лжи „пожичавъ“ собѣ только пламяного рога.

Мысль цѣлого речения така: „Позадъ Игоря кликнувъ Карь на Лжу, и оба они — Вихоръ**) и Поломѣнь — понеслись на руску землю, метаючи пожогу зъ огненного рога“.

---

*) Въ Словѣ суть еще и иныя мѣстця, где мѣсто числа двойного поставлене число единичне:

а) въ VIII-омъ уступѣ: Игорь и Всеволодъ лжоу оукоудиста (повинно бути оукоудиста);

б) въ IX-омъ уступѣ: оба столпа погасоста, и съ нимъ.... (повинно бути съ нима);

в) въ IX-омъ уступѣ: къ морѣ погроузиста и великое боуйство подаста (повинно бути подаста).

Здае ся, що въ старорущинѣ число двойне значенемъ своимъ ближше стояло до числа единичного, якъ до числа многого.

**) Слово Карь толкую черезъ „*Вихоръ*“, и то за приводомъ самого поета, котрый колька стиховъ нижше порѣвнуе Великого князя кіевского и зъ тымъ скандинавскимъ Logi („иссоуши потоки и болота“) и зъ скандинавскимъ *Kari* („Кобмка ико вихръ выторжѣ“).

Digitized by Google

ПОПРАВКИ.

Вже по розосланю (посредствомъ „Зорѣ“) першихъ аркушевъ сеи книжки, одержавъ я въ кольскохъ сторонъ уваги що до акценту гдеякихъ словъ. Се було причиною, що я поновно розглянувъ ся въ текстѣ Муссинъ-Пушкиновомъ и такимъ чиномъ власну працю еще разъ провѣривъ. Результатомъ сего труду являютъ ся отсѣ „Поправки“. Они дотыкаютъ лишь поодинокихъ мѣстць, а радше поодинокихъ словъ, и суть — въ натискомъ тое подношу — не якоюсь негацією поданыхъ мною головныхъ правилъ акцентовыхъ, а противно якъ найкрасшимъ потвержденемъ тыхже; въ другои-жь стороны поправки теперѣшнѣ реституютъ нарушеный гдекуды текстъ Муссинъ-Пушкиновый, суть проте новымъ доказомъ неоцѣненои вартости того тексту. Поправки односятъ ся до слѣдующихъ выпадковъ:

1) Акцентовати треба на коренной силябѣ глаголы: спáлати, запáлати, стрáдати, кóвати, застóпити, остóпити, востóпити, встóпити; противножь (въ стягненой формѣ) скрáтити.

2) Приймаю для старорускаго языка акценть: дéвица, жáлоба, крамóла, человéко, сокóльца; смы́сленый, красны́й, ратны́й; сáми; чáсто.

3) Роблю рóжницю межи Муссинъ-Пушкиновымъ себе и собе. Першу форму акцентую сéбе, другу собе.

Для лучшого перегляду наводжу всѣ поправки пóсля уступóвъ поемату, нотуючи заразомъ стихъ, до котрого поправка односитъ ся.

Digitized by Google

стихъ

Уступъ I.

20 краснóмоу Рóманови Свитослáвличю.
24 онú же сáми книземо славý рокóтахоу.
29 напóлонивъ си ратнáго дýха.

Уступъ II.

9 гáлици стадú — бѣжате ко Дóноу вéликомоу.
21 а мóи ти готóви.
23 а мóи ти Кýрáны.
34 ищýчи сéбѣ чти, — а князю славú.

Уступъ III.

10 спáла книзю úмо (в) пóхоти.
11 и жáлости емý знамéние застýпи.
17 тогдá востýпи Игорь князь во злат стремéнь.

Уступъ IV.

2 зáря свѣт запáла.
8 ищýчи сéбѣ чти, — а князю славú.
12 пóмчаша красны дѣвкы половéцкыя.
17 по болотóм и грязивым мѣстóм.

Уступъ V.

21 и от всѣхо стран; — пóлкы рýскыя остýпиша.
39 и своú милыя хотú, красны Глѣбовны —

Уступъ VI.

5 той во Олего мечéм крамóлоу кóваше.
18 во княжúх крамóлах вѣци человѣкомо скратúшась.
22 но чáсто врáни грáхоуте.
23 трýпы сéбѣ дѣлаче.

Уступъ VIII.

4 востýпил (?) Дѣвою на зéмлю Трóяню.
10 а сáми на себé крамóлоу кóвати.

Digitized by Google

стихъ

11 а пóганни сáми с всѣхъ стран прихóжахоу.
15 за нúме клúкноу Карь на Лжю, и пóскочи
26 а кнúзи сáми на сéбѣ крамóлоу кóвахоу.
27 а пóганни сáми, —
31 Игорь и Всеволодо, —

Уступъ IX.

12 и éркоша боúрѣ кнúзю.
19 крúльца припѣшáли пóганых саблúами.
35 сѣ бо Гóтскыа красны Дѣвы.
68 не дáсте своéго гнѣздá в обúдоу.
69 но сѣ зло княжѣ (?) ми не посóбие.

Уступъ X.

48 тѣмн трéсноу зéмлю, —

Уступъ XI.

24 вы бо своúми крамóлами — нáчасте наводúти.
36 отвóри врáта Нóвоуградоу.
37 разшибé славѣ Прóславоу.
39 на Немзѣ снопы стелю́те гóловами.
54 но чáсто бѣды страдáше.
56 и пéрвое припѣвкоу смúсленый речí.

Уступъ XII.

11 чемú мечéши хúновескыа стрѣлкы.
29 свѣтлóе и трéсвѣтлое Сóлнце.

Уступъ XIII.

9 Игорь мúслю мѣрите полú.
15 клúкноу, стýкноу зéмлю.
50 мáти плáче(т) сѧ Ростúславлю.
52 оуныша цвѣты жáлобою.
55 на слѣдú Игóревѣ —

———

Digitized by Google

Конець XIII-ого уступу (ѣдъ стиха 48) и цѣлый уступъ XIV мѣстятъ въ собѣ пѣсля тексту Муссинъ-Пушкинового кѣлька дуже разячихъ похибокъ рѣчевыхъ и языковыхъ, а зверхъ того и властивости правописнѣ тыхъ уступовъ не гармонiюютъ въ прочимъ текстомъ поемату, а противно лишь обаламучуютъ читателя. Такъ н. пр. подыбуемо ту форму прѣклонило (въ неправильнымъ ѣ), хотяй ритмика не выказуе акценту на першой силябѣ; въ другои стороны подыбуемо знов формы безъ ѣ: дивицею, дѣвице, небесе, голокы, що вказувалобы на акентъ зовсѣмъ неправильный: дѣвúцею, дѣвúцѣ, небéсѣ, голóкѣ. Въ кѣнци додаю, що въ 6. мѣстцяхъ мусѣвъ я еще переставляти слова, щобы одержати якiй-такiй ритмъ — значитъ, я въ послѣдныхъ кѣлькохъ стихахъ поемату мусѣвъ бѣльше поправокъ зробити, нѣжь може въ цѣлѣмъ прочѣмъ текстѣ.

Лишаючи на боцѣ правописнѣ дивацтва тексту, я конець XIII-ого уступу подаю остаточно въ такѣй формѣ:

Мóловите Гзáко Кóнчакови:
„Я́же сóколо ко гнѣздоу лéтите,
Сокóльца рострѣлúевѣ —
Свóими злачéнымн стрѣлáми“.
Рéче Кóнчако ко Гзѣ:
„Я́же сóколо ко гнѣздоу лéтите,
Я вѣ сокóльца опоутáевѣ
Красно́ю дѣвицею“.
И рéче Гзáко Кóнчакови:
„Яцé є опоутáевѣ красно́ю дѣвицею,
Ни нáма бу́дете сокóльца,
Ни нáма крáсны дѣвицѣ:
То почнýте нáю птúци бúти
В половéцкоме полѣ“.

Digitized by Google

СЛОВАРЬ.

Въ словари сѣмъ увзглядненый акценть, якій находить ся въ „Поправкахъ“ на стор. 116—118.

(Числа означають уступъ або часть поемату, где яке слово находить ся)

А — а, и, але.
абы́ 2; кобы.
аби́х 12; щобы я.
а́же 10, 13, 13; коли, якъ.
аки́ 2, 10, 10 (въ X уступѣ мѣсто **аки́ сокóл** повинно бути **я́ко сóколо**; въ IX уступѣ стоить у Мусоянъ-Пушкина **аки** — лучше булобы **я́ко**); мовь, немовь, наче.
а́ркѫчи 8, 12, 12, 12; кажучи.
аще́ 1, 11, 13; якъ, хочь, коли.

Ба́гряныма 9; багряна, червона.
бди́т (**ôдъ бдѣти**) 13; не спить.
бе́брино 12; бобровый.
без 9, 13.
безво́днѣ (правильнѣйше булобы **бе́зводнѣ**) 12.
бе́резѣ 13.
би́ти 13; **би́шась** 7, 7.
бо (стоить завсѣгды по якóмось словѣ).
бога́таго 9.
Бóго (о Бозѣ христіяньскóмъ) 13.
Богоро́дици 14.
бо́жиа 11; божого.
болокáи 3; болванъ, статуя божка (здаесь Трояна).
бóлегоме 10, 11; добрóмъ.
бóлони 9; (на) оболоню.
бóлотоме 11; въ числѣ многóмъ **болота́** 8, **болотóм** 4.
Бóриса 6. — Борисъ, сынъ Вячеслава, и Олегъ воювали р. 1078 противъ князя чернигóвского Всеволода. Перша битва выпала щасливо, въ другóй Борисъ полягъ на боевищи.
Бóричевоу 14. — Боричевый увозъ лежавъ давнѣйше за Кіевомъ и провадивъ попóдъ гору, где Володимиръ Вел. поставивъ бувъ статую божка Перуна. Назва „Боричевый“ стягае ся може до

Digitized by Google

якого поганьского кладбища, бо и доси еще таке кладбище зове ся гдекуды Паричевомъ (Словарь Желеховского, томъ II, стор. 602.)

коръ 13; въ числѣ многомъ: **кóрзыи** 2, **кóрзыи** 3, **кóрзаи** 13.

кóрони 5; (на) оборонѣ, передѣ, стражи.

кóсым (акцентъ неправ.) 13.

коѣсови 9. Про божка **Коуса** гл. „Темнй мѣстця“ стор. 39.

Кóяно 1, 1, 11, 14; **Кóяне** 2, 2; въ 1. падежи можна акцентовати **Коя́н**. — Поетъ той живъ въ другой половинѣ 11-ого и на початку 12-ого столѣтя (гл. „Темнй мѣстця“ стор. 41). Въ Словѣ сказано, що Боянъ и пѣвець Игоря жили оба полы сего времени, значитъ Боянъ въ першой а пѣвець Игоря въ другой половинѣ 12-ого вѣка.

коя́ре 13.

кранъ 10; борба, битва.

крат 2, 8; **крáта** (и **кратá** задля ассонанцiв) 2, 7, 9, 11; **крáтоу** 8; **крáте** 2; **крáта** (число двойне) 7; **крáтие** 1, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 8, 9.

крезѣ (або **крéзѣ**) 7, 9; въ числѣ многомъ: **крези** 11, **крезѣх** 13.

крéмены (задля ассонанцiи м. **кремена**) 10; тягары.

крéшоуте 3.

Крáчнслава 11. Брячиславъ, братъ Изъяслава, панувавъ въ Витебску.

кѣдѣ(т) 13. Думаю, що лучше булобы читати: ни нáма **кѣдете** сокóльца.

коуй 2, 10, 10, 14; **кѣего** 10, 10, 10; смѣлый, одважный.

коуйствó 9, 10; бута, смѣлость.

кѣра 2.

кѣсово 9; бусове, до Буса належаче. *Бусъ* есть назва зрущена мѣсто скандинавского *Боусъ* (гл. „Темнй мѣстця“ стор. 39).

кѣести 9, 10; (въ) завзятю.

кы 3.

кываéте 9.

кылинамо 1; (по) былицямъ, бувальщинамъ.

кылáми (одъ **кыла**) 9; обивателями, дружиною.

кыстрыи 7.

кыти 3, 3, 5; часъ минувшiй: **был** 10, **былá** 7, 10, **былó** 4, 6 (и **кыло** 2, 2), **кыли** 6, 6; аористъ: **кысть** (въ одномъ мѣстци **кыса** для зазначеня, що читати треба односложно) 11, 13; imperf. **кѣ** 9, 11, **кѣше** 11, **кѣша** 9, **кáшете** 1, 8, 12, **кáхоуте** 11.

кыя (одъ **кити**) 8.

кѣжате 2.

кѣды (одъ **кѣда**) 11.

кѣла (одъ **кѣлый**) 4, **кѣлыме** 13.

Digitized by Google

Бѣлаграда 11. Бѣлгородъ недалеко Кіева.
Бѣлѣ (або Бѣлы) 11; богиня мѣсяця, Бѣлка.
бѣлѣ 8; (по) бѣлцѣ (срѣбна монета).
бѣсови 5.

Вáми (ôдъ вы) 3.
вáю (число двôйне) 9, 10, 10, 10.
вас (мѣсто вáю) 10.
Васúлькова 11; Васильковъ.
вáши 10.
вéдете (ôдъ вести) 3.
вéжи 13. Вежами звались шатра (станища) половецкí.
Вéлесово 2. — Про Велеса гл. „Темнí мѣстця“ стор. 52.
вéликый 6, 9, 10; вéликаго 3, 5, 5, 13; вéликомоу 2, 3, 4, 5, 13; вéликое 8. Приходитъ такожь акцентъ велúкый 9, велúкое 9, велúкыχ 8, велúкыма (число многе) 4.
вéлите (ôдъ велѣти) 3, 13.
велúчныма 13, 13.
вéльми 5; дуже.
Венéдици 8. Венедцѣ, купцѣ зъ Венеції.
вережé (повноголосна форма мѣсто вержé) 9, 11.
вережéни (ôдъ вередити) 11; ушкодженí, зъогидженí, зганьбленí.
вéрехоу (повноголосна форма мѣсто вéрхоу) 3.
весéлиѣ 9, 11, 13; весéлыма 9, 13.
весéлыми 13.
веслы 10; веслами.
вéчера 7, 7, 9, 9; вéчероу 13.
взыдоша 7; зôйшли.
видѣ (ôдъ видѣти) 3, 9; вúжю (пôсля Муссинъ-Пушкина виждý) 9.
вúно 9; вúна 7.
вúхро 8; вихоръ.
вкрываю̀те 5, гл. прикрывáюте.
Владúмиро 6. Бесѣда ту о Владимирѣ Мономаху, князю чернигôвскôмъ, котрого Олегъ хотѣвъ бувъ прогнати зъ престола и въ тôй цѣли спровадивъ на него Половцѣвъ.
Владúмира 1, 11. Поетъ называе Володимира Великого, крестителя Руси, „отарымъ“ и ôдъ него починае рядъ князѣвъ рускихъ. Часы ôдъ Рурика до Володимира названí въ Словѣ вѣками Трояными, значитъ трибожими (въ понятю религійнôмъ).
Владúмироки 14. Владимиръ, сынъ Игоря, ôдставъ ся разомъ зъ отцемъ до неволѣ. По утечи батька одружився зъ дочкою половецкого хана Кончака, а ôдтакъ повернувъ свобôдно въ Русь.
власти (число ед.) 9, властúи (число мн.) 10.
Влоур 13; Лаворъ, Половчинъ, за котрого помочею Игорь

Digitized by Google

освободивъ ся въ неволѣ.
внѹка 6 (задля ассонанціи вноукá 8), внѹкоу 2, внѹче 2, вноуцй 5, 11.
во (такожъ саме в), прпмѣнникъ въ 4 и 6 падежемъ.
вовéрже ся 13; вергъ ся, кинувъ ся.
вóдѣ 13. водѣ 13.
возбивáете 9; бити, взбивати, гнати.
возграхоу (бдъ возграти) 9; закракали.
возмоутй 8; скаламутивъ.
возлелѣй 12; возлелѣяни 2; пригойдай, гойданй (колисанй).
возрѣ 3; глянувъ.
вóи (чпсла мн.) 3, 5, 9; вой 12, 12; вой 3; воины, войско.
Волгѣ 10. Вóлзѣ (самогласна л) 3.
Володймиро 9. Князь переяславскій, раненый въ битвѣ съ Половцями.
вóлокоме (повногласна форма мѣсто волкомъ) 1, 4, 11, 11, 11, 13; вóлоком 13, вóлоци 2, 3.
вóлнах (повногласна форма мѣсто волнах) 13.
вóлю, нá-волю (?) 9.
вонзйть 11; вложѣтъ въ похвы.
ворóн 4 (другій падежъ вóрона); воронъ, крукъ — належитъ до птицъ злыхъ.
воротá 10, 10.
воскладáше 1; покладавъ.
воскóрмлени 2; выкормленй, выгодованй.
восплáкаша ся 8; заплакали.
восплéскала 8.
воспѣти 2, воспѣша 9.
восрóжате 3; срожатъ. Въ первѣстнóмъ текстѣ могло бути ворóжате = вѣщуютъ.
востá 3, востáла 8, 8.
востонá (може бути востóна) 8; застогнавъ.
востѹпи 3.
встроскóташа 13; скреготали.
вошѹмѣ 13; зашумѣла.
врáнй 9, 13 (неправильно, задля ассонанціи, врáни 6).
вратá 10, 11; ворота.
врéмя 9; врéмени 1, 2, 2, 10; времена 8; врéмѣ.
Всеволóд 10 — сынъ Ярослава, князя луцкого.
Всеволóдо 2, 8; Всеволóда 2, 7; Всеволóде 5, 5, 9; Всеволóдоу 14. Въ тыхъ уступахъ бесѣда о братѣ Игоревóмъ, Буй-Турѣ Всеволодѣ, князю трубчевскóмъ и курскóмъ.
Всеволóде (пятый падежъ) 10. Князь Всеволодъ III воювавъ съ Болгарами надъ Волгою.
Всеволóда (другій падежъ) 11. Пóсля Слова братъ городеньского князя Изъяслава.
Всеволóж (може лучше читати: сын Всеволóж) 6. —

Digitized by Google

Въ поемать говорить ся о якомось Ярославѣ, сынѣ Всеволода, про котрого нема нѣякихъ вѣстей въ лѣтописи. Я задержавъ стилизацію Мусоинъ-Пушкинового тексту, бо надае ся добре до ритму, однакъ въ перекладѣ иду вже за интерпретами, котрѣ велятъ читати: *Всеволодъ сынъ Ярослава*. Бути може, що поетъ при множествѣ цитатовъ зъ руской исторіи въ томъ мѣстци похибивъ ся або переписавъ ся.

Всеслáво 11, 11; Всеслáвоу 11. — Всеславъ, князь полоцкій, по съѣдоцтву лѣтописи родивъ ся *въ чепци* (язикѣ). Въ Словѣ представленый онъ чородѣемъ, що стоявъ въ порозумѣню зъ готскими богами и за ихъ помочею творивъ богато лихъ Руси. Умеръ року 1101.

Всеслáвлю 11, Всеслáвли 11; Всеславлевоу, Всеславовѣ.

встоупи́во (по́ля М. П. встѣпил) 8, встоупи́та (число двойне) 10.

всю 9; въ числѣ многомъ: вси 10, вси 3, 6, вскмо 12, вскъ (по́ля тексту Мусоинъ-Пушкинового выходить вскъо) 5, 8.

вспáдеме (о́дъ вспасти) 3.

всякы́ми 4.

вы 11.

вы́лити 10.

вы́скочисте 11.

высо́ко 10, 10.

вы́торже 8; вырвавъ.

вѣ (число двойне) 13; мы.

вѣдоми 2; знанй.

вѣтрѣ (неправильный акц.) 12; въ числѣ многомъ вѣтрій 5, вѣтрѣхъ 13 (и неправильно вѣтрѣхъ 10).

вѣтрíло 12.

вѣцѣ (?) 11; въ числѣ мн. вѣци 6, 6.

вѣчий 1, 2, 11; вѣцыма 11; число многе вѣцыма (неправ.) 1.

вѣщати 12, вѣщеши 12, вѣщюте 5, 11.

вѣюте (о́дъ вити) 14.

Вячеслáличя 6. Борисъ Вячеславичь, воювавъ разомъ зъ Олегомъ противъ князя черниговского Всеволода и погибъ въ той войнѣ р. 1078.

Гáлици 2, 6, 13; галки. Въ числѣ многомъ гáлич (мѣсто галиць) 4.

Гáлицкый 10.

Гзáко або Гза 4, 13, 13, 13; Гзѣ 13. — Такъ звавъ ся одинъ зъ хановъ половецкихъ, котрій побороли Игоря.

главѝ (неправильно задля ассонанціи) 3; число многе глáкы 5 и главы́ 10. Акцентъ того слова, якъ и повноголосной формы голова, не даесь по́ля тексту

Digitized by Google

Мусинъ-Пушкинового докладно означити.

глаго́люте 5; говорятъ.

гла́съ 12; голосъ.

Гле́бовоу 9; Гле́бовы 10; Гле́бовому, Гле́бовыми. — Сынами Гле́ба були князѣ рязанськи: Романъ, Игорь, Володимиръ, Всеволодъ и Святославъ; они р. 1183 воювали съ Болгарами надъ Волгою.

Гле́бовны (акц. непевный.) 5. Гле́бовною названа донька Гле́ба, Ольга.

гнѣздо́ 4, 9; гнѣзда́ 9, 10; гнѣздоу (неправильно задля ассонанціи) 13, 13.

го́воръ 4; говоръ, гаморъ.

говорѧ́хоуте 6; говорили, гаморили.

го́голѣме 13. такожь гого́лѣме 13. Гоголь, рóдъ качки, anas clangula.

го́дина 8, го́диноу 11; часъ.

годи́ны 9; здѣсь óдъ скандинавского höd = вóйна.

голокѣ 14, головы́ 14; зри глава.

го́лосы 11, 14.

го́раздоу 11; богатому.

гора́здоу (здѣсь óдъ скандин. hratt) 11; швидкому.

Горисла́вичи 6.

го́рнастаѥме 13; горнастаемъ, гермелиномъ.

городе́нескыи 11; городеньскій (óдъ мѣста Городна, где въ битвѣ съ Литовцями Изъяславъ полягъ).

го́родоу 12.

горѣ 12; число многе: го́рамо 11, го́ры 2, 10, 12, го́рах 9.

го́рычюю 12.

господи́не 10, 12, 12, 12, 12; число двóйне господи́на 10.

гото́ки 2.

Го́тскыи 9; готскій, готицкій. — Останки давныхъ Готóвъ мешкали за рускихъ часóвъ въ Криме и въ области тьмутороканьскóй (надъ азовскимъ моремъ).

гра́да 5, 9, гра́доу 11, 11, гра́дѣ 6, 8; въ числѣ многóмъ: гра́ди (першій пад.) 14, гради́ (четвертый пад.) 10, градо́м 9.

гра́хоуте (у Мусинъ-Пушкина гралхоуть и грахоуть) 13, 6; óдъ глагола грлити = кракати.

гри́млеши 5, гри́млюте 7.

Гре́ци 8; Греки (купцѣ).

гри́дници 8; óдъ скандинавского hirdh — означало стражницю въ княжóмъ дворѣ.

гро́моу 5.

грозны́и 8, грозны́м 11.

грозѣ 3, грозо́ю 3, 8; число многе: грозы́ 10 (можна бы читати гро́зы твóи по земли́м текóть).

грузивы́м 4; грузкій, болотнистый.

Да 3; нехай.

даве́чи 7; (въ лѣтописяхъ давнѣ) досвѣта.

Digitized by Google

дáвный 6
Давы́дъ 10, Давы́дови 11.— Давыдъ, правнукъ Володимира Мономаха, княживъ въ Смоленьску; его величаютъ лѣтописцѣ задля великои хоробрости и честноты. † 1197.
Дáждекожа 6, Дáжбожа 8. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 81.
дáлече 4, 8; далеко.
дань 8.
дáсте 9.
два 8, 9, 9.
Двíна 11.
двора́ 8.
дéкре 9.
день 7, 7, 9; дни 5, 7.
Дереме́ла 10; племя лотиноке.
дéскы 9; дошки.
деся́ть 1; 1.
дúво 9; дивно.
Дúво 3, 9. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 35.
днѣ 8. 13; на днѣ.
Днѣпре́ (акцентъ неправ.) 12.
дождю́ 5; дощеви.
докóнчаша 7; докóнчили.
дóлого (повног. форма) 4; довго.
Дон 10, Дóно 10; Дóна 5, Дóноу 2, 3, 3, 3, 3, 3, 4, 5, 5, 8, 9, 13.
Донéц 13, Донцá 13, 13, Дóнче 13. — Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 86 и 98.
дорúскаше 11; доскакувавъ, добѣгавъ.
дорогá (adj.) 5.
дорóгами 3.
дóспѣли 10; дозрѣли, були готовй, прибули.
достá 7; выстало.
дотечáше 1; долѣтавъ.
дотчé сѧ 11; доторкнувъ ся.
дрáгыя 4; дорогй.
Дрекá 3. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 38.
дрекó 7, 10; дрекá 13; дрекú 1, 2, 13.
дрéмлете 4.
дрúзгый 7, дрúзгаго 5, 11, дроузѣ 11, дрúзии 11.
дроужинá 9, 10, 14, дроужинѣ 3, дроужинú 11, дроужинó 3.
Дúдоутóк 11. Дудутки — назва давного мѣсточка близько Новгорода; до нынѣ єще называєсь одинъ новгородскій монастырь „*на Дудуткахъ*“.
дúха 1.
дúмою 8.
Дúнаа 10, Дúнаєви 12, Доунáю (акцентъ непр.) 10, Дúнаи 14. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 90 и 98.
доушá 1, доушú 11, 11.
Дѣвици 14; славяньскй Русалки. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 90.
Дѣвúцѣ 11. Богинѣ Бѣлѣ; Норны. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 51.
дѣвицѣ 11, 13; дѣвицею 13, 13; (акцентъ нецевный; правильно буде: дѣвицѣ, дѣвицею.)
дѣвкы 4.
Дѣвою 8, Дѣвú 9. Бесѣда о

Digitized by Google

Валькиріяхъ. Гляди „Темнй мѣстця“ от. 25.
дѣднеи 11.
дѣдоу 11.
дѣло 10.
дѣличе 6.
дѣти 5.
дитлóве 13.

éркоша (у Муссинъ-Пушкина) ркоша) 9, éрци (у М.-П. рци) 3; сказали, скажи.

Жадній (óдъ жадéнъ) 9.
жáлобою 13.
жаль 7.
жáлости 3, жалóщами 7.
ждет 2.
же або ж — кладе ся завсѣгды по словѣ, якъ и въ нынѣшнóй бесѣдѣ.
желѣзнúи 10, желѣзнúх 8, желѣзнú 9, желѣзнúми 10.
жéмчюжноу 11.
жéны (число многе) 8.
жéнчюго 9; жемчугъ, перла.
жéстоцѣ 12, жéстоцѣме 9. Приложникъ „жестокій“ ужитый ту въ значеню: *розпаленый, розпеченый, горячій*. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 8.
живáм (м. живúм) 1, живúми (акцентъ книжный) 10.
живóт 11, животá 5.
жизнь 11, жúзне 6. По моéй гадцѣ въ обохъ мѣстцяхъ означае „жизнь“ не „жите“, але *„землю на жите призначену“*, батькóвщину.
жир 8. Той жир на днѣ рѣки Кашлы полоняе самъ поетъ словами злата роускаго насыпаша; въ иншóмъ мѣстци сказано, що Готскы Дѣвы (Валькирiи) играли ся роускымъ златомь. Пригадуе то повѣрки скандинавскй, пóсля котрыхъ „злато морске“ стоитъ пóдъ дозоромъ Валькирiй.
жúрна 8, жирнá 8; богатый въ жиръ, грабежливый, сумный.
Жлъ (у Муссинъ-Пушкина) гл. Лжю.
жрéбий 11; число многе жрéбьй 10.

Зл (приименникъ зъ падежемъ 4 и 6).
забóролѣ 12, забрáлѣ 12, 12, число многе забрáлы 9; башня.
забúко 5; забувши.
заворочáете 7; завертае.
завтрокоу 13; óдъ завтрокъ = снѣдане.
загородúте 10; загородѣть.
зáднею 9; пóзнѣйшою, будучою.
зайдé 8; зайшовъ.
закáлена 9; загартованй.
закладáше 6; затулювавъ, загыкавъ.
залéтѣло 4.
замышлéню 1; (по) придумкамъ, замысламъ.

Digitized by Google

занéсе 2.
запáла (треба читати: зáри свѣт запáла) 4; запалавъ, засвѣтивъ.
зарáнил 4, 7.
зарѣза 1; зарѣзавъ.
зáри (другій падежъ) 4, число много зарíй 13. Слово тое ужите въ поематѣ побочь выразу зорá; рóжица лежитъ головно въ акцентѣ.
заслпóжникы 9; мабуть ножѣ. Менѣ выражене тое выдаесь вставкою переписовача.
застоупáше 3; заступало.
застѫпи 3, заступило (дорогу); застоупúво 10, заступивши.
затвóри 13, затвóриво 10; зачинивъ, зачинивши.
затчé 12; заткало.
завтренюю 11; утреню.
звéните 2, 7; дзвенитъ.
звон 11, звóно 6.
звóны 9, звóнычи 9.
звѣрéм 11, звѣри 3, 11.
звѣринo 3.
здрáви 14; здоровѣ.
зегзúцею 12, 12; зазулею.
зéленоу 6, 13, 13.
зéмлиа (въ значеню митологичнóмъ) 5, 10, 13; о звычайнóй земли (до орання) землá 7; зéмли (другій падежъ) 7, 8, 11, 13; земли (третій падежъ) 1, 3, 6, 6, 7, 7, 8, 8, 9, 11, 13, 13, 14; зéмлю 1, 1, 7, 8, 8, 8; 8, 10, 10, 10, 11, 12, 13; нáземлю (може бы лучше читати: вережé сы Днк на зéмлю) 9; землé 3, 5; земли (осмый падежъ) 14; въ числѣ множ.: зéмлимо або землúм 10, зéмлими 10.
злат (золотый) 3, 6; златá (другій над. неправильно задля ассонанціи) 5, 8, 9, 10, 11; златé (неправильно задля ассонанціи) 13; число двóйне злáта 10; число многе злáты 10; въ родѣ середнóмъ злáто 9, 11.
злáто (золото) 4, злáта 8 и златá (задля ассонанціи) 8, златóм 9.
златовéрескѣм 9.
златоковáннѣме 10.
злачéни 10, злачéными 13.
зло 9, 14.
знáєми 2.
знaмéние 3; затьмѣне.
зóкете 10, зóкоуте 3.
зóри 5, зóрями 7.

И або й (якъ и въ нынѣшнóй бесѣдѣ).
йдоуте 5, 5, и идѣте (йдѣте) 13.
Игóрь (старша форма) и И'горь 2, 2, 3, 3, 3, 7, 8, 8, 13, 13, 13, 13, 13, 13, 14, 14; И'горы 1, 1, 8, 13, 14; И'горю 10, 14; И'горевы 2, 13; И'горю (пятый падежъ) 2, 9, 13. — Игорь, герой пѣсни, бувъ княземъ въ Новгородѣ Сѣверокóмъ.

Digitized by Google

Игóрева (Игоревого) 8, 10; Игóревѣ 1, 13; въ числѣ мн. Игóревы 5, 7, 10, 10, 10.
Игорéвичю 14; сынови Игоря.
Иже 1, 1, 8; котрый. Такъ акцентую тое слово всюды въ старославяньскóмъ языцѣ; оно зложене зъ двохъ частей й + же.
из (зъ другимъ падежемъ) 8, 11, 11, 11, 11, 13.
избивáя 13; побиваючи.
издáлеча 10; здалека.
из-óстреи 2; выострей.
изрóни 9, 11; выронивъ.
Изяслáво 11. Князь Изъяславъ Васильковичь бувъ внукомъ Всеслава и полягъ въ битвѣ зъ Литовцями.
им 2, 11, 12, 12 (и имо 2), их 8.
имѣя 13; маючи.
Иногвáрь 10. Такъ звавъ ся сынъ Ярослава, князя луцкого.
И'сканю 9; (въ) исканьскóй. Гл. „Темнѣ мѣстця“ стор. 56.
искáти 9; ищоучи (пóсля Мусинъ-Пушкина выходитъ ищúчи) 2, 4.
искоусúти 3; попробувати, óдзѣдати.
испúти 3, 9; выпити.
иссúши 8; высушивъ.
иссѣдѣ (у Мусинъ-Пушкина стоитъ хибно высѣдѣ) 8; высѣвъ.
истáгноу 1; стягнувъ, скрѣпивъ.
исхóды 14; выходячи на кого, выступаючи противъ кого.
итú 5; гл. идоуте.

Кáжоуте 13, 13.
кáленыя 7, кáлеными 5, 10; óдъ чаленый=загартованый, сталевый.
каменны 12.
кáмо 5; куды.
канúноу 6. Пóсля проф. Верхратского ужываесь до нынѣ слово „канка“ въ значеню „сѣтникъ“ (Teichbinse.) Въ текстѣ поправивъ я на тканúноу.
Карь 8. Пóсля скандинавскои митологiи бувъ Карь зъ роду великанóвъ и заразóмъ олицетворенемъ воздуха, вѣтру, вихру.
касóжскыми 1. Касоги=Черкесы.
кáя 5; яка.
кáюте (пóсля Мусинъ-Пушкина выходилобъ читати кáють) 8; ганити, дорѣкати кому, жаловати.
Каялы 7, 8, Каялѣ 5, 9, 12. Рѣка Каяла (теперь Кагальникъ) впадае до Дону.
кладéт 11.
клéктоме 3; клекотомъ.
клúкноу 8, 13.
клúче(т) 3, клúчете 10.
клúкоме 11, клúкóм 5. Въ IX уступѣ пóсля Мусинъ-Пушкина выходитъ неправильный акцентъ клúкóме;

Digitized by Google

здѣсь въ первотворѣ стояло ту якесь инше слово.

клюками 11. Гл. „Темнѣ мѣстця“ стор. 46.

кнѣсá 9. Кнѣсъ (також князёкъ) те саме, що сволокъ въ хатѣ. До нынѣ еще относятъ ся до сволока рожнй повѣрки, а сонъ про бракъ его въ хатѣ уважае ся зловѣщимъ.

княжíх 6, **княжé** (?) 9.

князь 7, 11, 13; **кнáзя** (старша форма) и **кнáзя** 6, 8, 13, 13, 13; **кнáзю** и **князю** 2, 3, 4, 9, 10, 12, 13, 13; **кнáже** 9, 10, 11, 13 (одинъ разъ задля ассонанціи **княжé** 10); въ числѣ многомъ: **кнáзи** и **князí** 8, 8, 9 (?), 10, 10, 14; **князéй** 11; **князéм** 8, 11, 13 (въ I уступѣ пóсля Мусинъ-Пушкина выходитъ **кнáзеmo**.)

Примѣтка. Въ Словѣ приходитъ въ 1. падежи **Игорь князь**; въ 2. не **Игоря князя**, лишь **князя Игоря**; въ 3. **князю Игорю** або **Игореви князю**. Комбинація тота не впала менѣ въ око, коли я порядковавъ текстъ ритмично, ажь теперь при укладѣ словаря замѣчаю, що поетъ нарокомъ писавъ такъ для потребъ ритмики; читати треба: **кнáзя Игоря, кнáзю Игорю, Игореви кнáзю**. Читателѣ, що интересуютъ ся сею розправою, черезъ порóвнане зъ текстомъ Мусинъ-Пушкиновымъ легко найдутъ, где я слово **князи** або **князю** переставивъ зъ другого на перше мѣстце, проте звольятъ вже самй первѣстный текстъ привернути назадъ.

ко (рѣдко-саме **к**) правитъ третимъ падежемъ.

Кобя́к (або **Кóбяко**) 8, **Кобякá** 8. Такъ звавъ ся ханъ половецкій, побитый Русинами 1184 року при рѣцѣ Углѣ и взятый въ неволю.

Кобя́кова 12; Кобякового.

кóвати (лучше якъ **кова́ти**) 8, **кóвахоу** 8, **кóваше** 6.

кóвылю 12; (по) ковыль-травѣ (Federgras).

кóгана 14; ханьского, хана.

кожоухы́ 4; кожухами.

колí 9, 13.

комéты 2; комонники.

комóнь (кóнь) 13, 13; **комóни** 2, 2, 3; **комóня** 13.

комѕ 1.

кóнець 2, 3; край, на кóнци.

Кóнчако 4, 8, 13. **Кóнчака** 10, **Кóнчакоу** 13, **Кóнчакови** 13, 13, **Кóнчаком** 13. Назва хана половецкого, зъ котрымъ воювавъ Игорь.

кóпиѥ 13, **кóпия** 2, 11 (и **кóпя** 7), **кóпѥмо** (або **кóпиѥм**) 5.

копыты́ 7; копытами.

корáбли 12.

королéви (т. е. угорскому) 10.

Кóрсоуню 3. Корсунь лежавъ въ Криме, близько тепе-

Digitized by Google

рѣшного Сѣвастополя.
кóсти 3, костьмú 7, 11.
котóрою (ôдъ котóра) 11; сваркою, незгодою.
котóрый 1, котóрую 8.
кощѣй 10, кóщѣка 10; невольникъ, слуга.
кощѣ́во 8; невольниче.
кóе 10; на що, ôдъ чого.
крамóлоу 6, 8, 8; крамóлами 11, крамóлах 6. Крамола = усобиця, незгода, сварка.
красный. Належитъ до слôвъ, котрыхъ акценту не мôгъ я довгій часъ означити. Въ „Зорп“ промавлявъ я за акцентомъ красны́й; въ текотѣ сего выданя акцентую крáсный; теперь при уложеню словаря и поновлôмъ перестудіованю предмету я вже рѣшущо клонюсь до красны́й. Тое слово приходитъ въ уступахъ 1, 4, 5, 9, 11, 13, 13, 13.
крéчетоу 4. Рôдъ соколóвъ.
крúлы 8, 11.
крúлыца 9. крилыцю́ (число двôйне) 12.
крúчча(т) 3, 9.
крóвати 9. 11; (на) лôжку.
крóке 9, крóви 10, крóвю 7.
крóвавыго 7, крóвавѣ 11; въ числѣ многôмъ крóвави 1. крóвавыма 5 (и крóвавыма 12).
крóмѣ 14, 14.
крѣпостию 1; силою.
крѣсити 8, 10; кресити, воскресити.
коуръ 11; (до) пѣвнѣвъ.
Кýреска 2.
Кýрины (може лучше читати: л мóи ти Кóурúны) 2; жителѣ курскои области, належавшои до князя Всеволода.
коустú 13; (на) корчахъ.
кыкáхоуте (ôдъ кыкати) 6, кы́чете 12; радовати ся, кованти.
Кыєво 8. 11, Кыєва 14, Кыєвоу 10, 11, Кыєвѣ 2, 8, 9, 11.
кыéвскый (м. кыєвескый) 8, кыéвскаго 11, кыéвскымо 11.

Лады́ (ôдъ лада́) 12, ладú 12; въ числѣ многôмъ лад 8. Слово лада означае мужа, сокола.
латúнскыми 10; ту въ значеню „нѣмецкими“.
лéбеди 3, 13; въ числѣ мн. лéбедей 1, 1.
лебéдиными 8.
лéжа(т) 5.
лезѣ 11; можна.
лéлѣюте (може лучше лелѣють) 9, лелѣючи 12, лелѣя́л (або лелѣяло) 12, лелѣявшоу 13.
лéтите 13, 13, лéты(т) 7.
Лжю 8, 8, Лжы (у Мусснна-Пушкина ноужда) 9. Скандинавске Logi = Поломѣнь, дикій огонь.

Digitized by Google

ли (частица пытайна, завсѣгды по словѣ); чи.
лисѝци 3.
лѝстье (у Муосинъ-Пушкина листвїе) 10.
Литвá 10.
литóвскыи 11, литóвскыми 11.
лóзю (м. лозию) 13.
лóно 9.
лоугѣ́ 13.
Лоукѣ́моры 8. Лукоморемъ звалось море азовске (сине).
лоуци́ (и неправильно лѣ́ци м. лоукы́) 2, 12.
лоучéж 3.
лѣ́чею 12, лѣ́чю 12 (въ першóмъ пад. лоучи).
любó 3, 9; приходитъ въ полученю зъ союзомъ а. Нынѣшне ако и польске albo такожь проявляютъ противъ акцентования самогласнои ю.
лѣ́по 1; красно, добре.
лѣтá 6.
лѣтáи 2; лѣтаючи.
людéм 11.
лю́тыме 11.
лѧцкы́и 10.

Мáло 8, 12, 13, 13.
мáлое 8, мáлаго 13.
мáти 13.
мегла́ 4, меглѣ́ 11, мéглами 13, 13, 13.
мéркнете 4.
мéсте 9.
мéчи (кидаючи) 10; мечéши (пóсли Муосинъ-Пушкина мычеши) 12.
мечéм 6; въ числѣ многóмъ: мечи́ 8, 11, 11, 11 (и мéчи 5, 10).
ми (менѣ) 3, 7, 7, 9, 9, 9.
мила́ (акцентъ неправ. задля ассонанциа) 2, 7; мíлыи 5.
мíноула 6, мíноути 11.
млада́ 6; молодого.
мнѣ 12.
мнóго 9.
мнóгы 10.
Могѣ́ты 9; назва одного племени финьского.
мóжеши 10, 10.
мóловити (форма повногласона м. молвити) 8, мóлоките 13.
молодáи (число двóйне) 9; молоды́м 14.
мóлонии (форма повногласона) 5; мовнѣ, лисиавки.
мóлотыте 11.
Моравá 8; Моравяне.
мóре 12, 13, 14; мóры 5, 5; морú 5 (може лучше булобы: с мóры кѣюте стрѣлáми); мóрю 8, 9, 9; морѣ 8, 9, 12.
мóстити 4.
мóсты 4.
мóе 8, мóеже 8 (и задля ассонанциа моé 12); мóего 9, мóеы 12; моéй 9; мою (задля ассонанциа) 12; моéм 9; въ числѣ многóмъ мóи (?) 2, 2; въ числѣ двóйнóмъ моú.

*

Digitized by Google

Мстиславе 10. Мстиславъ, сынъ переѣопницкого князя Ярослава, бувъ стрыйнымъ братомъ галицкого князя Романа и его постойнымъ приятелемъ.

Мстиславичи 10; сыны Мстислава Изъяславича: Романъ, Святославъ и Всеволодъ белскій.

Мстиславоу 1. Бесѣда о Мстиславѣ, князю тьмутороканьскомъ, сынѣ Володимира Великого.

мѫжайме ся 9.

моужествомъ 1.

Мѫтено 9; ѿдъ Муота (Водана), божій. Гл. „Темнѣ мѣстця“ стор. 59.

мѫтно 5.

мы 9.

мысле 10; мыслю 8, 10, 13.

мысленоу 1, 2; (дословно „мысльному“), мысли.

мытѣх 9. По моей гадцѣ походитъ ѿдъ мытати (метати), отже мыти (число многе) означае часъ, въ котромъ птицѣ мечутъ або роняютъ пѣре.

мычеши (гл. мечеши) 12, мычючи 8.

мѣрите (мѣриѣт ?) 13.

мѣстомъ 4.

мѣсица (число двойне) 9.

мѣ 9, 9.

На (правитъ падежемъ 4 и 7.)

наведе 1; навѣвъ.

наводити 11.

нама (число двойне) 13, 13, наю 14; число многе намо 8.

напастьми 8 (може лучше читати: а Чернигово напастьми.)

наполонико ся (форма повногласна) 1; наповнивши ся.

напряжени 2; нагягнени.

наричюче 8; набѣгаючи.

насилено 12; насильно.

насилие 11.

насташа (мѣстце попсоване) 11; настали.

настоупи (настоупи) 8.

насыпаша 8; насыпали.

начати 1, начаша 4; начяти 1, начаша 8, начясте 11.

не (частица заперечаюча).

небесѣ 14.

невеселаа 8.

него 3, 13, немоу 12, ниме 8; нею 11, нима 9; них 2, 5, ними 4.

неготовами 3; неготовыми, неуѣзжими.

неже 3; нѣжь, якъ.

нелюбиа 13.

незнаемою 12, незнаемѣ 3, 7, 10.

Немизѣ 11, на Немзѣ (такъ скорочую задля ритму) 11. Рѣка Немиза, доплывъ Свислочи.

нечестно 9, 9.

несошлась 9.

нетрѫдноую (число двойне) 12; (на) легкихъ, нетяжкихъ.

Digitized by Google

нехоудá 10; нехудого, знатного.
ни; нѣ, анѣ.
ни́чь 9; ничь, нѣщо.
ни́чите 7; никне.
но; але, лишь.
'но (мѣсто онó) 4.
Нóвоуградоу 11. Бесѣда о Новгородѣ, где княживъ Ярославъ Мудрый.
Нóвѣградѣ 2. Новгородъ Сѣверскій, столиця Игоря.
ногáтѣ 10. Ногата становила 20-у часть гривны (около пôвъ рубля въ срѣблѣ).
нóсады 12; судна, байдаки.
нóсите 10; носитъ.
ноч 4, 11.
нóще 3, 9.
ноужда (у Муссинъ-Пушкина. Въ своѣмъ выданю замѣнивъ я задля ритму на Лжи) 9.
ны; намъ.
нынѣшняго 1.
нѣгоующе 9; пестятъ, голублятъ.
Нѣмци 8; купцѣ нѣмецкій.

О (чувотенникъ) 2, 3, 5, 8, 9, 11, 12, 12.
о (правитъ четвертымъ падежемъ) 5, 5, 7, 11; (семымъ падежемъ) 1.
обá 2, 9 (и въ акцентомъ óба пóлы 2).
О'бида 3, 8, О'бидѣ 4, О'бидоу 10.
Обидúво 3; Обида-Дивъ.
обúдными 10; ôдъ Обиды походячими.
обúдоу 6, 9, 10; кривду.
óблакы 1, 2, 10, 12.
обóюдна 11; обосѣчнй. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 17.
обратúша 9; обернули.
обычаи 5.
обѣдѣ 13; на обѣдъ.
обѣси сѧ 11; обвѣсивъ ся, повисъ.
овáрескыи 5; (оварскій), великаньскій.
Овлúр 13; гл. Влоур.
одúно 2, 2.
одóлѣти 10, одóлѣсте 9; подолѣти, побѣдити, воювати.
одѣвавшоу 13, одѣвахѣте 9. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 31.
ожерéлие 11; огрѣле, нагруде. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 8.
óзеры (для ассонанціи мѣсто óзера) 8.
óконию 11. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 46.
оксамитú 4. Греческе слово— означае парчу, мѣстцями шиту золотыми и срѣбными петлями.
О'лего 6, О'льга 6, О'льзѣ 6. Олегъ бувъ внукомъ Ярослава Мудрого, а дѣдомъ Игоря. Лѣтопись зове его хоробрымъ, але вразъ и незгодливымъ, дуже ворохобничимъ княземъ.
О'лего 9; молодшій сынъ Игоря.
О'льберы 9; одно племя финьске.

Digitized by Google

Ольгóво 4, О'льгова 14, О'льговоу 6; въ числѣ многóмъ О'льговы 6.
Ольгóвичи 10.
омóчю 12.
они 11; онѝ же 1.
онѣмъ 11.
опоуста́ша (вболя М.-П. опоустоша) 9, опоуста́вѣ 13, 13 (акцентъ не зовсѣмъ певный).
óрломе 1, 2; число многе óрли 3.
óртомами 4; бесагами, мѣшками.
Осмóмысле 10. Осьмомысломъ прозваный бувъ князь галицкій Ярославъ задля великои мудрости.
óстрыми 10, 11.
остѫпиша 5; обступили.
осѣдлани 2.
от (зъ другимъ падежемъ) 1, 3, 5, 5, 5, 5, 8, 8, 11, 11, 11, 13.
óтай 11 (такъ поправляю Мусинъ-Пушкинове отъ нихъ, не маюче нѣякого змысду).
отвóри 11. отвóрени 2; отвóряѣши 10.
отéць 8. „Отцемъ“ звались часто князѣ кіевскѝ въ óдношеню до иншихъ князѣвъ.
отнѝ (отцѣвского) 5, 9, 10, 10; отню 13.
очѝма 8.

паволокы́ 4. Шовкова, золотомъ ткана матерія на верхню одежь.
пáдѣ сѧ (попавъ ся) 8, пáдоша 7.
папóломоу (задля ассонанціи; повинно бути пáполомоу) 6, пáполомою 9. Слово греческе — означае покровъ, покрывало.
пáпорзи 10; папороти. Гл. „Темнѝ мѣстця“ ст. 13.
пáрдоуже 9; óдъ пардоугъ = пардъ, рись.
пасéт 3.
пáшоуте (находитъ ся въ мѣстци попсованóмъ) 11; повѣвають.
пéрекоую (форма повноголосна) 11, пéрекыхъ 1, 11.—Пéрвое 11; въ першій разъ.
пéреди (óдъ передь) 2.
Перепáславлю 11.
пéрсты 1; пальцѣ.
печáль 8.
пир 7; бенкетъ.
Пирогóщей 14. Церковь Богородицѣ Пирогощои въ Кіевѣ побудована р. 1131 княземъ Мстиславомъ Великимъ. По преданю образъ Богородицѣ въ тóй церквѣ мавъ бути малёваный св. евангелистомъ Лукою и привезеный до Кіева зъ Царгороду.
плáкаша 10; плáкаѣши 10.
плáмянѣ 8.
плáчете 12, 12, 12, 13.
плéчю 14; плечей.
плéщоучи 8.
Плѣсневска 9. Плѣсневско — старинне мѣсто въ давнóмъ

Digitized by Google

галицкомъ княжествѣ, лежало коло Подгорець въ нынѣшнемъ окрузѣ золочовскомъ. Еще и теперь подгорецкій монастырь называе ся „монастыремъ на Плѣсневску“.

по (правитъ падежемъ 3, 4 и 7.)

поблюсти (поля Муссинъ-Пушкина выходитъ поблюсти) 10; стеречи.

побѣгоша 3.

побѣдами 8, 8.

побѣждаюте 9.

повергоша 10; покидали.

повити 2.

поволокоста 9; поволокли.

повѣдаюте 5, 13.

повѣсте 1, повѣстий 1.

поганый 4, поганаго 8, 10, поганоую 9; въ числѣ многомъ: поганни 8, 8; погаными 9, 9 (и погаными 11); погаными 4, 5, 8 (и погаными 11).

погасоста (число двойне) 9, погасоша 13.

погрузи (погрузивъ, затопивъ) 8, погрузиста 9.

погыбе 8.

погыбаше (поля Муссинъ-Пушкина погыбашете) 6.

под (правитъ 4 и 6 падежемъ).

подаста 9.

подвизаша ся 13; подвигнулись, поднеслись, порушились.

подобию (и. подобиемъ) 3.

подпер 11, подперо 10; подперши.

подѣлимъ 9; подѣлѣмъ.

пожерѣши (форма повногласна) 13; пожерши.

позакони 11, позаконниша 11.

позриме (або позрим) 3; поглянемо.

поискати 9; пошукати.

поклонниша 10.

покрыла 9.

полегоша 7; полягли, головы поклали.

полѣтѣти 6; полечю 12; полѣтѣ 13, 13.

полизаша 11.

полночи 11.

половецкаго 3, половецкыи (другій над) 8, 13 (и половецкыи 7, 11), половецкоую 1. 8, 12, половецкоу 9, половецкоме 13; въ числѣ многомъ половецкыи 4, 4, 5, половецкыхъ 8.

Половци 3, 5, 9. 10; въ числѣ един. Половчине (пятый над.) 4.

полозоша (форма повногласна м. ползоша) 13; повзали.

полкоу (форма повногласна мѣсто полкоу) 1, 8, 10, 12; въ числѣ многомъ: полци (самогласна л) 6, полкомъ 8, полкы 1, 1, 2, 5, 6, 7, 8, 10 (и полкы 4. 5, 9).

полони 9; полоненоу 3.

Полотестѣ 11; (въ) Полоцку.

Полочанем 11.

Digitized by Google

полѣ́днию 7.
полѣ́ночи 13, полѣ́ноци 3, 13 (по́еля Муссинъ-Пушкина выходитъ въ 13 уступѣ по́лоуноци).
по́лы 2; половины.
по́лю 4, 10; полѣ́ 2, 4, 7, 10, 12, 13; въ числѣ много́мъ поли́ 2, 2, 4, 4, 5, 5, 13.
по́лина 7; полита.
поме́ркоста (двойне число) 9; померкли.
по́мнѣште 1. Толкую черезъ „памятавъ", бо въ тако́мъ змыслѣ понимаю цѣле речене; инши выдавцѣ толкуютъ: с по́мина въ.
помо́лкоша 13; замовкли.
помоло́дити (?) 9.
Помо́рию 3; побереже Чорного моря.
по́мчаша 4; помчали, позаймали.
помяно́вше 11; згадавши.
понизи́тъ 11; похплѣтъ.
поничѣ 9 (и задля риму поничѣ́ 11); поникла.
по́стри 1.
попо́иша 7; попоили.
поросі́ 5.
поро́ждено 4.
посвѣ́чивша 5; посвѣчуючи.
поскѣ́паны 5; на дро́бни скинки розбитъ, потяти.
по́скочи (для ассонанціи) 8, поско́чи 13; поско́чиша 5.
послу́хати 3.
посо́бие 9; помо́чь.
постла́ 6; постелила.
Посу́лию 3; земли надъ рѣкою Сулою.
посѣ́кына 7, посѣ́кыни 11, 11.
потѣ́че 13, 13.
потоки́ 8.
пото́моу 14.
потопташа (задля алитераціи) 4.
потрепа́ти 8; подзвонювати.
потрю́чати 5; пощербити.
по́тыатоу 3.
по́хоти 3; (въ) хотѣню, жадобѣ.
похытіи́м 9; займѣмъ, заберѣмъ.
почнѣ́ме 1, почнѣ́те 13.
пѣ́хоа 3.
поюте 8, 9, поют 14; поиша 1; спѣвають, спѣвавъ.
пра́ките 4; правити слѣдъ = слѣдъ справляти, проказувати.
пра́дѣ́днюю 9.
прегороди́ша 4, 5, 5.
пред (въ 7. уступѣ пре́до) правитъ шестымъ падежемъ.
пре́дню 9; попередну.
прекло́нилось 7, 13; (въ 13 уступѣ у М.-П. хибно прѣклонило).
прерискаше 11; перебѣгавъ, перескакувавъ.
преторгоста 13; притомили.
при (правитъ семымъ падежемъ) 6, 13.
прикеде́ 6.
пригво́здити 11; приковатя.
прикрыва́юте 5.

Digitized by Google

прикры́ти 5, прикры́ла 8, прикры́ты 3.
прила́мати (акцентъ не зовсѣмъ певный) 5; прило́мити 3.
прилѣ́тѣти 10.
прило́жити 3.
приодѣ́ 11.
припѣ́вкоу 11; приспѣ́вку.
припѣшали (?) 9; прохали, присѣкли.
притре́па (перебивъ) 11, притре́пано або притрепа́н (порубаный) 11.
притрепета́л 8; наводивъ страхъ.
притопта 8.
прихо́жыхоу 8; приходили.
про (правитъ четвертымъ падежемъ) 7.
проби́л 12.
проли́сте 9.
про́стре 12, простро́ша 9.
пры́сноу 13.
пры́щеши (о̂дъ пры́скати) 5.
пти́цю 10, пти́цею 11; въ числѣ много̂мъ: пти́ци 8, 9, 13; птицъ 3.
птич (имя збо́рне) 2, 11; птицѣ.
поусты́ни 8.
поутъ 10, 11, пѣ́те 2, 12, 13; пѣ́ти 2.
Поути́клю 12, Поути́клѣ 12, Пѣ́тиклѣ (читати бы можна в Поути́клѣ) 2.
поути́ны 9; пута, оковы.
поуща́ше 1, поуща́шете 1.
пѣ́сне 1, 2, 14, пѣ́снь 1, пѣ́сни 1; пѣ́сьми 13.
пѣствóрцы 14.
пѣ́ти 2, 14, пѣ́вше 14.
пя́тко 4; пятница.

Ра́ди 14.
развѣ́ты 12; розвѣявъ.
разлия́сь 8; розляла ся.
разлоучи́ста 7.
разѣ́мѣти 13.
ра́на 5; въ числѣ много̂мъ ра́ны 10, 10, 10, 12, ра́нами 9.
ра́нены 10.
ра́но 5, 7, 9, 11, 12, 12, 12, 12, 12.
раскро́пити 10.
рассѣ́ясь (у Муосинъ-Пушкина рассоушись) 4; розсѣявшись.
растѣ́кашете ся 2; розбѣгавъ ся, носивъ ся.
расти́шете 6.
расхы́тисте 10; (вы) розхватили, забрали, заграбили.
рата́евѣ 6; ратаѣ, земледѣльцѣ.
рати́ 6; въ числѣ много̂мъ ра́ти 6.
ратна́го 1; воивного, рицарского.
Рекоуги́ 9; назва одного племени финьокого.
Ре́дедю 1. Редедя — князь Касого̂въ (Черкесо̂въ).
ре́чѣ 1, 3, 9, 12, 13, 13, 13, 13, (и рече́ 2, 3, 9, 11, 13); ре́коста 8, ре́косте 9; рек 11, ре́ко (рекши) 14.
ржѣ́те 2.
ри́скаше 11; ри́ци 2; о̂дъ рискати = великими скоками бѣчи або летѣти.

Digitized by Google

рóзни (приходитъ въ мѣстцѣ попсованóмъ) 11.
розѣ 8.
рокóтахоу 1; гремѣли, голосили.
Рóмане 10. Романъ Мстиславичь, пóзнѣйшій князь галицкій, отець короля Данила.
Рóманови 1. Бесѣда о Романѣ, братѣ Олега „Горнославича". Онъ вязавъ ся зъ Половцями противъ Руси, однакъ пóзнѣйше Половцями зóставъ убитый.
Росíй або Рси 10. Рѣка Рось, доплывъ Днѣпра.
роспѫщени 3.
Ростíслава 13, Ростíславѣ 13. Бесѣда о Ростиславѣ, сынѣ Воеволода, що въ 23 житя утопивъ ся въ рѣцѣ Стугнѣ.
Ростíславлѣ (у Мусинъ-Пушкина неправильно Ростиславы) 13.
рóстре 13; розпростерла, розляла.
рострѣлíевѣ 13.
роукáво (або роукáв) 12.
Рóсичи 3, 4, 5, 7.
рóскаго 8; рóскыи 8; рóскои 6, 7, 8, 8, 9, 11, 13, 14, 14; рóскоую 1, 7, 8, 8, 10, 10, 10, 11, 13; рóскоу 8; рóскыма 3, 5; рóскыме 9; въ числѣ многомъ: рóскымъ 8, рóскы 5, роускúхъ 11.
роучьıй 13; ручаѣ.
рыкáюте 10.
рѣзанѣ 10. Рѣзань (дробна монета) вартости сороковця.
рѣкы 13, рѣкы 8, рѣкою 13, рѣцѣ 5, 9, 12, 13; число многе: рѣкы 8 (и задля ассонанціи рѣкы 5).
рѣткó 6.
рѣч 6.
Рюрíче (акцентъ не зовсѣмъ певный) 10; Рюрíковы (adj.) 11. Рурикъ и Давидъ були сынами Ростислава. Великій князь Святославъ, довѣдавшись о сумнóй доли Игоря, хотѣвъ бувъ вступити ся за него. Онъ удавъ ся о помóчь до князѣвъ Давида и Рурика, але Давидъ одмовивъ.
рыдáше (правлячи) 10; рыдáше 11.

G (рѣдко со) правитъ 2. и 6. падежемъ.
сáблий 2, 7; число многе: сáблѣмо 5, саблíи 5, 9, 9, 10. Руски воины XII. вѣка уживали побочь славяньского меча такожь азіятскои шаблѣ.
сáлтаны 10; султаны. Єсть догадка, що войска галицкого князя воювали при боку Фридриха Барбароссы зъ султаномъ Салядиномъ.
сами 11, 11; число многе: сáми 1, 2, 8, 8. 9, 9, 9 (и задля ассонанціи самíи 7); число двойне самóю (по-

Digitized by Google

оля Мусинъ-Пушкина самаю) 9.
скаты́ 7.
скина́ти 2.
свисне́ (неправильно задля ассонанція) 13.
сви́сто 3.
свой, свои, свое. Въ ритмики церковныхъ молитовъ выходитъ у всѣхъ падежахъ акцентъ на першо́й о́слябѣ и такъ акцентуєсь переважно въ Словѣ; головне вынятя становитъ число многе свои́ для розро́жденя о́дъ числа един. сво́и. Въ поематѣ подыбуємо слѣдуючи формы: сво́его 9 (и своего́ 4), сво́и (задля ритму мѣсто сво́ем) 5, сво́ему 11, своей́ 3, сво́ю 12 (и свою́ 3, 6), сво́ею 1, свои́м 5, сво́ем 10; въ числѣ многомъ: сво́и 2, 3 (и задля ассонанціи свои́ 11, 11), сво́ихъ 8, 13, свои́ 1, 1, 3, 10. 10 (и задля ассонанціи сво́и 13), сво́ими 11, 13 (и свои́ми 8, 10, 10, 11); число двойне: сво́ею 12.
свы́чаи 5.
сѣ́домы 2.
сѣ́кт, 2, 4, 10, сѣ́кто 5, 9, 13, сѣ́кта 7.
Сѣ́тите сы 14 (може лучше булобы: Со́лнце сѣ́кти(ть) сы на небьсѣ́.)
сѣ́тлый 2, сѣ́тло́е 3, 12.
Свято́слава 14. Святослав той бувъ сучасникомъ пое́та Бояна и „пѣ́ьтворцемъ“ Олега.
Свитосла́вли носады 12; байдаки кіевского князя Святослава, на котрыхъ о́нъ предпринявъ выправу противъ Половцѣвъ. — Свитсла́вли 8; Свитосла́влю 8.
Свитосла́ко 8, 9; за часо́въ походу Игоревого князь кіевскій; прославивъ ся въ во́йнахъ зъ Половцями.
Свитосла́ко („молодый мѣсяць“) 9. Бесѣда о 19-лѣтно́мъ Святославѣ Ольговичу, князю рильско́мъ, котрый бравъ участь въ походѣ Игоря на Половцѣвъ.
Свитсла́вличи 1, 2, 10, 10, 10, Свитосла́вличи 4, 8; Свитосла́вличю 1, 4, Свитсла́вличю 14 — завсѣгды акцентъ на а.
сѣтыи 11, сѣтѣ́й 14.
сдоума́ти 8.
се 5, 9, 9, 11; бачь, ось.
се (pron.) 8, 9, 9; се́го 1, 2, 2, 10 (въ другомъ уступѣ мѣсто соловию стараго времени, що не мае змыслу и навѣть противитъ ся ритмови, поправляю соловию сего времени); сию́ 1; число многе сѝи 2.
(на) себе́ 8, 8; се́бѣ (по́сля тексту Мусинъ-Пушкинового) 2, 4, 6, себѣ́ 9; на се́бѣ 12.
сего́дни (такъ читаю въ 11.

Digitized by Google

уступѣ мѣсто Муссинъ-Пушкинового сего ко нынѣ).
сѣдмоме вѣцѣ 11. Гл. „Темнѣ мѣстця“ стор. 74.
сѣредца (форма повноголосна) 1, 9.
сѝленаго 9, сѝлеными 8.
сѝлоу 8, сѝлах 8.
синѐѣ 9, синѐго 3, синѐмоу 9, 9, синѣ 8, 11, 12, синѝи 5. Акцентъ неправильный, здѣсь для того, що синий въ Словѣ береси всюды въ значеню перенесенѣмъ. Гл. „Темнѣ мѣстця“ стор. 30, 51, 98.
сѝноч 9; сеи ночи.
сѝцен 6; такои.
скáчюте 2; скáча 2.
сквóзѣ 12; крѣзь, черезъ.
скóвана 9.
скóчи 11, 11, 11, 13.
скрáтѝшасѧ 6.
слáва 3, 6 (и слáка 14), слáвы 2, 4, 9, 11, слáкѣ (такъ поправляю мѣсто Муссинъ-Пушкинового славы) 2, слáкоу 8, 9, 9, 11 (и задля асонанціи слáкѣ 1, 11).
слáкию (соловѣемъ), 1, 2; число многе славіѝ 4.
слáла 12.
слез 12, слѐзами 9.
слѐтѣста 9; злетѣли.
слóво 9, словесы 1.
Словѣтичоу 12. Словутичемъ названый Днѣперъ; въ пѣсняхъ народныхъ приходитъ Славута.
слы́шите 12, слы́ша 6, 11, слы́шано 6.
слѣдо 4, (на) слѣдѣ 13.
смáгоу 8; огонь, пожаръ. (Въ такъ званѣй рукописи Катерины стоитъ смагоу людемъ; ритмика выказуе, що людемъ есть ту додаткомъ зовсѣмъ неможливымъ.)
смóрци 13; сумерки. Гл. „Темнѣ мѣстця“ стор. 93.
смы́сленый (м. смы́слено) 11; розумно.
смы́слити 8; змыслити.
смѣшѐно 9, 9.
снѐсе сѧ 9.
снопы́ 11.
собѣ 10, сóбою 13.
соглядáти 8.
сокóл 8, 9, 10; сóколо 13, 13; сóколоу 4; сóколом 13 (и сокóломе 13); въ числѣ многѣмъ сокóлово 1, 1, сóколы 2; въ числѣ двойнѣмъ: сóкола (пѣсля текоту М.-Пушкинового сокóла) 9, сóколома 9.
сокóльцы 13, 13, 13 (у М.-П. въ першѣмъ зъ тыхъ мѣстць соколича.)
сóлнце 12, сóлнцю 10. Гл. „Темнѣ мѣстця“ стор. 90.
соловіѝю 2, соловѝи 13.
сóлонце (форма повноголосна мѣсто солнце) 3, 3, 14; сóлонца 5, 9.
сон 9.
сопряжѐ 12.
сорóкы 13, 13.

Digitized by Google

Со́фии 11.
спа́ла 3; обпалавъ, запалавъ, загорѣвъ.
спитъ 13.
сребра́ 8.
сребре́но 4, сребре́нѣй 9, сре́бреныхъ 13, сребре́ными 11.
сре́ди 7, 8.
сро́ни 10.
'ста (м. есть) 9.
ста́до 1, 1; въ числѣ многомъ стады́ (шестый падежъ) 2.
ста́раго 1, 11, ста́рому 1, ста́рою (?) 9, стары́ми (задля ассонанціи) 1, ста́рымо 14.
створи́сте 9.
стели́ште (акцентъ неправильный) 11.
стла́вшому 13; стелившому.
сто́ишн 5, сто́ите 2.
столи́ 5, 9, 10, 10, 11; столы́ 13, столѣ 10.
сто́лпа 9.
стона́ти (можнабы читати сто́нати) 11; сто́ноуцин 3.
стра́даше 11.
страны 10, 14; стран 5, 8.
стре́жаше 13.
стремя́нь 3, 6; стре́мени (задля риму мѣсто стремена) 10.
Стрибожи 5. Гл. „Темнй мѣстця“ ст. 79.
стрикосы 11; боевй жребія. Гл. „Темнй мѣстця“ отор. 50.
стрыгы 13.
стрыжие 4, стрыжиемъ 11; ратище. (Слово тое выводятъ одъ строугати; по моей гадцѣ повстало оно зъ съ + роужие, — дословно означае „окладову часть оружія“).
стрыны 1.
строую 13, строуими 11, строуихъ 13.
стрѣлкы́ 12.
стрѣлы 6, 7, стрѣлами 5, 5, 10, 13 (и стрѣлами 4, 5).
стрѣлѝти 10, стрѣлѝвши 10, стрѣлѝй 10.
Стрыгна 13.
стоуде́ноую 13.
стыкноу 13.
стоупа́ете 6.
стяго 4, стязи́ 2, 5, 7, 11, 11; праноръ, праноры. (Скандинавске stöng = жердка).
сѣдо 6, сѣда 11; соудо́ы 10.
соудѝше 11.
сѣлици 10, 10; оспосы, остра́ у копій.
Соула́ 11, Соули́ (для ассонанціи мѣсто Соулѣ) 10, Соулою 2. Рѣка Сула есть доплывомъ Днѣпра.
Сърожоу 3. Сурожемъ звалось въ давныхъ часахъ море азовске.
сухоу 10.
суте 10.
схопи сы 11.
сын 11, сыно (?) 6, сыноу 9; въ числѣ многомъ сыно́къ 11, сыны (шестый падежъ) 10.
сыновца 9 (у Муссинъ-Пушкина сыновчы).
сыпахоуте 9.
сѣдинѣ 9; сивому волосю (одъ сѣдый).

Digitized by Google

сѣдиши 10.
сѣдлáй 2.
сѣдло́ 8, сѣдлá 8.
сѣ́ню (м. сѣ́нию) 13; тѣне́ю.
сѣ́рыме 1, 4, сѣ́рыи 2.
сѣ́яше 6, сѣ́яшете сѧ 6.
сѧ (заименникъ звороτный) ставитъ ся передъ або по глаголѣ. Въ двохъ мѣстцяхъ стоитъ глаголъ съ двома сѧ: сѧ разлоучиста сѧ 7, сѧ подкизаша сѧ 13.

Та гл. той.
тáко 13.
тáмо 5.
Татрáны 9; назва одного племени фиńского.
твóрити 1.
твою́ 11; въ числѣ многóмъ твоя́ (?) 10 (гл. грозы).
тебѣ́ 3, 4; тебе́ 5.
тéктоме 13; стукотомъ.
телкóвино (акцентъ неправ.) 9. Гл. „Темнй мѣстца“ ст. 10.
телѣгы́ 3; мажѣ, возы.
тéмнѣ 13; темнóмъ.
темнó 9.
тéпло 11, теплы́ми 13.
терéмѣ 9; въ дворѣ.
тéчете 11, 11, тéкоуте 5, текóть 10.
тканúноу (у Муосинъ-Пушкина канúноу) 6.
ти (тобѣ) 9, 10, 13, 13; яко dativus ethicus 2, 2, 13 (не тако ти), 14, 14.
тúсовѣ 9.
то 1, 13; то (яко союзъ).
тогдá 1, 3, 3, 6, 6, 9, 13, 13.
тóже (здае ся мѣсто тойже) 6.
той 1, 6, 11, та 1, то 6, 8, тóго 2, 8, тóмоу 11, 11; въ числѣ многóмъ: тúи 9, ты́и 10, ты 6, 6, тѣ́ми 10; въ числѣ двóйнóмъ та 8.
тóлько 13.
Топчлакы́ 9; назва одного племени фиńского.
тóска 8, 9.
тоцѣ 11.
тоцiúми 9; порожными, пустыми.
травá 7, 13, травѣ́ (для ассонанціи) 13, тракѣ 11.
трепéщоуте 5; дрожать.
трéсвѣтлое 11; тричи ясне.
трéсноу 9, 10; затряслась, трѣснула, кинулась.
трéтiй 9, третьегó-дни 7.
трéщи(т) 7.
три 10.
трóпоу 2. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 77.
трескóташа 13; скреготали.
трóстию 13; въ тростину, въ очеретъ.
Трóяню 2, 8, Трóяни 6 (и Трояни 11). Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 73—79.
трѹ́бы 2, 11, трѹ́бами 2.
трѹ́бите 2, 11.
трѹ́дных 1; сумных, скорбных.
трѹ́доме 9. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 30.
трѹ́пиа (м. троупиа) 6.

Digitized by Google

трѣсы 13; трусячи, отрясаючи.
тоу 5, 5, 7, 7, 7, 8, 8, 8, 11.
тоуга́ 9, 9, тоугою 7, 7, 8, 12, 13.
тоули́ 2, тоулы́ 12, тѣлы (шестый падежъ) 9; сагайдаки.
тоур 2, 5, тоурѣ 14, тоуре́ 5, 5; въ числѣ многомъ тоури́ 10. Туры бувъ то родъ дикихъ воловъ.
тѣтнете 5.
тѣчы 5; чорнѣ (дощевѣ) хмары.
ты 2, 2, 10, 10, 10, 10, 10, 12, 12.
тьма 9, тьмою 3, темою 3, 9.
Тьмоутороканы 9, Темоуторокапы 11, Тьмоутороканѣ 6. Повъ-островъ Тамань на всходномъ побережу азовского моря; такожь назва мѣста.
тьмоуторокапескый 3.
тѣла 11, 11, тѣлоу 14, тѣлѣ 11, 12.
тыжко 14.

Оу (приименникъ зъ 2. падежемъ).
оубѣди 3, 4, 8, оубѣдиста 8.
ѣгорескыи 10.
ѣдалыми 10.
ѣже 3, 3, 5, 8, 8, 8, 8, 9, 9, 9, 9, 9, 9, 9, 9, 10, 11, 11.
оужинѣ 13; одъ оужинъ = вечеря.
оузороччьи 4; узорами, рѣчами дорогоцѣнными.
оум 10, ѣмо 1, 3, 9.
Оумри 9. Гл. „Темнѣ мѣстця“ стор. 42.
ѣношоу 13, ѣноши 13.
оуныли 11, оуныша 9, 13; поникли, змарнѣли.
оусобица 8, оусобицѣ 1, оусобицами 6; межиусобна (домашна, братня) незгода, война.
оуспѣ 4. — оуспи́л 8.
оутѣрпѣ (самогласна р) 11.
оутече 8. Такъ читаю послѣ рукописи царицѣ Катерины, копіи Муссинъ-Пушкиновои рукописи; въ выданю Муссинъ Пушкина приходитъ тече.
оуторже 11. Гл. „Темнѣ мѣстця“ стор. 50.
оутра́ 6.
оутрѣ 12.
ѣши 6.
оуцѣкота́л 2; оспѣвавъ, защебетанъ.

Харалѣжныи 7, харалѣжныи 10, харалѣжными 5, 8, 11; булатными, сталевыми.
харалѣзѣ 9. Харалоугъ=криця, сталь.
хвалоу 9.
хи́нова 10.
хи́новескыи 12.
хи́ноци 9; ханови.
хоботы (находитъ ся въ мѣстци попсованомъ) 11; хвосты (бунчуки) на стягахъ.
холомы (форма повноголосна мѣсто холмы) 8.
хоробро (акцентъ не зовсѣмъ певный) 4.

Digitized by Google

Хо́росови (форма повногласна мѣсто Хорсови) 11. — Гл. „Темнй мѣстця“, стор. 81.
хо́рюгове 4.
хоти́ (ѳдъ хоть) 5, 14; люба, жѣнка, приятель.
хо́чю 3, хоцѝ 3, хо́тѧте 5, 6; хотѧ́ше 1; хо́тѧ (хотячи) 10.
хра́бра (ѳдъ хра́бръ) 6, 11; въ числѣ двойно́мъ хра́бра 9.
хра́бра́ (ѳдъ хра́брый) 10, 10, хра́бра́го 3, 10, хра́бро́мѫ 1, 4; въ числѣ двойно́мъ хра́бра́ 8; въ числѣ много́мъ: хра́бри́и 5, 7 (и задля ассонанціи хра́бри́ 10), хра́бры́ 1, 5.
хоу́дѫ́ 13.
хоу́да́ 9; насмѣшка, наруга, ганьба.
хытрѫ́ 11; хитрому, умному.

Цвѣ́лити 9; цвѣгати.
цвѣ́ты 13.

Ча́га 10; невольница.
чайца́ми 13.
ча́сто 6, 11.
человѣ́комо 6 (зъ ритмики церковныхъ молитовъ выходитъ акцентъ чло́вѣ́ко.)
чемѫ́ 12, 12, 12, 12.
чѣ́пы 12; цѣпами.
черелѣ́на (форма повногласна мѣсто черлена) 4, черелѣ́но 4; черелѣ́ныя 3, черелѣ́ными 4, 5, 11; багряный, червоный.
чѣ́рена (форма повногласна мѣсто чѣ́рна) 7; чѣ́реный 4, чѣ́реною 9; чѣ́реныя 5.
черна́дьми (форма повногласна мѣсто чернадьми) 13; чернядками, чернятами (рѳдъ чорныхъ качокъ).
Чѣ́рнигово (?) 8, Чѣ́рнигова (самогласна р) 5, Черни́говѣ 9.
Черни́говескыми 9.
чѣ́рпахоуте 9.
четы́ри 5.
чи (задля ритму м. ли) 9.
чиль (такъ выказуе ритмика мѣсто Муссинъ-Пушкинового чили) — 2. Гл. „Темнй мѣстця“ стор. 11.
чисто́моу 3.
чо́лока (форма повногласна м. чолка) 4; бунчукъ (хвостъ) у стяга.
чрезъ 10, 14; чрес (форма фонетична) 2, 2, 11.
чти 2, 4, 5; чести.
что 7, 7.
чюжи́ 13.

Шарока́ню 9; Шаруканову. Шаруканъ, ханъ Половцѣвъ, побитый рускими войсками (р. 1107) ледви живый утѣкъ зъ побоевища.
ше́ломоме 3, 9 (и шело́моме 5); въ числѣ много́мъ ше́ломы (першій падежъ) 5, 10, 10, 11, ше́ломы (четвертый падежъ) 5, 7 (и шело́мы 5),

Digitized by Google

шелóмы (шестый падежъ) 2, 10 (и шéломы 10).
шелóмынем 3, 5. Гл. „Темнá мѣстца“ стор. 15.
Шéльбиры 9; назва одного племени фиńского.
шерéширы 10; самострѣлами.
шестóкрильци 10.
шизы́ме 1; сизымъ.
ширóкыа 2.
ши́рыа сѧ 10; кружляючи (розширивши крыла).
шѣ́мите 7.

Щéкото 4; щебетъ.
щиты́ 3, 4, 5, 10, 11; щи́тово 9.

Є (мѣсто его) 13, 13.
его́ 3, 12, 12; емѣ́ 2, 3, 3, 3, 4, 7, 13.
єди́но 11, 11.
е́диє (у Мусоинъ-Пушкина оуєдиє); ѣда́, жиръ.
емлю́хоу 8; побирали.
єсѝ 3, 5, 12, 12, 12; въ числѣ двоѝнóмъ єсѣ́ 2, ’сѣ́а (м. єста) 9.

Ѣ́дете 14.
ѣ́здите 13.

И 9.
и́звено 11; чепець, друге тѣло. Гл. „Темнá мѣстца“ ст. 50.
и́ко 8, 10 (и́ко со́коло). Въ IX уступѣ мѣсто и́кы (пáрдоуже гнѣ́здо́) лучше булобы и́ко.
ипóнчицами 4; опанчами.
ир 5, 5; буйный.
Ирóслава 9. Бесѣда о князю чернигóвскóмъ, братѣ великого князя кіевского Святослава.
Ирóславе 1. Ярославъ, князь галицкій, пановавъ óдъ 1153—1187 року; держава его сягала ажь по Дунай, до устя Серета и Прута.
Ирóславе 11. Пóоля Максимовича бувъ Ярославъ той княземъ пиньскимъ, сусѣдою и приятелемъ князѣвъ полоцкихъ.
Ирóславлы (adj.) 6; Ирóслоу 1. Бесѣда о Ярославѣ Мудрóмъ, сынѣ Володимира Великого.
Ирослáвна 12, 12, 12; Ирóславнино (adj.) 12. Ярославна (дочка Ярослава Осьмомысла) була женою Игоря; хрестне имя єи *Евфросинія*.
Ирóславо 6. Слово тое находитъ сѧ въ мѣстци попсованóмъ (гл. Всеволожь); интерпреты поправляютъ на Ирославль = Ярославовый.
ироугы́ 2, 8, ироугáм; яруги, вывозы.
Итвы́зи 10; Ятвяги (сусѣды Литовцѣвъ).

Digitized by Google

Digitized by Google

Текстъ Слова послѣ выданія Муссинъ-Пушкинова.

Слово о пълку Игоревѣ Игоря сына Святъславля внука Ольгова.

I.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича.

Начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки.

Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобіцѣ; тогда пущашеть ї соколовь на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю.

Боянъ же, братіе, не ї сололовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря; иже истягну умь крѣпостію своєю, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы на землю половѣцькую за землю руськую.

II.

О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пълкы ущекоталь, скача славію по мыслену древу, летая умомъ

Digitized by Google

подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.

Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чресъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому. Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь внуче.

Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ. Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ, свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславличя; сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди. А мои ти Куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмленъ, пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славѣ“.

III.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону“. Спала князю умь похоти и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. „Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля половецкаго съ вами Русици; хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону“.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ: Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскый блъванъ.

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птиць подобію; влъци грозу въ срожатъ по яругамъ; орли

Digitized by Google

клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты. О руская земле! уже за шеломянемъ еси.

IV.

Длъго ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ заранія въ пятокъ потопташа поганыя плъкы половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами, и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святьславличю.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далеко залетѣло; не былонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине.

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Копчакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

V.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синіи млънии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О руская земльѣ! уже не шеломянемъ еси.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ. Половци идуть отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ странъ; рускыя плъкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ Туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо

Digitized by Google

лежатъ поганыя головы половецкыя, поскепаны саблями каленымі шеломы Оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде.

Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая!

VI.

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святьславличя. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославь сынъ Всеволожь: а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада князя.

Съ тояже Каялы Святополкъ повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко святѣй Софіи къ Кіеву.

Тогда при Олзѣ Гориславичи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, но часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицеи рати не слышано.

VII.

Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта — летятъ стрѣлы каленыя; гримлютъ сабли о шеломы; трещатъ копіа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли половецкыи. Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другыи: третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю рускую.

Digitized by Google

Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось.

VIII.

Уже бо, братіе, невеселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ Дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ, у Дону плещучи убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе; рекоста бо братъ брату: „се мое, а то моеже;“ и начяша князи про малое „се великое“ мълвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю рускую.

О далече зайде соколъ, птиць бья къ морю: а Игорева храбраго плъку не крѣсити. За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми, тоска разліяся по руской земли; печаль жирна тече средь земли рускыи; а князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами побѣдами нарищуще ва рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозныи, великыи, Кіевскыи. Грозою бяшеть; притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи: наступи на землю половецкую, притопта хлъми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка изъ лукуморя отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ яко вихръ выторже: и паде ся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы половецкія, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево.

Digitized by Google

IX.

Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче. А Святъславь мутенъ сонъ видѣ: „Въ Кіевѣ на горахъ синочь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чрѣною паполомою на кроваты тисовѣ. Чрѣпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя; уже дьскы безъ кнѣса вмоемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху у Плѣсньска на болони, бѣша дебрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю". И ркоша бояре князю: „Уже княже туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самую опустоша въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; по руской земли простроша ся Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть хинови. Уже снесе ся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връже са дивь на землю. Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже дружина жадни веселія."

Тогда великій Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую пролiясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребренѣй сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и много вои брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топчакы, нъ съ Ревугы и съ Ольберы. Ти бо бес щитовъ съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте: „Мужаимѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ". А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

Digitized by Google

Нъ се зло княже ми не пособіе; на нице ся годины обратиша. Се Урижъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову".

X.

Великый княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти: удалыми сыны Глѣбовы.

Ты буй Рюриче и Давыдѣ! не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями каленымі на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю рускую, за раны Игоревы, буего Святославлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованѣмъ столѣ. Подперъ горы угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; оттворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю рускую, за раны Игоревы, буего Святославлича.

А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже княже Игорю утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе сронѣ. По Рсі и по Сули гради подѣлиша, а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донъ ти княже кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Олговичи храбрыи князи доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! непобѣдными жребіи собѣ власти

Digitized by Google

расхытисте. Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкiи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича.

XI.

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Єдинъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовскiя; притрена славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кроавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе. Унылы голоси, попрче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскiи.

Ярославе и вси внуце Всеславли! уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начисте наводити поганыя на землю рускую, на жизнь Всеславлю, которое бо бѣше насплiе отъ земли половецкыи! На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребiй о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотче ся стружiемъ злата стола Кiевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣси ся синѣ мьглѣ, утръже воозни стрикусы, оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кравави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судiше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до куръ Тмуторокания; великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: „ни

Digitized by Google

хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божіа не минути". О! стонати руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей. Того старого Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы а друзіи Давидовы; нъ рози нося имъ хоботы пашутъ, копіа поютъ на Дунаи.

XII.

Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: „О вѣтрѣ, вѣтрило! чему господине насильно вѣеши? чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему господине мое веселіе по ковылію развѣя?"

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ аркучи: „О Днѣпре Словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано".

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче!"

XIII.

Прысну море полунощи: идутъ сморци мьглами. Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли половецкой на землю рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти. Князю Игорю не быть. Кликну, стукну земля, въшумѣ трава:

Digitized by Google

вежи ся половецкія подвизаша ся. А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду, въвръже ся на бръзъ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече: „Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а руской земли веселіа“. Игорь рече: „О Донче! не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу. Стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на вътрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту. Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонило, а не сороки втроскоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сороки не троскоташа, но лозію ползоша только; дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.

Мльвитъ Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами“. Рече Кончакъ ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею“. И рече Гзакъ къ Кончакови: „А ще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ половецкомъ“.

XIV.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца (стараго времени Ярославля) Ольгова, коганя хоти: „Тяжко ти головы кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы“; — руской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтится на небесѣ: Игорь князь въ руской земли! Дѣвици поютъ на Дунаи; вьются голоси чрезъ море

Digitized by Google

до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ. Пѣти: слава Игорю Святъславлича, Буй Туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу! Здравіи князи и дружина! (побаряя за христьяны на поганыя плъки. Княземъ слава а дружинѣ. Аминь.)

Ритмична будова молитвы „ВѢРУЮ“ *)

Вѣрую во єдинаго Бога,
Отеца (и) вседержителя,
Творца небѣ и земли,
Видимымо же всѣмо и невидимымо.

И во єдинаго Господа Исуса Христа,
Сына Божия єдинородена,
Иже ото Отеца рождена
Предиже всѣхо вѣко.

Свѣта ото свѣта,
Бога истинена ото Бога истинена,
(И) рождена, несотворена,
Єдиносущественна Отецоу, —
Иможе весь (та) быша.

Насо дѣля человѣко
И за сопасенія ради нашего
Сошедоша со небесо;
И воплотившасѧ —
Ото Духа свята и Марія Дѣвы,
И вочловѣчившасѧ.

*) Текстъ молитвы наводжу пѣсля правописи старославяньскои а выговору старорускаго, читаючи кожде ѧ якъ оу, кожде ę якъ и, кожде ъ якъ о, кожде ь якъ е.

Digitized by Google

Разопя́та же за ны
При По́нотестѣ Пила́тѣ, —
И стра́давша и погре́бена и возокре́сша
Во тре́тий де́не по писа́нiемо.

И возше́дша на небеса́,
И сѣ́дяща одесноу́ О́теца,
И па́кы гря́доуща со сла́вою
Соудѝти жи́выма и ме́ртвыма,
Его́же ца́рствию не боудѣ́те ко́неца.

И во Дх̑а свя́та,
Го́спода (и) живото́воряща,
Йже́ о́то О́теца исхо́дяща,
Иже́ со О́тецеме и Сы́номе
Сопокланя́ема и сосла́вима,
Глаго́лавша про́рокы.

Во еди́ноую, свято́ю
(И) собо́реноую и апо́столескоу це́ркове.

Исповѣ́доую еди́но кре́щенiе
Во оста́вленiе грѣ́хово.
Ча́ю возокре́сенiа ме́ртвыхъ
И жи́зни боудоущаго вѣ́ка, а́мiне.

У В А Г И.

Въ словахъ **еднаго** и **боудоущаго** уважаю самогласну **а** довгою. Въ старославяньскомъ языцѣ въ другомъ падежи приложниковъ писали часто два **а** (**добрааго, малааго**), безпереченo лишь для зазначеня довгости, бо годѣ

Digitized by Google

припустити, щобы два чистй ѧ вымовлялись побо́чь себе. (Въ Словѣ о полку Игоревомъ мѣсто **грѧхоуть** приходитъ форма **грѧѧхоуть**, въ котрой два ѧ, якъ выказуе ритмика, творятъ одну сплябу: **гра́хоуте**).

Въ чотырёхъ мѣстцяхъ вставляю до тексту слово **и** н. пр. **Господа и животворящаа** (въ лат. текстѣ стоитъ: Dominum et vivificantem).

Мѣсто **вьсѧ бышѧ** приймаю задля ритму **вьсѧ та бышѧ** (въ грецкомъ первотворѣ стоитъ: τὰ πάντα ἐγένετο).

Акцентую **зе́млѧ** (якъ въ Словѣ о полку Игор.) и **небо́**. Послѣдній выразъ стоитъ мѣсто **небесѣ**, — согласна **с** на ко́нци сплябы потягнула акцентъ за собою. Мы нынѣ не кажемо: **не́бесн**, **не́бесѣ**, отже и въ формѣ **небо** першои сплябы акцентовати не можна.

Для старославяньского языка приймаю акцентъ **Хри́стосъ**, тымъ бо́льше, що въ многихъ памятникахъ старославяньскихъ приходитъ ту самогласна **ъ** (**Хрьстосъ**), котра безвыемково акцентовалась. Мы и нынѣ еще въ пято́мъ падежи акцентуемо сплябу першу: **Хри́сте**.

Мѣсто **єдиносоущьна** кладу слово **єдиносоущьствена**. (Такужь замѣну роблю и въ молитвѣ **Отьченашь**: **хлѣ́бо наш насу́щьствено да́жде на́мо де́несе**).

Мѣсто **прежде** домагаюсь ритмика формы **преднже**.

Якъ акцентовати **жизни**, рѣшитись не могу; зъ молитвы **Царю небесьный** выходитъ акцентъ **жизни́**.

Digitized by Google

Переглядъ.

	стор.
Вступнѣ уваги	3
Текстъ Слова	11
Перекладъ	33
Поглядъ на истор. и митол. сторону Слова	48
Ритмъ поематy	51
Старорускѣ римы (алитерація, ассонанція, властивѣ римы)	56
Правила акцентовѣ.	
Самогласнѣ ρ и л	69
Самогласна ѣ	71
Силябы слабѣ и сильнѣ	73
Самогласнѣ ъ и ь, и вплывъ согласныхъ на акцентъ	78
Историчный розвѣй руского акценту	87
Самогласнѣ вставнѣ е и о	91
Акцентъ въ словахъ зложеныхъ	93
Акцентъ глаголѣвъ	95
Двоякій акцентъ слѣвъ	96
Вплывъ приименикѣвъ на акцентъ	101
Слова зъ двоякимъ акцентомъ	103
Доповненя до митологіи Готѣвъ	107
Поправки	113
Словарь	119
Текстъ Слова пѣсля Муссинъ-Пушкина	147
Ритмична будова молитвы Ѣкрогю	156

Digitized by Google

1729

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 01090 9771

Digitized by Google